

К1449 381

литературный альманах

ПРОСТРАНСТВО
ЛЮБВИ
СОЗДАВАЯ

Литературный альманах

*ПРОСТРАНСТВО
ЛЮБВИ
СОЗДАВАЯ*

Стихотворения, поэмы, проза

Вологда
2012

Р
ББК 84(2Рос=Рус)
УДК 821.161.1
П 82

П 82 **Пространство любви создавая.** – Вологда, 2012. – 196 с.

В сборнике представлены произведения членов литературного объединения «Среда» под руководством Ольги Фокиной, которое работает в Вологде с 1997 года. Сборник можно назвать итогом пятнадцатилетней работы объединения.

ISBN 978-5-905713-31-6

ББК 84(2Рос=Рус)
УДК 821.161.1

ISBN 978-5-905713-31-6

© Составители: В.Н. Коричева, Г.В. Макарова, 2012
© Авторы, 2012
© Дизайн обложки: В.Н. Коричева, 2012

«...хоть один пиит»

«...Слух обо мне пройдёт по всей Руси великой,
И назовёт меня всяк сущий в ней язык...»

Но: «...И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит...»

Вот ведь оно как!

«Услышать» и «назвать» – доступно каждому, а возлюбить и прославить – только родственнику по состоянию и устройству души: ПОЭТУ. Надеялся Александр Сергеевич Пушкин, что не закончится на нём славная плеяда людей одухотворённых и преданных крылатому родному слову, – и правильно надеялся. Как ни круты склоны Парнаса, сколь ни высоки его вершины, поток желающих приблизиться к ним не иссякает.

Вот и мы, члены литературного объединения «Среда» при Вологодском отделении Союза Писателей России, – туда же: то идём, то карабкаемся, то срываемся в ущелья отчаяния, но продолжаем путь, чтобы, как Пушкин, «чувства добрые» в людях пробуждать и тем «быть любезными» родному народу.

Век-то наш вред ли менее жесток, чем пушкинский.

Ольга Фокина, руководитель лито «Среда»

* * *

Я повторяю мудрую ошибку,
Как тот рыбак, нехитрый старикан, –
Свою любовь, как золотую рыбку,
Без выкупа пускаю в океан.

Плыви, плыви! Твоё – тебе открыто:
Я не хочу ни власти над тобой,
Ни царства, и ни нового корыта,
И ни избы с белёною трубой.

И если жизнь, сварливая старуха,
Пошлёт к тебе с поклоном – я схожу:
Последнюю ячменную краюху
Рыбёшкам океанным искрошу,

И мне рыбёшки с короб наболтают!
...Но всё забуду, кроме вести той,
Что – на свободе рыбка золотая!
И что она осталась – золотой...

Ольга Фокина

Галина Александрова

Галина Александрова (Галина Александровна Осокина) родилась в Харовском районе Вологодской области. Юрист по образованию, работает судьёй в Вологодском областном суде. Автор двух сборников прозы: «Куда уходит солнце» (2010) и «Записки судьи» (2011).

В деревне

Электричка унеслась, оставив на перроне полустанка меня да ещё нескольких пассажиров. Оглядевшись, я поняла, что среди них нет попутчиков, и, подобрав увесистые сумки, двинулась к деревне...

Мысли бегут гораздо быстрее, чем я могу идти: «Дорога, мост через реку и на крутом берегу деревня. Моя родная, любимая, стареющая, упорно живущая...»

И вот она показалась из-за деревьев. Зима украсила её как могла, словно оправдываясь за ту обречённость на вымирание, которую определили деревне люди: белые шапки на крышах, изморось на ветвях...

Я всё ещё иду по укатанной машинами дороге и в предвкушении встречи с родным и близким гадаю: протоптана ли тропинка к реке? Это для меня признак жизни, память: женщины идут полоскать бельё, а ты несёшься с горы на санках, щёки морозит встречный ветер, варежки давно застыли «костью», а радости нет предела...

Вижу – есть тропа!

Всматриваюсь сквозь изморось, витающую в утреннем воздухе – из скольких труб идёт дым...

Вот и отворотка с большой дороги к деревне. Странный указатель на обочине сообщает, что до города «0,1км», а до деревни «0,3км». Только по пьянке можно было такое начертать. Но это не важно сегодня, я приехала домой, и меня ждёт мама.

На улице пусто, только соседская собака выскочила навстречу, твякнула и завиляла хвостом. Идти мимо домов с не расчищенными к калиткам тропкам – грустно. Разве такой была деревня ещё лет двадцать назад? Полсотни добротных домов глядели на мир весело, ребятишки носились по огородам и за деревней...

Теперь в редкой избе теплится жизнь: старушки да их непутёвые холостякующие сыновья...

Вот и мой дом и мама на крылечке... Остановись, мгновение! Я хочу запомнить всё. До мельчайших подробностей. Мой дом, после ремонта гордый своей новизной. Маму, постаревшую, но ещё такую неугомонную. Они излучают такое тепло, что хочется стоять и смотреть на них и ничего не говорить. Просто стоять и смотреть.

Где-то я читала, что деревенский дом – это век, а городская квартира – год... И это так, а для меня родительский дом – вся жизнь.

Подхожу, здороваюсь с мамой и с домом, глажу его по обшивке. Мама торопит в избу, там тепло, пахнет супом из печки. Никогда и ничего не ела вкуснее. Мама хлопочет, накрывает на стол и делится новостями.

– Автолавка вчера была. Хорошо, мы настояли, чтобы приезжала, а то ведь сказали, что останавливаться в нашей деревне не будет, невыгодно. А на нас плевать, какая и вправду от старух выгода. Я позвонила в райпо, повозмущалась, по старой памяти решили послушаться. Помнят ещё, что

работала. Приезжают, всё в город не ползать. Ещё молоко фермер привозит. Собираемся и к автолавке, и к «молокану» за час, так уж привыкли...

Шучу:

– Тусуетесь.

– Конечно, а где ещё-то поговоришь?

– Как же у нас красиво, – глянув в окно на заснеженный лес, выдыхаю я.

– Только сквозь нищету эту красоту немногие видят, – грустно откликается мама. – Мужики спиваются. Все злые ходят. Одна Настька и улыбается. Не зря её зовут убогой. И в школе не училась, глупая, а такая добрая, плохого слова не скажет, кто ни попросит, всем рада помочь. Не зря таких убогими кличут: «у Бога я».

– Надо же, и не замечала, что так произносится, – удивляюсь я.

Разговор течёт и течёт. На печке мурлычет рыжий кот. Пригрелся старый и не хочет слезать.

– Что с котом? Почему он такой перекошенный? – интересуюсь, глядя, как тот трёт лапой полузакрытый глаз. Ухо у него разодрано и кровоточит.

– Да кто его знает. Сосед, правда, сказал, что это коты его. И животные озверели, – снова вздыхает мама, – прямо, как люди. Не щадят друг друга.

«Странно, – думаю я, – раньше человека злого со зверем сравнивали, а теперь наоборот. Дожили, называется».

Отобедав, поднимаюсь на второй этаж. Холодно, печка не топлена, маме хватает работы на первом этаже.

Я топлю печь, ещё зябко, но уходить не хочется. Сижу и говорю дому, что очень скучаю без него и снова глажу и глажу родные стены. Дрова в печи трещат, отдают ей своё тепло... прекрасно сидеть и смотреть на огонь! Всё словно за горизонт уходит и растворяется там. Остаюсь только я и мой дом и мама в нём.

Уже в девять вечера слипаются глаза. В городе никогда такого не бывает.

– Это кислород, дорогая, в городе такого воздуха нет, – расстилая постель, приговаривает мама.

Тишина режет уши, ощущение такое, что глохну: нет соседей сверху, что всё время выясняют отношения, и соседа сбоку, вечно что-то сверлящего дрелью...

– Как же хорошо, – шепчу я и проваливаюсь в сон.

Просыпаюсь, но обволакивающий покой не хочет отпускать. Дрова уже потрескивают в печи, и, слышу, мама уже двигает чугунки... эти минуты хочется длить и длить. И не надо другого мне счастья.

– Баньку будем топить? – интересуется мама, как только завидела, что я открыла глаза. – Завтра едешь-то или сегодня? – осторожно спрашивает.

– Сегодня, мама, но баню топить будем, воды я наношу, ты вымоешься и соседку позовёшь помыться, – пытаюсь успокоить.

– Я понимаю, ребята дома, – немного разочарованно соглашается мама и чуть веселее говорит, что сейчас пойдёт и сообщит соседке про баню.

...Вода наношена, баня затоплена. Пришёл сосед. Прознал, что я приехала. Дед ещё крепкий, весёлый и работающий. Разговор чуть хвастливый ведёт о разном: о пенсии, что хватает ему на жизнь и о том, что он, дед, не пьёт, о своём стареньком автомобиле. Разговор ни о чём – и хорошо, и ладно!

Мама любит мыться долго, парится в бане, как молодая. Я прошу её не засиживаться там, мне уже скоро на электричку.

Еле передвигаясь, прошла в баню соседка. Мама обещает поторопиться и поясняет ещё, что соседка жар не любит и убежит скоро. Меня разбавляет смех:

– Да, я видела, как быстро бежит она в баню, думаю, не быстрее побежит и назад.

Мама тоже смеётся. Смотрю ей вслед, когда она идёт по тропинке к бане. Минуты счастья...

Днём на солнце снег уже подтаивает и капель барабанит в крыльцо...

Уезжать не хочется, но электричка набирает скорость, и уже всё мелькает за её окном.

Мастрадия

Бабке Мастрадии не спалось. Ломота в костях была ничто по сравнению с мыслями, одолевавшими её уже которую ночь.

...Огород большой, трудно одной справляться. Долго не едет из города сын, хотя и обещался помочь с посадками. Пенсию всё никак толком не прибавят – все прибавки уходят на продукты. Соседка Фёкла, похоже, слегла окончательно, кто будет смотреть за домом?..

Все эти мысли роились и кусали, как осы, не давая заснуть. Да ещё дождь как нарочно барабанит по стёклам, словно просится на ночлег.

– И льёт, и льёт, собака, чтоб ему не ладно..., – ворчала она, отодвигая занавеску и пытаюсь хоть что-то разглядеть на улице.

– Темень – коли глаз, а придётся идти. Так полощет, что забьёт капусту, того гляди забьёт. А рассады больше нет, – охая и кряхтя, рассуждала вслух. Уже давно жила Мастрадия одна.

В коридоре всунула ноги в большие сыновьи сапоги и вышла на крыльцо. Тявкнула собака. Лай подхватили все деревенские псы.

– Замолчи, паразит, – махнула рукой в сторону Шарика, сонно лаявшего в темноту.

Осторожно спустилась с крыльца.

– Да ладно, лай уж, так веселее. Бабки глухие, коли спят, так пушкой не поднять, – потеплевшим голосом разрешила она псу. Однако тот, услышав ласковую ноту в голосе хозяйки, завилял хвостом и шмыгнул в будку. Дождь усиливался, ветер трепал платок на голове Мастрადии, казалось, готов был и юбку сорвать. Запахнув на груди телогрейку, она, всматриваясь в темень, медленно шла по огороду.

– Царица небесная, не убиться бы, чего пошарашилась, капусту пожалела, ошалелая, – ругалась на себя, – так и в борозде пропасть недолго, не найдут, пока Симка не припрётся. А та и долго может не прийти, пока не выдохнется да печь не истопит. Холодища, как осенью, хоть и Никола прошёл.

Оступившись, Мастрадия замахала руками, но, не удержавшись, приземлилась на грядку.

– Надо было хоть фонарь зажечь, дурья башка, чего тут увижу. Не ветер, так сама капусту переломая.

Нашупав плёнку, свёрнутую на краю гряды, она начала её раскручивать. Ветер рвал плёнку из её жилистых рук.

– Вот ведь, окаанный, – ругалась Мастрадия на ветер, – да дай ты хоть капусту-то закрыть, спасу от тебя нет. – Кое-как справившись с плёнкой, прижала края досками, специально приготовленными для этой цели. Стерев капли дождя с лица, изрытого чередой морщин, она стала пробираться на свет в окошке.

– Нет бы занавески раскрыть, всё бы лучше было видно, так нет, шарашусь по темноте, – честила себя.

Дома, сбросив намокшую от дождя телогрейку, тяжело дыша, опустилась на кровать и почти сразу заснула.

Утром, только открыв глаза, решила посмотреть, не слетела ли с капусты плёнка, подошла к окну. И, сдвинув занавеску, всплеснула руками. Капуста на грядке стояла стройными рядками. А рядом, под плёнкой – гряда с только что посаженной картошкой.

– Батюшки, чего натворила-то, – воскликнула Мастрадия, – надо бежать, убрать плёнку, пока Симка не припёрлась, ославит на всю деревню, как пить дать ославит. Смеху на всё лето хватит...

В одном халате, сунув босые ноги в сапоги, она поспешила в огород. Свернув плёнку и сложив её в борозду между грядкой картошки и капусты, увидела, как соседка, опираясь на палочку, пробирается к калитке.

– С добрым утром, Сима, – приветствовала и, опережая вопросы, пояснила, – вот плёнку с капусты сымаю, пусть подышит, ночесь укрыла, чтобы ветер не наварзал.

– А чего чуть не голая выскочила, простудишься, ходи за тобой, – проворчала соседка.

– Дак конец мая, чего укутываться, – слукавила Мастрадия и повела Симку в дом, про себя подумав, что, слава Богу, та ничего не поняла.

Как сороки кота обидели

Осень холодила заморозками. Всё было уже серым в природе – и небо, и деревья, и река...

Но Саньке не было скучно. Он приехал с бабушкой в деревню.

Дом ожил от печного тепла. Непривычная тишина давила на уши. Санька не мог понять, почему так тихо.

– Природа засыпает, – погладив его по голове, пояснила бабушка.

– А разве природа может спать? Она же не человек? – удивился Санька.

– Нет, она не человек, только такая же живая, как и мы с тобой, – замешивая тесто, говорила бабушка.

– А-а, – так ничего и не поняв, протянул многозначительно Санька.

За окном быстро стемнело. Темнота была такой густой, что казалось, вот-вот проникнет через окно и потушит свет в избе. Бабушка, заметив испуг в глазах внука, тихонько закрыла потемневший проём окна весёлыми, в мелкий цветочек занавесками. Летом обычно свет не включали, и занавески висели без дела. Голубенькие цветы на них напоминали Саньке анютины глазки на бабушкиных грядках.

В комнате сразу повеселело. На печи мурлыкал рыжий соседский кот, благодарный за спасительный приют. Саньку стало клонить ко сну.

– Давай, пострел, спать, завтра пойдем в огород порядок наводить, к зиме готовиться, – скомандовала бабушка.

Для Саньки долгих уговоров и не требовалось, глаза сомкнулись сами собой.

Ночью ему снился рыжий кот, который стучал лапой в окно и просился к ним на ночлег, а также звёзды, которые падали и падали на землю, укрывая её блестящим одеялом. Ему было тепло и уютно на кровати у самой печки. Тепло ласкало и не хотело отпускать из сна даже утром.

Открыв глаза, Санька увидел бабушку. Та раскладывала тесто на противень. В печке потрескивали дрова, пахло тестом и ещё чем-то очень вкусным.

– Бабушка, – тихо позвал он.

– Санька проснулся, – обтирая руки, бабушка поспешила к нему.

Запах теста усилился, а жар от огня в печи, казалось, пропитал тепло насквозь бабушкину кофту и исходил теперь прямо от неё.

– Как вкусно ты пахнешь, бабуля, – погладил Санька бабушку по плечу, когда та присела к нему на край кровати.

– Чем, интересно?

– Пирогам и огнём из печи.

– Огонь не пахнет, а пироги скоро в печь посажу, вставай и умывайся, – скомандовала бабуля.

Чай пили с пирогами. Санька осторожно, чтобы не обжечься, откусывал от пирожка и жмурился от удовольствия. Вдруг в окно кто-то постучал. Санька вздрогнул от неожиданности.

– Ой, кто это? – спросил он.

– Рыжик. Ночью на улицу выпросился, а теперь обратно хочет, продрог.

– Я думал, мне это снилось, – удивился Санька.

– Что тебе снилось, дорогой?

– Да я видел сон, что Рыжик к нам в окно стучится, а звёзды на землю падают, – рассказал Санька.

Бабушка засмеялась.

– Сон твой в руку, внучок. Посмотри в окно. Вот и Рыжик, и звёзды всю землю усыпали.

– Это как? – удивился Санька и подбежал к окну.

Сумерки лениво уходили со двора, уступая место короткому осеннему дню. На мостках, поленнице и дороге лежал снег.

– Вот это да! – закричал Санька, – Здорово, снег, первый снег!

– На спящих людей лёг снежок, видать, не растает больше, – говорила бабушка, наблюдая за тем, как редкие снежинки, словно опоздав со всеми вместе опуститься, кружили и искали своё место на уставшей от слякотной осенней непогоды земле.

– Пойду, отдам Рыжему остатки муки с приправами, пусть на улице поест, а то намусорит в избе, – говорила бабуля, складывая угощение для кота в миску.

Кот с жадностью набросился на еду. Он хватал кусочки творога, обваланные мукой, и чавкал, закрывая глаза. Санька смотрел на него через окно.

Вдруг неподалёку от кота сели две огромных размеров сороки. Их перья сверкали. Чёрный, как смоль, хвост, отдавал синевой, а грудь была настолько бела, что просто сливалась с только что выпавшим снегом.

– Какие они большие, бабушка, – сказал Санька.

Птицы покосились на окна, словно услышав его, но с места не тронулись.

– Это они за лето отъелись, за зиму исхудают, – пояснила бабушка. В это время на забор взгромоздились ещё и вороны. Тоже посматривали на кота.

Кот, казалось, и не думал обращать внимания на непрошенных гостей. Одна из сорок подскочила к Рыжику и попыталась схватить самый большой кусок, но тут же отпрыгнула в сторону. Кот будто не замечал нахапку. Манёвр повторился, но Рыжик и не думал гнать сороку прочь, всё так же щурясь, ел бабушкино угощение. Неожиданно сорока приблизилась к коту, клювом ухватила за рыжий хвост и потянула. Кот от неожиданности замер, прижал уши и оглянулся на обидчицу. Сорока отскочила на безопасное расстояние. Вторая сорока тоже медленно приближалась к еде. Вороны замерли на заборе. Кот стоял как остолбеневший.

– Вот это да! – закричал Санька, – бабушка, смотри, сорока схватила кота за хвост. Разве такое бывает? Вот это сорока!

Кот, видимо, напуганный таким поведением птицы, оглядевшись, медленно отошёл в сторону. А затем и совсем ушёл, уселся на перилах крыльца и наблюдал за птицами с видом: что с них с глупых взять.

Сороки же принялись за еду. Хватая клювами творог, они косились на ворон. Немного помешкав, те и вправду приземлились около блюда. Сороки позиций не сдавали, однако вороны были настроены воинственно и подступали всё ближе. Наконец сороки, то ли насытившись, то ли всё же испугавшись ворон, отлетели в сторону. За еду принялись вороны. Они жадно хватали остатки угощения.

Но сороки, словно опомнившись, вновь слетели к еде. Тогда на забор улетели вороны... Птицы менялись местами несколько раз.

– Как интересно, – всё удивлялся Санька.

– Вот видишь, в городе разве так? Один асфальт да собачки на поводках, а здесь настоящая природа. Сама сколько живу, такого не видала. Чудеса, да и только. Это, наверное, потому, что он кот, кошка бы своего не отдала. Мужики, они все увальни, женщины поживей будут... – Всё говорила и говорила, видимо, уже о чём-то своём бабуля.

Она приоткрыла дверь и позвала кота в избу.

– Иди, лежебока, пирога дам. Сороки теперь, поди, засмеют тебя, на двор не выпустят. Кот, словно что-то поняв, тихо шмыгнул на печь и свернулся калачиком в самом углу, у трубы...

– Ещё похолодает, – сообщила бабуля.

– Это почему? – удивился Санька.

– Кот к трубе жмётся. Да и пора уже, пора, зима на носу.

Весь день они хлопотали по хозяйству. А на вечерней электричке уехали в город. Санька смотрел в окно и думал о том, что ничего на свете нет лучше, чем их дом в деревне.

Бабушка тихонько гладила его волнистые волосы. От её рук всё так же пахло печным теплом и пирогами.

Ольга Александрова

Ольга Львовна Александрова родилась в Вологде. Окончила Ленинградский библиотечный техникум. Более 20 лет проработала в областной универсальной научной библиотеке им. Бабушкина. Автор двух поэтических сборников.

Снова я у родимого дома.
Радость в сердце зарёй занялась.
Шепчет клён мне как старой знакомой,
Чтоб к себе на этаж поднялась.

Нам звонить нужно было три раза,
Два – Шишовым, Серовым – звонок...
Позвонила, открыли не сразу...
«Это кто?» – через дверь голосок.

Тётя Зина Серова – соседка,
Старожил дорогих сердцу мест.
Разве можно её не провести?
«Это Ольга...», – кричу ей в ответ.

Дверь открыла с улыбкой, приветно,
Обнялись – чуть не слёзы текут...
Смех за стенкою слышится детский –
Вместо нас там другие живут...

Всё родное: прихожая, кухня,
Двери комнат и скрип половиц...
Но не я уж играю здесь в куклы
И кормлю из окошка синиц...

Вспомню главное: жили мы дружно,
Оттого так и тянет сюда.
В общей кухне готовили ужин,
Дни рожденья справляли всегда.

Тут же мамы стирали бельишко,
Засучив рукава, на доске...
Коммуналка – местечка не лишка,
Умещались, как нитки в клубке.

Пусть давно не живём все мы вместе,
Разлетелись по разным краям,
Но всё чаще далёкое детство
Теребит мои сны по ночам.

Старый дом мой, родная сторонка,
Во дворе кочегарка, кусты...
Тётя Зина кричит мне с балкона:
«Заскучаешь, опять приходи!...»

«Я приду, я приду непременно,
Не хворай и подольше живи...»
Наших душ и сердец единенье
Переполнено светом любви.

Летом на реке

Жара. Небо плюхнулось в воду,
Меня окатив синевою.
Там облако плещется бодро
И манит купаться с собою.

Плыву и нисколько не трушу,
За облаком следую смело
В компании бойких подружек,
С букетиком лилий белых,

Под звонкий соловушки щебет,
С игривым, смеющимся солнцем,
Которое брызгами слепит,
Но в руки никак не даётся.

Как в детстве, плещусь, отдыхаю
В купели лазурного неба,
Подобного Божьему раю,
Забыв, где тут была, а где небыль.

* * *

Рухнул старый забор,
Провалилась крыша...
Но виною не шторм –
Мёртвое затишье.

* * *

В церковный купол, людям всем на диво,
Вцепилась намертво корнями ива...

Ответь мне, Русь туманного былого,
Чего мы натворили там такого,
Что в отчих небесах парит распятем
Не крест святой – безумной ивы платье?
И, не кривя душою, Русь сказала:
«Забыли Бога, вот и наказала».

В церкви

Памяти Тани

В мире благостной тиши,
У распятия Христова
На помин твоей души
Зажигаю свечи снова.

Есть ли жизнь на небесах?
Всё ли ладно там с тобою?
Дай мне знать хоть в двух словах,
Речью тайною, немою.

Разгони сомнений тьму...
...Пламя свечек колыхнулось
И под купол в вышину,
Словно облачко, взметнулось...

Уж не ты ль сошла с небес,
Посетив меня украдкой,
Дав понять, что жизнь там есть
И с тобою всё в порядке?

Уж не ты ль в который раз
С Божьей помощью безмерной,
Словно ангел, в горький час
Укрепляешь дух мой верой?

* * *

Кто ада стоит, а кто рая –
Не нам судить о том, друзья.
Один Господь об этом знает:
Учитель вечный и судья.

Копейку нищему кидаешь,
А он вослед кричит: «Ты – жмот!»
Кто больше грешен? Как узнаешь?
Один Господь нас разберёт.

В пору цветения одуванчиков

Жёлтый одуванчик с чубчиком вихрастым,
В изумрудном банте – краше просто нет.
Призрачного детства сразу вижу счастье,
Юности далёкой негасимый свет.

Бойко заселили пустоши и парки,
Вдоль канав, заборов столько вас – не счесть,
Словно над землею вспыхнул яркий факел,
Золотое пламя разлилось окрест.

Срок короткий минет, не узнаешь франта,
Седовласым старцем в мир уже глядит:
Ни тебе ни чуба, ни тебе ни банта,
Только пух воздушный по небу летит.

Ничья

Легко допьёт из банок пиво,
Умело сплющит их ногой,
Чтоб сдать в утиль. И мы брезгливо
Её обходим стороной.

«По барабану» ей мы с вами.
Ни Бог, ни чёрт ей не судья,
Ни отчий дом, ни папа с мамой...
Она бездомная. Ничья.

На городском кладбище

Белый снег сошёл с небес
И с землёй сравнял могилы.
Лишь крестов огромный лес
Руки тянет что есть силы,
Как живой, сквозь вьюги стон,
Через тернии глухие...
Словно Бога молит он
Отпустить грехи людские.

Качели детства

Дощечка, две верёвки –
Лечу я птицей в небо
На пару с ветром лёгким
Под жаворонка щебет.

В объятия вселенной.
Всё выше, выше, выше.
Уже исчезли крыши,
Земля, пространство, время...

Лазурь и позолота...
О, детские года!
Порою так охота
Мне заглянуть туда,

Где сердце не стенает,
И душу не теснит
Невзгод череда земная –
Душа в раю парит.

Там жизнь светла, беспечна.
И домик мой родимый

Стоит несокрушимый.
И мама с папой вечны.

* * *

*В нескольких штатах Америки
и некоторых странах Европы
по непонятным причинам
погибли сотни тысяч птиц...
Из теленовостей
И слышно: птица птицу кличет.
Вероника Тушнова*

Не кличет птица птицу. Тишина
Нависла над землёю, словно морок.
Как чёрный снег, лежат немой укором.
Чья, как узнать, в их гибели вина?

Молю я Бога, только б не война.

* * *

«Как дела?», бывает, спросят.
Как дела... – да как у всех:
То от счастья в рай заносит,
То в аду смываю грех.
То ни шатко и ни валко,
То падения, то взлёт.
Каждый день прошедший жалко,
Даже если не везёт.

Андрей Алексеев

Андрей Владимирович Алексеев родился в городе Вологде в 1960 году. Окончил профессионально-техническое училище. С 1981 года и по сей день работает на Вологодском подшипниковом заводе наладчиком автоматических линий. Автор поэтического сборника «Сума любви» (2010)

* * *

Наберу слова в пригоршни,
Уроню на лист бумаги,
Пусть на свете станет больше
Поэтической бодяги.

Разомну сухарь в ладонях,
Покрошу на край дороги,
Пусть крылатые созданья
Мне слетаются под ноги.

Поскребу в кармане рваном
Горсть непрожитых медяшек,
Поклонюсь пред белым храмом,
Всё раздам толпе бедняжек.

Если спросит голос сверху:
«В чём, скажи, твоё желанье?» –
Я отвечу: «Длись подольше,
С жизнью сладкое свиданье!»

Зеркало

Круглый стол, скрипучий стул,
Скатерть, жёлтый абажур,
На комоде слоники,
Над комодом ходики.

Между створками трюмо
Есть зеркальное стекло.
И живёт тихонько в нём
Весь наш тихий милый дом.

Всё там есть: и стол, и стул,
Скатерть, жёлтый абажур,
На комоде слоники,
Над комодом ходики.

Если чуть сомкнуть трюмо,
То волшебное стекло
Многokrатно приумножит
Всё нажитое добро.

Будет много слоников,
Будет много ходиков,
Будет лампы ярче свет,
Будет жизни много лет.

Родине

Бродить по улицам вечерним
Приятно мне уж потому,
Что город тихий, город древний
Не весь подался в новизну.

Ещё встречается нередко
Давно не крашенный забор,
Что на столбах повис некрепких,
Оберегая сонный двор.

А там, в траве, лежат игрушки,
Совочек с ведрышком в песке,
И старый пёс, дворово-русский,
Сопит на солнечной доске.

Сквозь лёгкий тюль окно вдыхает
Вечерний томный аромат,
И пьяный шмель, едва летая,
Давно уснуть на клумбе рад.

И я, притянутый к забору
Картинкой той, что сердцу всласть,
Кажусь жильцам, должно быть, вором.
Да так и есть. А как не красть?!

Как не «сгрести» душе в ладошки
Мгновенья этой красоты,
Те звуки, отблески – те крошки
Полуушедшей старины.

Где всё таинственно и свято,
Где всё и просто, и светло,
Где всё и каждому понятно,
И всё и каждому дано...

Незабудки

Возле кладбища в тихой канавке,
В стороне от мирской суеты
Расплескали по шёлковой травке
Небеса голубые цветы.

Незабудки. Я с детства их знаю
И в букет никогда не беру.
Грустно вянут, на выдохе тают,
Не успев прошептать: «Не-за-бу»...

Вера

Платочком носик часто трёт,
Простыла, видимо, бедняжка,
Старинных стен рисует свод
Художница, девчонка-пташка.
Поодаль сяду, погляжу
На то, как младость чертит вечность,
И сам, глядишь, чего рожу,
Рифмуя ту же бесконечность.
«О, Господи, как я дрожу!» –
Сквозь ветки лип донёс мне ветер,
Но предан делу своему
Художник двенадцатилетний.
Сидит на стульчике складном,
В стакане кисточку болтает,
Макнёт – и вот уж серебром
Макушка церкви засияет.
Я к ней тихонько подошёл,
Спросил: «Как звать-то тебя?» – «Вера».
«Теплей оденься». – «Хорошо», –
И окунулась снова в дело.

Незримо стойкой голубей
Кружили ангелы над ней.

* * *

Снилось, что иду домой
По мосточкам вдоль забора,
Запинаюсь о ведро
В тёмном царстве коридора.

Керосиновый фонарь
Свет роняет на предметы,
Здесь родителей моих
На стенах висят портреты.

В круглой печке чугунок
Издаёт картошки запах.
У ребёнка старый пёс
Сахар просит, встав на лапы.

В кухне радио поёт,
Пахнет квашеной капустой.
За окном сирени куст
Заметает снегом густо.

Тихо ходики стучат,
Сладкий сон продлить стараясь...
Этой ночью я опять
Спал, наверно, улыбаясь.

Герой труда

Лебеда на трактор давит,
Жаль его, старик уже,
Чахнет ржавчиной по стали
На заброшенной меже.
Потаскал немало плуги,
Трудодней набрал сполна,
Рвались жилы от натуги
В пятисрочные года.
Захандрил, нутром забрякал,
Мото выдохся ресурс,
Тракторист ключами звякнул,
Дверкой хлоп: «Сымай картуз.
Всё, милой, отвоевали
Славнопамятны года».
Положил в комод медали,
Ну, а трактору – КУДА?
Так и замер на отшибе,
На запчасти развалясь,
Виноватой ржавой глыбой
С той поры мозоля глаз.
...Ночь. Деревня задремала.
Трактор спит и видит сон,
Что народ у пьедестала
И что памятник-то – ОН.
Тракторист, как прежде, бравый,
Председатель рвётся в бой,
И опять в родимом крае
Коммунизменный настрой.
Что опять соляра в баке,
Что как часики мотор
И подкованные траки
Снова рвутся на простор...

На капот ворона села,
Что-то сонно бормоча,
За холмами в кромках ели
Предрассветная свеча.
Тишина. Деревня дремлет.
Спит родная сторона.
Лебеды качает стебли

Ветра тихая волна.
По поверхности металла
Пыльной плёнкой седина.
«Да, иная жись настала,
Ну, да ладно, не война».

* * *

Я сегодня прославляю зиму
И дворы, покрытые снегами.
Не спеша шагаю к магазину –
Шелестят снежинки под ногами.

Сто тропинок в снежной целине,
А хожу я чаще всё же этой.
Продавщица симпатична мне
В магазине под названием «Света».

На руке её блестит кольцо –
Ни к чему, выходит, мне стараться,
И хожу я только для того,
Чтоб издалека полюбоваться.

И не догадается она,
Продавая мне бутылку водки,
Что за эти серые глаза
Не одну сегодня выпью стопку.

Выпью, и слова сами собой
Складно лягут на листок тетради
Про душевный этот непокой,
Про беду, с которой мне не сладить.

Догорит огарочек свечи,
В проводах запутается вьюга,
Просижу опять один в ночи,
Вспоминая не свою подругу.

* * *

Как часто на погостах здешних
Звучат негромкие слова:
«Ну вот, отмаялся, сердешный».
Как эта фраза не нова.

И что за доля у народа,
Коль так печально и скорбя

И в то же время просто вроде
Черту подводят бытия.

Но ты взгляни поверх узора
Цветных кладбищенских оград,
Ведь щемит сердце от простора,
И снова маяться-то рад.

* * *

*Я чай пила из кружки,
Луна из ночи мглу,
Моя землячка мушка
Бежала по столу.*

*И так она спешила
К родному очагу,
Вчера бы раздавила,
Сегодня не могу*

Татьяна Короткова

Ползими уж отмотали,
Так, глядишь, и вся пройдёт,
Мушки в кухне залетали,
Видно, лук опять гниёт.

Перебрать давно бы надо,
По хозяйству недогляд,
Над вареньем кружит стадо,
Гость пришёл – чайку не рад.

Сколь разов рукой отмашет
При беседе у стола.
«Не поймать заразу, – скажет, –
Больно, bestия, мала».

Извинясь за неудобство
(Ситуация ясна),
Дам питье другого свойства,
Как же чай да без вина.

На закусочку порежу
Тот же розовый лучок,
Анекдотик выдам свежий,
Гость сидит, глаза в пучок.

Разомлел, рукой не машет,
В мире с луковой семьёй,

По столу варенье мажет –
Угощенье, вроде б, ей.

Муха села на варенье,
Чует, нынче не помрёт.
Гость прочёл стихотворенье:
«Муха – тоже самолёт».

Я из книжки про туманы
Извлекаю новый стих
От Коротковой Татьяны
Всё про мушек – друг притих.

Ишь, как действует культура
И природы естество.
Человеческа натура
Это, брат, не баловство.

Прощавшись задушевно,
Друг пошёл домой дремать.
Я с клеёнки стёр варенье,
Лук-то надо перебрать.

У костра

Огоньком согрею вечер,
Может, кто издалека,
Увидав, расправит плечи
И придёт. Ну, а пока
Наберу не мокрых веток,
Чтоб хватило на всю ночь,
В давнем споре тьмы и света
Одному из них помочь.
Постелю еловый лапник
У не дымной стороны,
Пусть глядит усталый странник
На хвое льняные сны.
Зачерпну в реке водицы
Загорелым котелком,
Наварю крутой ущицы
Над весёлым угольком.
И, пока одёжку сушит
На осинке ветерок,
У огня погрею душу
Под чаёк и сахарок.

* * *

Когда январские морозы
Рисуют сказки на стекле
И под окошками берёзы
Сгибают ветки в седине,

Когда вокруг нарядной ели
Шумит весёлый хоровод,
От Рождества через неделю
Встречая старый Новый год,

Когда, обдав крещёну душу
Полночной прорубью реки,
Кряхтят в воде, не чуя стужи,
На равных бабы, мужики,

Я на простом листе тетрадки
Пишу хорошие слова:
«С народом русским всё в порядке,
Жива Россиюшка, жива!»

Татьяна Вертосельга

Татьяна Вертосельга (Клеопатра Тимофеевна Головань) родилась в Вологодской области. Будучи замужем за военным, кочевала вместе с семьёй по России и Украине. Потом жила в Вологде и работала в ОНМЦ. В настоящее время проживает на Украине. Автор нескольких сборников прозы: «Визави», «Брыська и другие» и других.

Stand up!

Свинью звали Катрусей, а попросту – Катькой. Ещё в младенческом возрасте Катька осталась совсем одна. Родилась она холодным зимним вечером. Первый же глоток воздуха ледяным осколком застрял в горле, заставил судорожно съёжиться. Мороз остро резанул по тонкой нежной коже спины, скользнул по тощему животу и ознобом забился в позвоночнике, сотрясая маленькое голое тельце мелкой дрожью. Катька испуганно открыла глаза. Студёный поздний вечер равнодушно глянул на неё сквозь щель в потолке туманным пятном далёкой луны. Мир, в который она так стремилась, принял её неласково. Была зима. Снег в этих краях был редкостью, но зато ветер!.. Ветер рвал и метал всё, что поддавалось его порывам. От него трудно было спрятаться. Он пронзительно свистел во все щели. Море леденело свинцовой волной, билось в берег, шумело. Морские брызги залетали в щели свинарника, стоящего на самом берегу: стадо жило в большом неустроенном сарае. Питалось объедками с солдатской кухни, для которой и само было предназначено. Солдаты раз в день приносили огромную бадью с едой. Отскребали с пола накопившиеся нечистоты, закрывали сарай, и до следующего дня туда больше никто не заглядывал. В сарае царил жестокий закон естественного отбора – слабые погибали. От верной смерти в этот холодный, первый в её жизни вечер, спас человек. Был он добр и молчалив. Подняв её с цементного пола тёплыми руками, он подышал ей в пяточок, согревая, сунул за пазуху и заспешил к дому. В комнате было тепло и даже жарко. Ярко светила лампочка под стеклянным зелёным абажуром. Пахло добром и уютом. Хозяйка весело рассмеялась при виде её, взяла на руки, подышала в пяточок и положила на мягкую, чисто пахнущую тряпочку: «Вот тут и будешь жить пока».

«Самый тёплый угол выделили для меня!», – думала благодарно Катруся, обследуя потом окрестности печки, всегда пышущей жаром и ещё чем-то приятным и вкусным. По вечерам её купали в тёплой розовой воде, пахнущей марганцовкой – ей нравился этот запах. Насухо обтирали мягким полотенцем, заворачивали в тёплую тряпку и держали на руках, пока она согреется. Осторожно тыкали пяточком в тарелочку с молоком. Она сразу поняла, что это вкусно, и не сопротивлялась. Вытянув нижнюю губу хоботком – так было удобнее – она с наслаждением громко втягивала в себя молоко. Катька быстро освоилась среди людей, приютивших её. Просыпалась вместе с хозяйкой чуть свет и суежилась в поисках работы: то из цветочных горшков землю выроет, то начнёт гонять кошку по кухне. Та хоть и не боялась несмышлёныша, но не связывалась с глупым поросёнком и, к большому удовольствию Катьки, уходила куда подальше. Вечерами, когда вся семья усаживалась перед телевизором – даже Мурка сворачивалась калачиком на ковре перед экраном, – Катька, вопреки запрету,

проникала в гостиную. Тихо устроившись на тёплых ногах хозяйки, крепко засыпала. И не просыпалась, даже когда её водворяли на место у печки. Из всех живущих в квартире Катруся выделила девочку с косичками и решила, что будут они друзьями. Косички красиво завивались и прикрывали ушки, тогда как хвостик был далеко от пяточка, завивался где-то сзади и ничего не прикрывал. Но всё равно они были похожи – косички и хвостик. Правда, косички заканчивались красивым бантиком. Это озадачивало Катьку, и она тайно завидовала. Подружка у Катьки была умная и быстро догадалась, чего не хватает Катрусе для полного счастья. Она выбрала самую красивую ленточку и привязала к хвостику бант, после чего в квартире долго не умолкал восторженный поросёный визг.

«Да кто тебя щекочет? – хохотал добродушно хозяин. – Что ты так визжишь?» Девочка была добрая, угощала Катьку разной вкуснятинкой. Катруся скоро разобралась, что котлета и колбаса намного вкуснее молочной каши, а за конфетку она послушно делала всё, о чём просила её подружка. А требовалось не так уж и много. Просто нужно было, когда Алёнка произносила: «Stand up!» – замереть, подняв переднюю ногу как можно выше. И всё! И пожалуйста! – конфета сладко тает на языке. А если Алёнка говорила: «Sit down, please!», нужно сесть на хвостик, и всё. Катька видела, как всем нравится эта игра, и иногда, даже без всяких команд и уговоров, садилась перед хозяйкой, задирала пяточек и молча глядела своими серыми глазками, пока та, смеясь, не одаривала её чем-нибудь вкусным. «Вот вам и свинёнок!»

Свинья-свинья, а угол свой она содержала в чистоте. И по естественной надобности бегала в дальний от своего угол. В дверную щель несло холодом, но именно этот угол Катря определила для своей нужды. Прикрыв белёсыми ресничками глазки, она стояла хвостом в щель, сонно покачиваясь, в ожидании, пока вытечет из неё тёплая струйка. Затем, быстренько цокоча копытцами, бежала в спальный угол у печки. Умиротворённо хрюкнув, падала, подобрав под себя копытца, и, уткнувшись пяточком в тряпочку, затихала. Была она, как выяснилось, большая чистюля и от других требовала того же. Однажды Катрусе показалось, будто от её постели несёт запахом пота (а спала она на этой тряпке не дольше недели) и ещё чем-то неприятным. «Спать на этом нормальный, уважающий себя поросёнок не должен», – подумала Катруся и решительно выкинула тряпку, до сих пор служившую для неё постелью, в дальний отхожий угол. Хозяйка, не поняв истинных мотивов поросёчьего поведения, ловко сложила тряпочку вчетверо (мягче будет поросёночку), аккуратно положила её к печке, на прежнее место. Поросёчьему возмущению не было предела. Схватив постель в зубы, она оттащила её к двери. Постояв хвостом в дышащую ветром щель, она затоптала тряпку в лужу. Хозяйка только

руками развела: «Ну и свинья!» и, к великому удовольствию Катруси, выдала ей новую, свежевystиранную постель. Удовлетворённо хрюкнув, потоптавшись на чистой тряпке, Катька растянулась на животе, сладко потянувшись всеми конечностями, и отрешённо засопела, уткнувшись пяточком в угол.

Были у Катьки в этом добром доме и явные враги. Сапоги! Их она почему-то невзлюбила сразу. «Опять!» – свирепо издали уставилась она на сапоги, преспокойно, как ни в чём не бывало стоящие в углу – на своём обычном месте. «Сколько можно! Хозяина ждут. Подхалимы! Молчите? Вот я вас!» – и она пяточком пытается выдворить ненавистные сапоги из угла. Устав от очередного раунда безуспешной борьбы за место под солнцем, Катька хмуро укладывалась в свой угол и неотступно и зорко следила за врагами. Стоило надеть сапоги на ноги – это служило Катьке сигналом к нападению. Катря заходила сзади и молча хватала за пятки. В конце концов хозяевам надоели свинские выпады против сапог, и они решили отдать Катрусю на воспитание сородичам. На дворе цвела тёплая южная весна, и можно было не бояться за здоровье маленького поросёнка.

Её отнесли в свинарник. Не в тот, солдатский, а другой – напротив. Здесь всё было устроено для безбедного проживания поросят. Небольшой дворик, огороженный забором, для выгула. Тут же – крепко прибитое к полу, корыто для пищи. Часть откормочного комплекса занимал небольшой сарайчик, с мешком вместо двери, с досками, да и вообще с дровами, на юге – вечная проблема. В этом свинарнике жили три поросёнка, возрастом старше Катьки на целый год. Молодой боровок Стёпка был добр, любознателен и спокоен. Одна из свинушек была красива, капризна и жестока. Третью красавица-свинушка называла крысой за её длинное рыло. А люди называли ласково: «Крыся». Когда к корыту с едой подходила Крыся, привередливая красавица, капризно вытянув губу хоботком, отходила в угол и поднимала дикий визг. Стёпка догадливо, в угоду ей, отгонял Крысю от еды. После чего красотка замолкала и принималась аппетитно чавкать у корыта. А безответная Крыся шла в так называемую спальню. Ловко разгребала копытом охапку свежей соломы, брошенной хозяином вместо вчерашней подстилки. Пяточком и копытцами сгребала все до последней соломинки в одно место, устраивая постель. Взбивала, снова утапывала, выравнивая. К тому моменту, как постель была уже готова, в спальню являлась парочка, нажравшаяся до отвала на сон грядущий. Они нахально заваливались на готовенькую свеженастеленную постель. А труженице Крысе там места не оставалось. Она молча шла во дворик, поглощала остатки остывшего ужина и так же молча укладывалась на голой земле у самой двери. Хозяин, видя такое отношение, оставлял для неё пищу. Пока она ела, застилал свежей соломой место, где

она коротала ночь. А над дверным проёмом вешал большой брезент, чтобы холодный ветер не докучал нежным поросёньим бокам. Катку поместили в отдалённом от двери углу, отгородив его досками. Накидали побольше мягкого душистого сена. Старшие проявляли к ней интерес, лишь когда появлялась миска с вкусной детской кашей. Красотка, как всегда, визгом понуждала Стёпку к действию. Он добирался до каши, а Катка оставалась голодной. Она тосковала по вольготной, счастливой жизни в Доме. Иногда можно было видеть, как она, сидя на хвостике, молча смотрит в далёкое светлое, как её прошлая жизнь, небо.

Время шло. Катка уже оформилась в хорошенького трёхмесячного поросёнка. Её выпускали из свинарника попасть на весенней травке – детям нужны витамины, особенно весной. Она свободно разгуливала по территории воинского городка. На неё не обращали внимания, так как в округе бродило немало живности. Территория не была отгорожена от гражданского мира, и поэтому забредали сюда гражданские куры, коты и даже козы. Рота жила своей жизнью, по своему солдатскому расписанию, в котором для свиней – будущих котлет и бифштексов – отводилось строго определённое время: накормить, почистить. А потом – хоть трава не расти в том свинюшнике. Но Катруся, сама того не ведая, сбила этот раз и навсегда заведённый порядок. Однажды утром, когда рота, выстроившись перед казармой, постигала тонкости армейской науки, на позицию забрела Катруся. И как она среди целой роты одинаково одетых мужиков опознала своего хозяина?! Уму непостижимо! С радостным хрюканьем она кинулась к нему, опешившему от неожиданной встречи. Старшина, балагур и весельчак, спасая престиж растерявшегося офицера, лихо скомандовал, принимая огонь на себя: «РР-РОТАа! Прав-наясь! Смии-иррна!»

Опомнившийся Каткин хозяин, дабы с честью выйти из щекотливого положения, тут же скомандовал: «Stand up!»

И, ко всеобщему изумлению, свинушка, мгновенно остолавшись, замерла, вытянув вперёд-вверх правую ножку, как бы приветствуя доблестных воинов.

И, восторженно взыв, замерла рота.

Катка, не дождавшись положенного поощрения, недовольно хрюкнула и пошла в кусты сирени, густо разросшейся вокруг казармы.

«СТЕНД АП!» – несмело остановил её кто-то из солдатской шеренги. И, испытывая Каткино терпение, солдаты, ко всеобщему удовольствию, нарушая воинскую дисциплину, наперебой принялись выкрикивать одну и ту же команду. «Стенд ап! Стенд ап!» – хохотали они во всё горло. Наконец, Катруся обиделась и, похрюкивая, затрусила к морю, уже не обращая внимания на заманчивое «СТЕНД АП!»

Бабкин секрет

– Хосс-поди! – огорчённо всплеснула руками мамушка. – Кужелю-то, безголовая, оставила на мотовиле !

– Ой, я забыла! – бросается спасать свою работу Фенюшка. – Я щас!

– Не сымай, не сымай! – испуганно остановила её бабка. – Поди, цёрт-от свово не упустил! На-ко вото ножиком... нельзя так-то сымать, токо резать... Дай помогу, да не тужи ты так, милушко! Кто знат – правда, нет... Раньше ведь говорили: «Ой, не благословесь положила прялку-ту сѣдни, ак поблазнилосе ». А одинова, помню, ишшо девкой была, прибежала с вецерины, поела и – на полати спать, Тольке слышу, вдруг вроде веретено по полу как вверрнѣт-вверрнѣт! Голову-ту высунула, глежу – бабка Мара, така махонька, горбатинька, волосѣ космато – прядѣт, сидит это... А я как высунулась – она и пропала. Вот это утром я и спроси: «Хто вчѣра прят?» «Нихто», – говорят. Взяла, погледела, а кужеля – вся в сосках, вся бородки исполосована! А не благословесь веретено оставила.

– Ну, да что уж тепере, – ласково глядит мамушка на дрожащие губѣнки юной пряхи, успокаивая, обнимает вздрагивающие плечики, целует в вот-вот готовые брызнуть слезами глазѣнки. – Это ли горѣ? Всяко в жизни бывает! Поешь-ко вото давай! – усаживает она за стол Фенюшку. – Это ли печаль! – отрезала ломоть свежеспечѣнного тѣплого ещё хлеба, налила кружку парного молока. – Ешь-ко, давай, ешь! С хлебом-то любую беду можно съис – не теперь сказано.

– А хошь я тибѣ один секрет скажу? – заговорщически шепчет бабка, присаживаясь ближе к внучке. – Вот как остаецѣ кужеля... ну, много, не успеваешь до Рожества-та... Ак натѣ посолить кужелю-ту. Бают, токо так и можно сберегти ие от проделок цѣрного. Вот одинова, бабка моя ишо рассказывала: «Сплю, – бает, – слышу, жужжит веретено. Ну, жужжит и жужжит! Кто, – грит, – думаю, это прядѣт у миня, а поглядѣть – боюсе. Насмелиласѣ, – бает, – как глянула, а на шостке свецкя горит! Аха! Вот это и сидит старушоноцкя, махонька така! Прядѣт! Я, – бает, – как ишшо-то погледела – а и вовсе это Митька-сосѣд (помѣр уж, Царство Небесно) прядѣт, да сколь бойко-то!» Вот это... бабка-та моя и давай молицѣ: «Хосподи, помилуй мя, грешну! Хосподи...» – и не стало ницѣ! А после этого корова у их пропала. Вот те и Митька прят! Спрят корову-ту!..

Фенюшка думает про корову, которую Митька спрял, разглядывает затканые белым пушистым узором окна. За окном солнце, мороз, снег лѣгкий – снежинка от снежинки! – сугробы мягкие, пушистые... с горки бы на саночках! – И рвѣтся за окно Фенюшкина душенька...

– Ма, отпусти погулеть!

– Собака гуляла, да хвост потеряла! – весѣлый прищур отцовских глаз никак не ладит с назидательными интонациями его голоса.

– А Ванька с Петькой ак гуляют! – обиженно надула губки Фенюшка.

– Ванюшка с Петром – со мной. Не на гулянку едем! Оне воно лошадей на дворе запрегают. А ты матери помоги что по дому. Ну, – обернулся он к иконам, – пошел я. Господи, благослови! – привычно махнул крест перед собой.

– Оболакайся теплее! – схватывается мамушка, подавая отцу душегрейку. – Нет так просквозит! Сиверко так ли поет нонь!

– Топором махать – не ложкой! – отмахнулся тот. – Шубенки где-то запропастились! Тутюка вчера спать ложился... Ак уж Митька прятал – нету! – досадуя, заглядывает он на печь в поисках рукавиц.

Но оттуда уже торопится Фенюшка, давно смекнувшая, где спрятались отцовские шубенки.

– Вот оне! – торжествующе потрясая находкой, она радостно скатывается в отцовские объятия.

– Вот оне где!! – изумляется весело отец, кружа Фенюшку по избе – Гриюще себе и в ус не дуют, что ищут их! Тепло им тутюка – не как топору! В сенях – не на печи! – усаживает он снова ее за стол. И, похлопывая шубенку о шубенку, притопнув ногой, задорно пропел: «Эх, рукавица дров не рубит, а топор не греет рук. Тоо-пор, ру-ка-вица, ру-ка-вица да топор!» Ну, пойду, ребята ждут-мёрзнут, – вздохнул, поглядел на иконы. – С Богом! – пошел к двери, обернулся. – Мот, зайцы гостинца тебе оставили под кустом, – улыбнулся восторженным дочкиным глазам.

– С Богом, со Христом! – крестит его в спину бабка.

– Ребята на ветру коковеют, а он тутюка тешище! – в избу с клубами морозного пара шагнул дед. – Пошел, што ли? – поглядел он на отца, уступившего ему дорогу. – Ребята запрегли уж давно, тебя дожидают.

– Иду-иду! Шубенки искал, – оправдывается отец.

– Ну, с Богом!.. – напутствует дед, посылая вослед крестное знамение. – Да, мотри, тамюка не дотемна! – спохватившись, кричит он в сени, захлопывая дверь. В избе запахло сеном, назьмом, видно, дед с утра чистил в конюшне. – А што наша пряха? – бросает он рукавицы на печь, шапку – на гвоздь. – Много ли напярла? – глаза его прячутся за улыбочным, как у Фенюшкиного отца, прищуром.

Фенюшка прячется за большой кружкой, медленно тянет из нее молоко, норовя избежать неприятного разговора. Ресницы ее вздрагивают.

– Ну, буде, буде слезы-ти лить-проливать! Поди, уж и молоко-то солено в кружке, – смеется дед. – Научиссе! Каки ишо твои годы!

– Ой, ввек не сумию, – печально шепчет Фенюшка. – Поди, хороши-ти пряхи секреты каки знают!

– А ты песню каку пела? – деловито осведомляется дед.

– Я пела-пела...

– Ужотко, катаники скину, ак я те бабкин секрет выдам, – обещает он, снимая полушубок. – Во-от, – упираясь ногой в пятку, стягивает валенок с ноги. – Она, когда пресь-от училасе, така вото, как ты, ишо тожо была, ак тожо, – ставит он валенки на печь, – пусть погрюще, –

...ак тожо не выходило у ёй, – усмехается, хитро поглядывая на бабу, прислонившуюся спиной к тёплой печке в ожидании дедовой сказки. – Ну, не выходит и всё тут, – продолжает он, садясь на лавку у окна. – А кака девка, коли пресь не умиёт? Кто ие взамуж возьмёт? – дед поднял лежавший наготове под лавкой Митькин валенок и осторожно воткнул шило. – Вот она тожо, как ты, слёзыньки льёт-проливает. Как быть, не знат, а взамуж охота, – поглядывает он на улыбающуюся бабу. – А и молодци всё ходили круг окон да посвистывали.

– Мели, Емеля, – рассмеялась та, – гледи, дратвину-ту потерял, без дратвы шьёшь-от! Да заплатину-ту потолще поставь, ить весь в тибя – на одной ноге вертицце!

– Вот одинова, – продолжает дед, ловко управляясь с Митькиным дырявым валенком, – добрый целовек и надоумил: «Это, – бает, – как не выходит пресь-от, ак возьми испорчёну-ту кужелю и брось на снег, токо поджегги ие надэ сперва, да и сядь перед ней в сугроб-от, – дед положил валенок на лавку и задумчиво пощипывает бороду, – да юбки-ти распластай по снегу и дожидай, пока вся кужеля сгорит, – захватив бороду в кулак, чешет он пальцем переносье, разглядывая что-то в углу. – Вот дело-то и пойдёт на лад!»

– Истинно, истинно так! – поддакивает, всхохатывая, бабка. – А ишо, – садится она за прялку, – против-от Рождества кужелю как вынесёшь в холодны сени, ак Кикимора те в кужель-от шовку и пехнёт лишю! И нитки у те ако шовковы выпрядацце будут! Да таки ли ровны! – мечтательно глядит она на Фенюшку.

– Ноо!.. – кивал согласно дед. – Тако не раз бывало уж на веку.

– Неуж, правда, ба?! – В глазах девочки надежда и ожидание чуда.

– Прядисе, кужеля, на этой неделе, – улыбается, приговаривает бабка, берясь за веретено, – завтра будёт недосуг – может, замуж позовут.

Фенюшка берётся за свою прялочку, усаживается рядом и, подражая движениям бабушкиных умелых рук, осторожно тянет нить, закручивая веретено. Глаза её заворожённо следят за быстрым бабкиным веретеном. Пущенное ловкой бабушкиной рукой, оно танцует, вьюном ходит вдоль и поперёк широких половиц и... «Поёт! Правда, поёт!» – Фенюшка забыла о своём непослушном веретёшке и слушает-слушает вьюжную песню старого бабкиного веретена.

– Вот когда метель-то зимой хватит, всё бежит!.. – начала бабка. – Таки сугробы наставит большенны, дак лошади уж не протти! А нам ить што? Молоденьки, по тропочке, по тропочке, а где и через сугроб – бежим на посиденки. Всем-то вместе ак веселяй, да и робота быстрее идёт. А зимой рано тёмно-то, дома-то не отпускают. Просисе: «Мама, отпусти к Тишиным-то посидеть!» А у Тишиных в дому собиралисe. Большой у них дом-от, комнат много. Весело было. Тётка Матрёна любила, как молодяжка собираласе. У их и своих три девки было да пять парней, ак всё у их и собиралисe. А гармошки! А людно! До тово ли весело

было. На посидёлки идёшь, берёшь прялку да кужель поболее, чтобы на всю вечерину хватило. А тамо-ка писён-то, рассказней!.. Вот это, собралисе как-то девки на бесёду в самой Соцельник перед Рожеством. Не роботать! – кака в Соцельник робота! – А так, погадать да послушать сходить. Под окна ходили, слушали да на паперти в церкви... Вот это, услышат што – потом и розгадывают – к чему бы это. На росстани за околицу бегали, а уж всем извесно – на перехресье уж всегда нецисто – сбираицца тамока всяк-ка нецись, штобы целовека хрещёного с толку сбить: то послушишь, один заблудилсе, не той дорогой ушёл, то другой... одно спасеньё на таки слущей – молись и молись! Вот одинова мужик из Ребовой ехал как-то зимусь, своя пара лошадей с колокольчиком. Ехал-ехал, и вот тутока, где берег, а на той стороне жили-то, стояла баня – ну, прямёхонькё на кресту – туда дорога и туда дорога. Вот это вдруг, лишо, захохотало эдак: ХО-ХО-ХО – да большим-то хохотом! Мужик-то спугалсе, гледит: никово! А потом только в воду – хресь! У ёво – мороз под шапкой: «Осподи, помилуй – Осподи, помилуй!» – А штё дале – забыл. А оно опеть: ХО-ХО-ХО – да прямо над им-то! Вот он со страху-ту да матюком! Вот он как заерыхалсе, ак лошадь-то услыхала как знакомы-ти слова и понеслассе, и завзягивала прямо домой, дорогу уж всю насквозь знала. Но после этово он не издил уж ноцам той дорогой.

– Феее-нь-каа! – слышалось за окном.

– Бежи-ко, давай, погуляй маненько – ишь, прибежали товарки-ти, соскуцилисе. Успиёшь, нарядёсси ишо.

Надежда Гордеева

Надежда Ивановна Гордеева родилась в 1939 году на хуторе Сорока Кирилловского района Вологодской области. Получив в профтехшколе специальность «мастер по изготовлению музыкальных инструментов», работала в Великом Устюге. Окончила филологический факультет Вологодского государственного педагогического института. Потеряв зрение, 26 лет проработала в ПО «Экран» (Вологодское отделение Всероссийского общества слепых). Ныне пенсионер. Автор сборника стихов «Все мы дети матери-земли» (2010).

Я землю чувствую душой

Всю жизнь живу на стороне,
Тоскую по родному краю.
Кто передал любовь к земле?
Раскинув руки, обнимаю
И можжевельника кусты,
И те берёзки за дорогой.
Я знаю, мама, это ты
Передала любовь, тревогу
За жизнь серебристых тополей
И лип, которым лет по двести,
Брусничных веточек у пней –
Отчёт за всё живое вместе.
Чем, кем была бы я без них –
Ручьёв, полей и перелесков?
В душе бы голос ветра стих
И вдохновение исчезло.
Я землю чувствую душой
И каждой клеточкою тела
И, если б ветер взял с собой,
На землю всё равно б смотрела.

Зеркало

В нашем доме зеркала
Захватили все права.
В каждой комнате сияют,
Что увидят, отражают.

Всё я вижу в зеркале –
Чёрное и белое,
Вижу, что приходит старость.
Помоложе стать бы малость.

Посмотрела в зеркало,
Попросила весело:
«Подказало б, дорогое,
Дело, да чтоб неплохое».

Если б добрые дела
Отражали зеркала,
То душа бы вся светилась,
Радость в доме появилась.

В доме чёрные дела –
Потемнели б зеркала.
Все б тогда могли заметить –
В этом доме свет не светит.

Но пока что в зеркалах
Нет ни слова о делах.
Светом солнечным горят
И «всю правду говорят».

В Сизьме

Казанская Божья Мать.
Я видела эту икону
В различных церквях и часовнях,
Где люди склонялись в поклонах.

Казалось лицо мне суровым,
Как лики на древних писаньях:
От жизненной правды далёким,
Неверным, в моём понимании.

Как в сказке, в большом королевстве
Церквушка пред нами стояла.
Я помню рассказы из детства,
Здесь, в Сизьме, мы с мамой бывали.

Как много икон в этой церкви!
Хотелось здесь всё-всё заметить.
Казанская Божья Мать –
Её нельзя не заметить!

Была она просто доскою,
В избе деревенской хранилась.
Сожгли бы, и стала б золою,
Но в храме «явление» случилось:

Вдруг стал проявляться чудесный
Лик Матери Божьей Казанской.
Хотелось мне в это поверить,
Как в чудо из сказки прекрасной.

Красивый и строгий тот образ
(Глаза смотрят прямо мне в душу),
Он сердце моё растревожил,
Я святость его не разрушу.

Дождусь я: когда-нибудь снова
Ступлю на порог этой церкви.
Припасть к той святыне готова,
Молиться на образ священный.

Пионы

Куст пионов. Несколько бутонов
На заре раскрылись поутру.
Каждый лепесточек яркий, новый,
Словно красный бархат на снегу.

Свежие цветы я не срезала –
Жаль губить такую красоту.
Нужен им простор и много света,
Дома дать я это не могу.

Вот уже бутоны распустились
И качаются, как красные шары.
Словно ангелы в мой сад спустились
И зовут в волшебные миры.

Ночью ливень шёл. И что я вижу?
Все мои пионы полегли
(Ангельского пения не слышу),
Голову склонили до земли.

Куст расцвёл, порадовал, забылся,
Но с весною расцветает вновь и вновь.
Если бы вот так могла вернуться
Давняя забытая любовь.

Нина

Январская стужа. Я вспомнила Нину,
Ушла ты из жизни в свои именины.
Простилась ты, Нина, со всеми родными –
Но мы, дорогая, тебя не забыли.

Бывало, я в жизни не раз пасовала,
А ты непременно плечо подставляла.
Высокого слова ты, Нина, не знала,
При бедности нашей кому оно надо.

Как деток любила сестра моя Нина!
Водилась с чужими, потом со своими.

Болезнь шла за Ниною с самого детства,
Лечиться нет времени и не по средствам.

Врачи говорили: «Рожать запрещаем!» –
А жизнь без детишек не сделаешь раем.
Всё просто: из жизни ушла моя Нина,
А детки здоровы и внуки все живы.

Январская стужа. Я вспомнила Нину
И в церковь пошла на её именины.

Дочки-матери

С моей приятельницей Анной
Ведём неспешный разговор,
Она всё сетует на маму,
Старухою её зовёт,

Что мать такая и всякая,
Больная, нужен ей уход,
Пока старуха, мол, живая,
Не сделаешь евроремонт.

Давно семью я эту знаю,
Детей – единственная дочь,
Нужды как будто не видали,
Так что случилось? Чем помочь?

Задумываюсь на мгновенье:
«Какая участь ждёт меня?»
В душе надежды и сомненья:
«По совести ли я жила?»

Я вспоминаю маму часто
И с благодарностью всегда,
Как обижалась я напрасно –
Она же жизнь нам всем дала.

Нас вырастила, воспитала
И не одну, а пятерых.
А сколько света излучала!
Побольше б женщин нам таких!

Прости меня за все обиды,
За редкие слова любви,
Мой возраст столь уже солидный –
Пора замаливать грехи.

О, Господи! Будь милосерден!
За равнодушие прости.
Я этот грех считаю первым,
И остальные все зачти...

Послание

Вышел парень из подъезда.
Ночь. Луна. Звёзд серебро.
Мальчик зорко осмотрелся,
Кисть достал, в руке ведро.

Быстро, точно, белой краской
Начинает рисовать:
«Я люблю тебя, Наташа!» –
Изо всех окон видать.

Прочитала я послание
Днём, когда шла по двору.
Буквы – белое сиянье,
Знать бы, от кого, кому.

А прохожие спешили,
Но читали вновь и вновь,
Затоптали сапогами
И «Наташу», и «любовь».

Парень, что же ты наделал?
Не кричать бы о любви,
А послать бы юной деве
Иль цветы, или стихи...

Бабушка и внук

Бабушка сидит на кухне,
Пьёт таблетку, молоко.
Говорит она: «Давленье
Подскочило высоко».

«Бабушка, а где давленье?
Подскочило-то куда?».
А в глазёнках изумленье:
«Это плохо, баба, да?».

«В голове, родной, давленье,
Весь затылочек изныл».
Долго спали в воскресенье,
И давленья след простыл.

Проходит жизнь. Забыты страсти,
Внимание молодых людей,
Но в сердце огонёк не гаснет,
Желанье жить ещё сильней.

Не просто жить – любить и верить,
Что счастье где-то впереди.
Ценна ли жизнь – любовью мерить,
И только с ней вперёд идти.

Боюсь и плакать, и смеяться,
Чтоб запоздалую любовь
Не испугать,
Как птицу счастья,
Что рядом закружилась вновь.

Всем миром

Из школьного учебника
Запомнила Некрасова –
Ждала полоска пахаря
Последняя, несжатая.
Почти два века минуло,
А мы весной лопатами
Копаем землю рыхлую
И миримся с затратами.
И каждый год надеемся,
Что лето будет доброе,
И здесь душою греемся,
Когда всё с грядок собрано.
Всё чаще за заборами
Я вижу рожь высокую:
Такое поле малое
Лишь дань почтенья к прошлому.
Сегодня грустно смотрится
Большое поле чёрное,
А руки так и просят
Убрать картофель вовремя.
Без мужа здесь хозяйшкa –
Не просто с делом справиться,
Её подруги здешние
Помочь, конечно, явятся.
Не знаю я такого здесь,
Чтоб наши бабы русские
Свою показывали спесь,

Глаза увидя грустные.
Живут они по-старому,
Всем миром дело делая.
Пораньше завтра встану я –
Приду на поле первая.

* * *

Дождик. Вода.
Лужи. Трава.
Смех. Беготня.
Эх, ребятня!

Радостный вопль:
«Мама идёт!»
К дому бегом,
Брызги кругом.

Бьёт жизнь ключом.
Всё нипочём!

Татьяна Загоскина

Татьяна Фёдоровна Загоскина родилась в Вологде в 1950 году. Окончила историко-филологический факультет Вологодского государственного педагогического института. Работала литсотрудником в газете «Вологодский строитель» и преподавателем в ПУ №14. Ныне пенсионер. Стихи начала писать в 57 лет. Автор поэтического сборника «Полёт в бесконечность» (2010).

* * *

Стихи, как дети, нелюбимых нет.
И в каждом проросла души частица.
Они волнуют, просятся из недр
На свет родиться и взлететь, как птица.

Стихам отдашь ты ласку и тепло,
Тоску и боль, и слёзы – непременно.
Но как порой бывает нелегко
Поймать то чудо свыше – озаренье.

Оно, как воздух, выдох-вдох и вновь –
Прозрение, вдохновение и любовь.
Оно – цветок, проснувшийся в ночи...
Как молния, пронзают нас стихи.

* * *

Девчонка-соседка влюбилась
И слёзы горячие льёт.
– Скажите, скажите на милость,
Когда же всё это пройдёт?

Когда перестанет волнение
Захлёстывать, словно волна,
Когда же покинут сомненья:
Он тот ли – из сказки, из сна?..

Единственный самый и милый,
Любимый, желанный, родной.
Он тот, без которого мир мне –
Без красок и не живой...

А что же ответить девчонке?
– И мы через это прошли.
Увы, нет замены иголке,
Что колет тебя изнутри.

А счастье придёт несомненно,
Откроешь ты двери ему.
Пока же поплачь незаметно,
Пусть высохнут слёзы к утру.

* * *

Надела лыжи. Славно!
Кругом поля в снегу.

А ну, вперед! И плавно
В сугроб, назад. Ау!

Лежу, как на перине.
Всё радует мой взор.
На ветке выткал иней
Серебряный узор.

У матери-природы
Сегодня я в гостях.
И все мои невзгоды
Исчезли, нет их. Ах!

И радуется сердце,
Ликует без конца.
Зима вернула в детство –
Я счастлива! Ура!

* * *

На душе грустинка –
Маленькая льдинка.
С острыми краями,
С крепкими зубами.
Плавает-печалит
И, увы, не тает.

Посажу-ка радость
Я на эту льдинку,
Пусть смеётся всладость,
Топит мне грустинку.
Солнце, тучи, ветер...
В жизни так бывает.
Кто за что в ответе,
Сердце только знает.

* * *

И снег, и вечер. Ты и я
Идём тропой широкой.
Следы большие – от тебя,
Мои, поменьше, – сбоку.

– Судьба, переплети следы, –
Молю её чуть слышно.
А говорим о чём-то мы
Неглавном, так уж вышло.

Пошёл вдруг снег, и нет следов...
А были? То неясно.
И не сказал ты мне тех слов,
А я ждала – напрасно.

Девятое мая

В небо взмыли красные шарики,
Наступила вмиг тишина.
И вся площадь вдруг стала маленькой,
А большим стало слово «война».

Та минута казалась вечностью,
Взгляды всех устремились вверх,
Нет на лицах бывлой беспечности,
У кого-то застыл и смех...

А они всё летят над площадью,
Поднимаясь за облака.
Это души ушедших просят нас,
Чтобы помнили их всегда.

* * *

Как прекрасна Земля с высоты!
Даже слёзы идут из души.
Дарит нам она жизнь и покой,
Только сами идём на разбой.

Кровью мы поливали не раз
Землю Сербии, Ирак и Кавказ.
Что же сделали люди с тобой,
Что роднее, роднее родной!

Без тебя мы не выживем, нет!
Так зачем же мы гасим тот свет,
Что даётся нам Богом, судьбой,
Но никак не зовётся борьбой!

Нам припасть бы к озёрам твоим
И испить там всем сердцем своим
Чистоту, уваженье, любовь.
Пусть войдут они в плоть нашу, кровь.

И очистим мы мысли свои,
Пусть же будут они высоки!
И надежду подарим Земле,
Той, что Матерь и мне, и тебе!

Вера, Надежда, Любовь

В окно постучали. Сначала негромко, потом сильнее, требовательнее. Матрёна Яковлевна через стекло пыталась разглядеть в темноте, кто бы это мог быть. Но где там. Окна заледенели. Даже через них слышно, как завывает метель.

– Да кто же это? – накинув фуфайку на плечи и поверх тёплый платок, пошла открывать. В дверном проёме нарисовалась женская фигура, какая-то несуразная. Только потом Матрёна поняла, что вид такой был от большого куля, который, как что-то очень дорогое, прижимала женщина к груди.

– Мама, это я...

– Господи, Маня, Маня...

Матрёна засуетилась, буквально втащила дочку в сени, затем в единственную комнату своего небольшого дома. Маня еле расцепила замёрзшие руки, которые, хотя и были в рукавицах, но едва шевелились. С трудом, особенно бережно положила ношу на кровать. Сама присела рядом, в изнеможении прислонилась к стене. Устало произнесла: «Добрались наконец». Замолчала. Долго не могла расстегнуть городское пальтишко: пальцы не слушались.

А мать, всё поняв, захлопотала, заохала около кровати. Медленно, словно боясь чего-то, стала развязывать большой пуховый платок.

– Метёт, метёт-то с утра. Как же вы от станции, ведь тридцать километров, – заговорила Матрёна и вдруг заплакала, запричитала. – Внушенька, очнись, хоть голосок подай!

Осторожно раскладывала по сторонам заметённые снегом концы платка, приговаривая:

– Хорошо, что в доме-то тепло. Как знала, и вечером натопила. Печка-то тёплая.

– Тёплая... – словно в забытии, повторила дочка и, напрягшись, спросила, – жива?

– Жива, жива, – утвердительно, глотая слёзы, прошептала Матрёна. Многие повидала в жизни, а такого... в платке лежал детский скелетик, обтянутый кожей. И едва-едва шевелился.

– Внушенька, внушенька... – казалось, у бабушки перехватило дыхание от увиденного. Но, взяв себя в руки, продолжила:

– А вот мы тебя сейчас к печке, к печке поближе, к ней, матушке.

Увидев усталое лицо дочери, скомандовала: «Живо на печь». Подсадив её на приступок, подталкивала вверх, приговаривала:

– Не забыла печь-то родную? Дальше там фуфайка, на неё и ложись.

Когда Маня разместилась, протянула ей платок, в котором находилось то, что дороже всего в мире было для этих женщин. Матрена вытерла слёзы, пошла в кухню, привычно взялась за самовар. Надо жить.

На другой день соседки чуть ли не в один голос заявили:

– Не жилица, Матрёна, внучка-то. Худущая, не ходит. Ой, не жилица! Матрена отмахивалась:

– А мы её в печку, согреем, помоем, тепло-то пустим в тело – душа-то и оживёт.

Так поселились в селе Молоково Калининской области две блокадницы: мать и дочь. Русская печь стала для маленькой Вали второй мамой. Она давала стойкое уютное тепло, словно чувствовала, что выполняет самую важную задачу в тот холодный беспокойный сорок третий год.

Шла война, а маленькая ленинградка жила вопреки всему. Она слышала, но не понимала тогда, что рассказывала её молодая мама. Уже потом Валя узнает, что родилась в Ленинграде в январе сорок первого года. Отца Николая Ивановича Волкова оставили на заводе «Большевик», дали бронь как слесарю высокой квалификации. Там, на заводе, за станком, он и умер в сорок третьем. От голода. Свои 250 граммов хлеба отдавал грудной дочери, так как молока у жены Марии Васильевны не было. Война. Голод. И мама, положив к отцовскому пайку свою дневную норму – 125 граммов – в кастрюлю, заливала кипятком и кормила дочку, отдавая ей самое ценное, что было.

После смерти мужа Марии предложили эвакуироваться в Сталинград, но его уже тогда бомбили. И поэтому направилась двадцатичетырёхлетняя Мария с дочкой на родину, к матери, в Калининскую область. Ехали зимой, на перекладных, с военными эшелонами. Десять дней без еды, в постоянном страхе. А мать прижимала к себе, согревая на груди, маленький родной комочек... в голове одна мысль, одно желание: доехать живыми. Доехали.

Отпаивали Валушу козьим молоком из пипетки. Маленький ротик едва открывался. Бережно растирала бабушка в печке любимые ручки, ножки, которые её внучка сама и поднять-то не могла. И снова на печку. Согревай, родная!

Ходить Валя научилась только в три года.

Валентина Николаевна Бедова (Волкова) недавно отметила своё семидесятилетие. Знаю её несколько лет. Оптимистка по жизни, прекрасная жена, заботливая мама и любящая бабушка. И сегодня Валентина Николаевна считает, что спасают человека в жизни любовь родных людей, тепло отчего дома и, конечно, вера и надежда. А ими, как известно, держится и сам человек, и вся земля наша.

Лариса Иванова

Лариса Петровна Иванова родилась в селе Воскресенское Мяксинского района (ныне Череповецкий) Вологодской области. Окончила станкостроительное отделение Череповецкого лесотехнического техникума. Работала на Вологодском станкостроительном заводе инженером-конструктором, в настоящее время пенсионер. Автор трёх поэтических сборников: «А жизнь – она такая» (2003), «Мир сердечных струн» (2005), «Приоткрой мне тайны мироздания» (2009).

Стихи как исповедь нужны поэту,
Чтоб сокровенное поведать свету,
Душой излиться, поискать покой
И оправдаться пред самым собой.

Литобъединение «Среда»

Растут поэты в Вологде,
Как на дрожжах – на солоде.
Хрупки росточки, молоды,
Но тянутся на свет.
Попал в «Среду» мечтателей,
Нашёл своих читателей,
Уговорил издателей,
И ты уже поэт.

По-своему, по-разному
Мы тянемся к прекрасному,
И, может, не напрасно мы
Все вместе собрались.
Через горнило времени
Прошли все наши гении,
Всё на земле от семени:
И хлеб, и стих, и жизнь.

А терем наш на два крыльца:
Для мудреца и для юнца,
По средам окна светятся,
Беседовать зовут.
Мы посидим, поокаем
В гостях у Ольги Фокиной,
Она заглянет в строки нам,
И строчки оживут.

Растут поэты в Вологде,
Как на дрожжах – на солоде,
Хрупки росточки, молоды,
Но золотой резерв.
Пусть музы ухмыляются,
Пусть рифмы кувыркаются,
Но смотришь – появляется
В конце концов, шедевр.

Кубенское озеро

Чтобы жили в радости
И душа, и плоть,
Чашу влаги благодной
Подарил Господь.
Кубенское озеро –
Неоглядный плёс,
Сколько раз морозило
Ты меня до слёз?
Рыбье обиталище,
Нет тебе границ,
Вечное пристанище
Перелётных птиц.
Разлилось, раскинулось,
Края не видать,
И леса раздвинулись,
Эка благодать!
В нём звезда качается,
Плещется луна,
Зори окунаются
На исходе дня.
Красота озёрная,
Северный родник,
Чаша животворная
Кормит и поит.
С осени до осени
И во все века
Катит воды в озеро
Кубена-река.

Село Воскресенское

Руин немало на Руси раздольной
И храмов, что ушли в небытие,
Но в памяти осталась колокольня
И холмики могил вокруг неё.
И дом огромный на краю села,
Где мама пятерых нас родила.
Мне очень больно детство вспоминать...
Не знаю я, где мать черпала силы.
Ей выпало на долю нас спасать
И в сорок лет самой сойти в могилу.

Памяти поэта Николая Рубцова

*Молчат цветы, безмолвствуют могилы,
И только слышно, как шумит Катунь...*

Н. Рубцов

Пурга над Вологдою-речкой,
По пояс ивушки в снегу,
И не с кем мне сказать словечко,
Я по лыжне одна бегу.

Скольжу по наледи колючей,
Где пристань спит среди снегов,
Здесь, в ресторанчике плавучем,
Любил бывать поэт Рубцов.

Его стихи – его стихия –
В них правда жизни, грусть и боль.
Рубцовская любовь к России
Насущная, как хлеб и соль.

Его поэзия тревожна,
В ней мглистый, потаённый свет,
И сам поэт ранимый, сложный:
Средь простаков поэтов нет.

Стихи Рубцова взор туманят,
Звучат высокою струной,
И каждый раз уносит память
К его кончине роковой.

Пусть все наветы канут в Лету,
Какой поэт у нас не лих?
Не нужен оберег поэту,
Иначе лживым будет стих.

Каким он был, каким он не был,
Теперь не нам о том судить.
Пушай его рассудит небо,
А мы не сможем позабыть.

Ветеранам Великой Отечественной войны

Вы – наша доблесть, вы – наша слава,
Вы – честь и совесть своей державы.
Прошли сквозь пекло и победили,
Страну из пепла восстановили.
В глазах у мира осталось диво.

Скажите, где же вы брали силы?
Вы псам-нацистам смешали карты,
Вы в прах повергли все их штандарты.
И знают только земля да небо,
Какой ценою взята победа.
Мир содрогнулся от той потери,
Скорбь миллионов нельзя измерить.
За всех погибших, героически павших
Живите дольше, родные наши!

* * *

А. Н. Пахмутовой

Вашу звёздочку в сиянии Млечном
Хочется глазами приласкать,
Быстротечна жизнь, а звёзды вечны,
С них на землю льётся благодать.

Музыкой, на подвиги зовущей,
Вы наполнили свой славный век.
Посетит ли Русь в веках грядущих
Равный вам по духу человек?

Звёзды

Мне говорят, что песнь моя пропета,
Что слишком загулялось бабье лето,
Что уж давно пора остепениться,
Но в четырёх стенах мне не сидится.

Я не хочу стареть, бегу на воздух,
Хочу запечатлеть в зените звёзды,
Хочу плясать и петь, и быть любимой,
А жизнь проходит мимо, мимо, мимо...

Мне говорят, побереги здоровье,
Не каждый праздник собирай застолье
И не меняй обнову за обновой,
Ты всё-таки не Алла Пугачёва.

А я в ответ кричу: мне нужен воздух,
И я гореть хочу, как эти звёзды,
Красивой быть хочу и молодою,
Ну разве я таких наград не стою?

А радость разве грех, скажите, люди,
Веселье и смех, ну кто осудит?

И доблестных мужчин средь вас немало,
И я ещё не всех поцеловала.

Я замечаю, как редееет воздух,
Я замечаю, как тускнеют звёзды,
Всё тише соловьи поют весною,
Но жажда жизни всё ещё со мною.

Я вечности кричу: оставь мне воздух,
Я долго жить хочу, как эти звёзды,
Гореть миллионы лет неугасимо!
А жизнь проходит мимо, мимо, мимо...

А жизнь прекрасна, но неумолима.

Осень жизни

У природы есть свои задачи.
В октябре она дождями плачет,
Не иначе, это что-то значит,
В каждом действе есть благая суть.
Холодно. Оденься потеплее,
И пойдём побродим по аллеям.
В доме плохо греют батареи
И тоска морочит, просто жуть!

Позабыть бы обо всём на свете,
Не считать копеечки в бюджете,
Да в кредитах не увязли б дети –
Вечны ипотечные долги...
Мы на час-другой печали сбросим
И проводим золотую осень,
Поглядим, густа ли в поле озимь,
Не промокли б только сапоги.

Не смотри на возраст и болячки,
Организм нуждается в раскашке,
Не впадать же, как медведи, в спячку,
Главное – не думать о худом.
«Просто так идти и улыбаться»,
У дроздов беспечности набраться
И ещё разок поцеловаться
Средь рябин, продрогиших под дождём.

Ах, апрель!

Так случается между людьми
(жизнь смеётся и плачет над нами),
Драгоценное чувство любви
Возникает и гаснет, как пламя.

Так случается ранней весной,
После стужи, в обманном апреле:
Налетит ветерок озорной
И тебе вновь захочется верить.

Верить в то, о чём страшно сказать,
А душа-то всегда молодая,
И не хочет она унывать,
И томится в предчувствии мая.

Ах, апрель, ты меня не замай.
Ты разбойник, разлучник, развратник!
Красну девицу ты искушай,
А со мной будь чуть-чуть аккуратней.

Ёжикин кот

Напрямик через лесок
Я бегу, не чуя ног,
Спасаясь от преступника –
Моей подруги спутника.
От сивого, лохматого,
От мужика женатого.

Как решился этот тать
Мне такое предлагать?

Мне лучше заблудиться бы,
Сквозь землю провалиться бы,
Чем рассказать подруженьке,
Что ей не верен суженый.

Всё скажу, как на духу,
И конец его греху!
Ну, а если промолчу,
Он поймёт, что встреч хочу.

Ой, какой несчастный случай!
Промолчать, наверно, лучше:

Вдруг подружка не поверит,
Выставит меня за двери.

А мужик у ней хорош,
На Есенина похож.
Дух займётся, как прижмёт!
Но о чём я, ёжкин кот?!

Смысл существования

*Во многих мудрости много печали,
И кто умножает познания,
Тот умножает скорбь*

Экклесиаст (Ветхий Завет)

Я чувствую пространство, как тунгус,
Спасительный родник найду в пустыне,
Я мир познал на ощупь и на вкус,
Презренный страх бежит меня отныне.

Я не страшусь потусторонних сил,
Мне на земле хватило испытаний,
Не посрамил отеческих могил,
Мой труд весом на алтаре познаний.

Я в тайны мироздания проник,
Ни смерти не боюсь, ни увяданья,
Боюсь утратить то, что не постиг,
Боюсь утратить смысл существования.

Ольга Калина

Ольга Владиславовна Калина родилась в 1962 году в Некрасовском лесопункте Вожегодского района Вологодской области. Детские годы прошли в городе Харовске. Окончила Архангельское музыкальное училище по классу фортепиано. 13 лет проживала на Кольском полуострове в городе Апатиты. Ныне живёт в Харовске. Автор двух поэтических сборников: «В стихи слагала каждый шаг» (2004) и «Осенины» (2012).

Моя строка

Не так уж гениальна та строка,
В которой мне хотелось отразиться.
Но напишу опять наверняка,
И расскажу всё то, о чём не спится.

Закреть глаза и мысли отпустить,
А лист оставить чистым, непорочным.
Ночь – время тайнства, тут спать или любить,
Но не писать строку с расчётом точным.

И муж заснул, и внушка видит сны,
И черепаха в водяном угодье
Качает головой, как поплавком,
Лишь я не сплю, – ах! – ваше благородье!

Подушка не мягка, и бьют часы,
Как полоумные, а под подушкой «гвозди».
Но за строкой рождается строка,
А мысли! – вот непрошенные гости...

Всё опишу: как смотришь на меня,
Про губ твоих печальную несмелость.
Но заглянула в комнату луна,
И тайны открывать мне расхотелось.

Мой город

Харовску на 50-летие

В этом маленьком городе тесно казалось.
Жизнь безмерной была – место где для полёта?
Оказалось – безумье по далям летать,
В это время теряя из близких кого-то.
Всё весёлое, лучшее где-то не тут.
Взять билет и уехать – расстаться с печалью.
Детство кончилось, с ним – и тепло, и уют
Я оставлю за синею-синею далью.
А в оставленном городе чище снега,
Голубее речушка и мягче дорога.
Солнце смотрит задумчиво на игрока,
Дождь вдгонку всплакнёт обо мне, но немного.
Улетела – лети, убежала – беги.
Пусть другие любят – те, что умнее,
И купаются в речке, и рвут васильки..
Ты хотела других оказаться сильнее.
А в далёком краю снег осевший, рябой.
В шумном городе скачут фонарики окон.
Сопки с небом слились. Всё сплелось в непокой.

От полярных ночей на душе одиноко.
Я вернусь, и покажется – тысяча лет
Разлучила меня, ту, прошедшую, с этой.
Сколько было потерь?! Сколько было побед?!
Всё смешалось, как горечь таблетки с конфетой.
Я вернулась и каюсь – была не права:
Поле есть, чтоб взлетать, есть куда приземляться.
В пятьдесят ты мудрее и старше меня.
Разреши мне, мой город, с тобою остаться.
Здесь и время иное – оно не бежит,
А размеренно, чётко с тобою ступает.
Кто, как я, от родного простора сбежит,
Тот, вернувшись, вдвойне смысл его понимает.

***Дедушке Степану Морозову
– журналисту, нумизмату***

Я твоим поклонюсь мощам –
Детству милому дань отдам.
Ты казался мне стар и сед,
Оказалось – был мудр как дед.

А когда занимался делом,
Помешать я тебе не смела.
И следила, как стол большой
Заполнялся твоей душой.

По машинке бежит рука.
За строкою спешит строка.
Под мундштук и табачный дым
Ты работою одержим.

Вот монеты ложатся в ряд,
Ты познанию мира рад.
За спиною – книг стеллажи.
Подрасту – обо всём расскажи.

Ничего не успел сказать...
От кого мне теперь узнать?
Вот приду к тебе, поклонюсь.
Ничего, сама разберусь.

Только память и кроткий взгляд.
Разве это вернёшь назад?
И растёт, как стена, печаль –
Как со временем прошлого жаль...

Поцелуй

Пусть продлится поцелуй
До отхода поезда,
Чтобы в тамбур забежать,
Не успев опомниться.
Пусть вагонный звонкий звук
Заглушает сердца стук,
И объятия рук твоих
Шалью на плечах моих.
Так – до станции родной.
А потом... – домой, домой.

Осенины*

Сегодня – Бабы Осенины.
Звучит как будто именины.
Плеснуть бы, что ли, в рюмки чай,
Себя поздравить невзначай.

А Осенины-то – Всесветные.
Жаль, мы для милых неприметные.
На мужиков бы в осенину
За невнимание – дубину.

Пока склоняла «осенины»,
Меня, как будто, осенило:
Да с кем же, кроме баб, напиток? –
За чаем горем поделиться...

Быть может, лучше выпить квас
Да взять терпенья про запас?
А можно было б выпить пива,
Чтоб трын-травой была крапива?

Приятней всё-таки вина –
Печали выпьются до дна.
Уж пить так пить – по-русски, водку, –
Чтоб временно сменить походку.

И вмиг – уверенность во взгляде,
И вся ты сразу при параде.
И пусть посмотрит муж сердито,
Коль с ним ты – баба у корыта.

Сегодня – верою потешусь,
Надеждою уравновешусь,

* Всесветные Бабы Осенины отмечаются 30 сентября (именины Веры, Надежды, Любви).

С любовью – мир перевернётся.
А завтра? – бабья жизнь вернётся.

* * *

Жизнь – как под гору бегом,
Места нет для скуки.
Я вяжу, стихи пишу,
У меня есть внуки.

С внучкой песенку пою,
С внуком мяч гоняю.
Поменять в календаре
Лист не успеваю.

Осень

Внучке Лизе

По аллеям не спеша
Бродит осени душа.
Королевою ступает,
Свой наряд на нас бросает
И заказывает новый.
Зонтик кружится кленовый.

Дрогнет в платьице осина,
Машет кружевом рябина.
Жёлудь в шапочке-берете
Запечалился о лете.

В лужах – прошлого костюмы,
Парк и лес стоят угрюмы.
Даже тополь сбросил фрак –
Фрак сидел на нём не так.

Плачет дождиком природа,
Отмечая смену года.
Но к весне её портняжки
Вновь сошьют штаны, рубашки.

Милая моя...

Милая моя доченька,
Как тебя обнять хочется!
Ты, как ёжик, колешь иголками -
Что мне Новый год с ёлками!..

Мне тебя понять хочется
И спасти от зла-одинокства.

Мне тебя догнать надо бы!
Я тебе помочь рада бы!

Ты красива, но вся в иголочках,
Милая моя, Ёлочка.

* * *

Есть правда на свете,
В которой признаться
Намного сложнее,
Чем с ложью расстаться.

Есть лживость на свете,
С которой смириться
Нечестно и горько.
Но как же открыться?

Так смешанность эта
Гуляет по свету –
Для чувств человеку,
Для рифмы поэту.

Средство от хандры

Захотелось жить по-новому.
И казалось – повезёт,
Если сделаю обнову я
И куплю себе комод.

Вдруг да время и попятится,
Не помчится, если взять
В эту рыночную пятницу
Поменять бы и кровать.

Одеяло синтепонное
И подушки с буквой «Ха»
Закуплю я от диагноза
«Аллергия на пуха».

От бывшего пух да перья
Разлетелись по двору.
И, согласная с поверьем,
Прочь гоню свою хандру.

И герани веский запах
Я на фикус заменяю,
Отменю обычный завтрак.
Вот и новое меню:

Гречка-бодрость, манка-радость,
А для силы - геркулес.
За окном темно. Усталось.
А по дому мчится бес.

Фикус занял много места –
Счастье спрятал в уголок.
Вместо гречки ставлю тесто –
Испеку семье пирог.

Где я – вовсе не известно.
Чьи подушки? Чьи ковры?
Возвратить бы всё на место –
Излечиться от хандры!

* * *

Ты параллельно мне живёшь:
Не видишь снег, не слышишь дождь...
Когда я под луной мечтаю,
Ты даже бровью не ведёшь...
И для чего же я тогда
С тобою провожу года?!

Волшебный смычок

Поэтессе Нине Груздевой

У скрипки обычной волшебный смычок.
Он ночью живёт, как за печкой сверчок.
Выводит красивую песню любви -
Попробуй к молчанью его призови.

Я вспомнила ночью, в бессонницы час,
Что нет одиночества в доме у вас.
За дверью, в прихожей – обычная жизнь.
А в комнате, в рамках – только держись!

Известные лица тотчас оживают,
То трубку закурят, то стих прочитают.
Вы ж, яркое чувство забросив на лист,
По памяти дарите гостю «на бис».

Я рядом сидела, я слушала вас.
Во взгляде – любовь, и лукавится глаз.
От трубок поэтов витает дымок.
Кто знает, когда человек одинок?

Виталий Калугин

Виталий Ефимович Калугин родился в 1954 году в городе Алапаевске Свердловской области. Окончил факультет физической культуры Вологодского государственного педагогического института. Работает тренером физкультурно-оздоровительного клуба в посёлке Сосновка Вологодского района.

Как у меня рождаются стихи

Словно ветра дуновение,
Напахнуло вдохновение,
Пробудив воображение,
Взбудоражив кровь.
Сей порыв мне не понятен,
Но не скрою, что приятен,
В жизни много белых пятен,
Удивляюсь вновь.

Я пишу стихи играя,
Запятые расставляя,
Строчки в строфы составляя,
Счастлив до небес.
Движет мной большая сила.
И скажу: как это мило,
Если б так всё время было, –
Есть всему конец.

Но творец не я – Он выше.
Всё Он видит и всё слышит,
Лишь рукой моею пишет –
Как мне повезло!
Всё, конец стихотворенья,
Был я в пике наслажденья,
Но уходит вдохновение,
Всё, совсем ушло...

Встреча

*Участникам Великой Отечественной войны
посвящается*

Как-то в ресторане «Север»
Мы с приятелем вдвоём
За свободный столик сели.
Заказали ужин, ждём.
Говорили так, о разном –
Ресторан есть ресторан.
При медалях, с видом праздным
К нам подходит ветеран.
– Здесь свободно? Извините.
– Да, пожалуйста. – Он сел,
Заказал чего-то выпить
И тихонько молча ел.
Мы косились на медали,
Боевые ордена,

Близко – так вот – не видали
Мы награды никогда.
Ел старик, и мы молчали,
Словно кто заворожил.
Всяк по-своему гадали,
Как он жизнь свою прожил.
И, поняв молчанье наше
Да изрядно захмелев,
– Горькую испил я чашу, –
Протянул он нараспев. –
Детство я прекрасно помню
И иного не хочу.
Жили мы большой семьёю,
Бедно, но плечом к плечу.
На отцовскую зарплату
Семерых растила мать.
Шёл пиджак от брата к брату –
Только успевай латать.
Голодать не голодали,
А вот хлебец берегли,
Цену хлебу с детства знали
И иначе не могли.
А сейчас... – Он чертыхнулся,
Взглядом рюмку оценил,
Выпил, кашлять отвернулся
И ещё одну налил.
Разговор не зря был начат
Этим странным стариком.
Знать, решил он, не иначе,
Снять с души тяжёлый ком.
Ел так медленно, смакуя,
Точно спал он, а не ел.
Иль с компанией такою
Расставаться не хотел.
Мой приятель тоже налил
И чуть слышно предложил:
– Лучше выпьем за медали. –
Наш старик опять ожил.
– Александр Петрович Кашин, –
Он привстал и снова сел. –
Можно просто дядя Саша,
Я бы лучше так хотел.
Мы в ответ свои назвали:
Алексей и Николай,
Так же чуточку привстали,

Он махнул:
– Да, не вставай. –
Выпил, слёзы накатились,
И сказал он как-то зло, –
Мы с приятелем смутились:
– Выжил, значит, повезло.
Повезло, что не убили
В первом памятном бою,
Когда в прах мы разгромили
Артиллерию свою.
Огневые наши точки,
Под секретом под большим,
Окопались там, в лесочке,
А мы сзади их стоим.
Всё потом уж прояснили,
А сначала было так:
Из разведки доложили,
Что в лесочке этом – враг.
Мы пайки сухие ели,
Вдруг услышали приказ,
За орудия присели
И ударили тотчас.
Щепки, пыль и клубы дыма,
Грохот, свист и страшный гул!..
Так до вечера и было –
Ни один не улизнул.
Знать, врасплох врага застали,
Раз ответить нам не смог.
Все конечно ликовали:
Дали мы врагу урок.
И ушла опять разведка
В тот район, где был лесок,
Где торчали только ветки.
Вряд ли кто там выжить мог.

Через два часа вернулись,
Впереди ведя троих.
Наши все переглянулись,
Узнавая в них своих.
Сколько, боже мой, напрасно
Ждало жён и матерей
Тех погибших – как ужасно! –
От своих же батарей.
И катились слёзы градом
У товарищей моих.

Сколько жизней – это ж надо!.. –
Мы отняли у своих.

Мы сидели, нам был в диво
Старика того рассказ –
Не всегда вот так, правдиво,
Просвещают в жизни нас.
– Что же дальше? Не сказали, –
С нетерпением я спросил.
– Всех тогда же расстреляли,
Кто в разведке этой был.
«Всех – за трусость», – перед строем
Зачитал нам политрук.
А в разведке той, не скрою,
Был Семён, мой лучший друг.
А наутро – канонада,
Немец – как предвидеть мог? –
Двинул всей своей армадой
Через тот как раз лесок.
Немцу что – он на машине,
С автоматом, не чета
Нашим старым карабинам,
Да и техника не та...
В дно окопа, вжавшись телом,
Каской голову прикрыв,
Всяк лежал, – и трус, и смелый, –
Всё на свете позабыв.
Тут и бомбы, и снаряды,
Непонятный гул и вой.
Нам ответить тоже надо б,
Но какой тут к чёрту бой.
Сколько длился, я не помню,
Этот настоящий ад –
Мне казалось, что со мною,
Лишь с одним воюет враг.
Вдруг куда-то провалился.
Непонятно: мёртв иль жив?
Я, безбожник, вдруг взмолился,
В кучу всех собрав святых.
Может быть, и в самом деле
Мне молитвы помогли –
Ни царапины на теле,
Только тяжесть от земли.
Вылез я, шинель охлопав.
Вот кто жизнь мне сохранил:

Взрыв берёзу вдоль окопа
Надо мною уронил.
Сколько в том стволе осколков...
Может, пуд, а может, два.
И конец его метёлкой,
Вот такие, брат, дела.
Взял щепу от той берёзы,
Как заветный талисман. –
Он утёр сначала слёзы,
А потом полез в карман,
Вынул свёрток и положил,
Чуть подавшись телом вправо.
И как будто стал моложе
Кавалер Солдатской Славы.
От рассказа в ветеране
Огонёк горел живой.

Шли развлечься в ресторане,
Но а встретились с войной.

Случайная встреча

Я сел в автобус у метро,
Вы улыбнулись мне хитро
И отвели смущенно взгляд,
Откинув прядь волос назад.
Мне было подле вас тепло.
А вы смотрели сквозь стекло
На город, мокрый от дождя,
На площадь имени вождя.

Автобус медленно катил,
Пуская волны от колёс,
А дождик, дождик моросил.
Как всё же много в мире слёз.
Вы встали, унося тепло,
А дождь всё плакал на стекло
И как бы из последних сил –
«Не уходи!» – одно просил.

И, зонт раскрыв над головой,
Вы шли, влекомая судьбой.
Ничто не связывало нас
Ни до того и ни сейчас.
Автобус медленно катил,
Пуская волны от колёс.

А дождик плакать прекратил –
Ваш зонт с собой его унёс.

Кукушка

Перестань мне снится, умоляю,
Мной когда-то брошенный ребёнок.
Не жила тогда я, шла по краю,
Было мне совсем не до пелёнок.
Молодость брала своё, гуляла.
Для меня ты был тогда обузой.
Сколько, мне казалось, потеряла
Времени, когда ходила с «пузой».
Нет, решение не было спонтанным,
Приняла его не в одночасье.
Верила, поступок мой – гуманный,
Видела в другом тогда я счастье.
Перестань мне снится, умоляю,
Повторяю каждый день упрямо.
Ночь придёт, – уж я-то это знаю, –
Ты придёшь, протянешь ручки: «Мама!»
Брось меня, как бросила когда-то
Я тебя той давнею весною.
Знаю, что безмерно виновата
И уже наказана судьбою.

Ночная зарисовка

Стучала форточка в ночи,
Мешала спать.
Сосед напился и кричал
Про чью-то мать.
Встал, плотно форточку закрыл –
Часы тик-так.
Сходил соседа усмирил,
Заснул чужак.
Молчала форточка в ночи,
Молчал сосед,
А солнца первые лучи
Несли рассвет.

Весеннее

Я смотрю на своё окно,
Был там сказочный лес – и нет.
Кружевное зимы панно

Лишь оставило мокрый след.
А виною тому – весна,
Это был её первый штрих,
И теперь золотая луна
Частый гость в покоях моих.
Делу всякому есть свой час,
Оттого и не грустно мне.
Будут зимы ещё не раз
Рисовать на моём окне.

Признание

Взгляд твой нежностью струится,
И шепчу я, как в бреду:
Я боюсь в тебя влюбиться,
Знаю точно – пропаду,

Может всякое случиться,
Руки к небу возведу!..
Я боюсь в тебя влюбиться,
Отведи, Господь, беду.

И в какое-то мгновенье
Понял я, что зря молю,
Всё напрасно: без сомненья,
Я уже тебя люблю.

Вера Коричева

Вера Николаевна Коричева родилась в городе Загорске Московской области (ныне Сергиев Посад) в 1964 году. По окончании Московского художественного училища «Памяти 1905 года» в 1986 году приехала по распределению в Вологду. Работала художником-оформителем в вологодских театрах и на вагоноремонтном заводе. Училась в театральных институтах Ярославля и Санкт-Петербурга. В настоящее время работает дворником. Автор двух поэтических сборников «Планета тополей» (2006) и «Родная чужбина» (2009).

Понедельник

Когда стихи на птичьём пишут...

Мария Маркова

Я обожаю понедельник
За солнца блеск и тишину,
Когда уходят в школу дети
И можно, наконец, вздохнуть,
Спокойно застелить постели
И простыни перестирать,
И между делом, в час потехи,
Черновиков открыть тетрадь.

Люблю, когда в квартире тихо,
Светло от солнечных щедрот,
Уютно дремлет хомячиха
И телевизор не орёт, –
Слова перебирать, как бусы,
Рыть золотишками в песке,
Стихи писать на самом русском,
На человеческом языке.

Благословляю радость часа,
Когда совсем себе не лгу,
Когда листочек непочатый
Вязаньем слов покрыть могу.
Когда в моей клети панельной
Слабеют сети суеты
И благодушный понедельник
Сияет солнцем золотым.

* * *

Взрасти высоким сугробом –
Растаять, разлиться лужей,
В себе отразить мир добрый
И сделаться глуше, глубже.

Лелеять небесных деток
В своей ледяной купели
И, измельчав напоследок,
Стать ласковой и теплее.

И дать напитаться птицам
По капельке влагой нежной.
И медленно испариться,
Взойдя невидимкой в небо.

«Февральская лазурь» Игоря Грабара

Февраль. Достать чернил и плакать?
Не лучше ль цинковых белил?
Ядрёной смеси масла с лаком,
Чтоб запах души просмолил.

Зачем пролётка за шесть гривен?
До мастерской шагать пешком,
Дышать морозом, ибо ливень
Зиме российской не знаком.

Заправить кисть ультрамарином,
Наметить небо поярчей...
Другой, саврасовской картине
Оставить тысячи грачей.

Из красок-нитей, словно платье,
Вязать воздушный колорит.
Достать белил. Но нет, не плакать.
Февраль врачующий творить!

* * *

Алле Барлиновой

О, синий тёрн
В саду моём волшебном!
Твой терпкий вкус
Щедрей медовых сот.
Колючий неуживчивый
Пришелец,
Сошедший с крымских
Каменных высот.

Весной в мой пруд
Ты лепестки роняешь,
Плетёшь по тине
Белым ришелье.
Ты киммерийским
Вестником из рая
Растёшь на тощей
Северной земле.

Мой крымский гость!
Над обмелевшим прудом
Ты вспоминаешь
Горную грозу

И в тёплом августе
При солнце скудном
Смолы роняешь
Тёмную слезу.

* * *

Господи, нарисуй мне облако!
Чтобы с тополем было бок о бок.
Обмакни свою кистку в золото
И раскрась бока его полные.

Господи, нарисуй мне радугу,
Чтобы встала над ветреным градом.
Водяными красками весело
Распиши врата поднебесные.

Господи, нарисуй мне сумерки
В дождевую полоску косую
И яви, прошу, нерасцвеченным
Одинокое чудо вечера.

Разве я прошу слишком многого?
Господи! Нарисуй мне облако...

«Осенние дожди (Пушкин)» Виктора Попкова

Пушкин стоит, одинок, на пороге родимой усадьбы.
В золоте все деревья, залиты дали дождём.
Пушкину радостен дождь, студёные осенние струи.
Треплет кочующий ветер фалды его сюртука.

Лестница катится вниз зеркалами скрипящих ступеней,
По ветру Пушкинский взор к дальним стремится холмам.
Пушкин во власти стихий ожидает от неба ответа.
Парою белых колонн в вечность открыты врата.

* * *

*Москва – какой огромный
Странноприимный дом...
Марина Цветаева*

Москва для москвичей и иностранцев.
Но россиянам здесь нехорошо.
Не каждый гость осмелится расстаться
С последним заработанным грошом.

Так, если вам захочется покушать,
Любимой каши не найдёте тут.
Попотчуют своей китайцы кухней
И перцами желудок обожгут.

И – правильно. Чтоб было неповадно
В столицу шастать. Знайте свой шесток!
Провинциалы? Сами виноваты.
Московский воздух жёсток и жесток.

Но, как на грех, сегодня очень нужно
Мне, россиянке, чуждой для Москвы,
Картины посмотреть, что мне не чужды,
Родных художников знакомые холсты.

Я в залы контрабандой проникаю
За москвичами редкими вослед
Под зорким оком сторожащих камер,
Имея на свидание билет,

К Попкову в гости, к вечно красным «Вдовам»
Из северных печальных деревень.
И мне кивает не Фрегат Петрович*,
А белая далёкая Мезень.

Жаль, «Пушкина» я дома не застала:
Отправился в Париж или Мадрид...
Но посреди попковской тесной залы
Парит и греет мысли яркий ритм.

Москва, спасибо, мачеха родная,
За редкого свидания часы!
(К Попкову петербуржцы не пускают).
А ты, приезжий, будь искусством сыт.

Глотай потом китайские салаты
И о солёных рыжиках забудь...
А живопись ни в чём не виновата,
Она – для всех. И освещает путь.

* * *

Не приеду я, нет, не приеду;
В октябре, феврале и апреле

* Фрегат Петрович – памятник Петру I работы скульптора Церетели.

Вы напрасно не ждите меня.
Я приду на свидание с летом
И весёлый июль загорелый
Поспешу поскорее обнять.

Целовать долгожданного буду
На бугре в земляничные губы
И к песчаной спине притулюсь.
А черничные жёсткие кудри
Расчешу не гребёнковой грубью –
Белью пальцев – покрасятся пусть!

На лице – горячее жаровни –
Расцелую колючие брови,
Пряной хвои вдохнув аромат.
И в глазах – так по-детски невинных –
В их серебряных мелях-глубинах
Искушаюсь три раза подряд.

Я брести буду долго и тяжело
По февральским ложбинам-овражкам,
Помытарюсь на мартовском льду,
Наст апрельский слезами полью я,
Чтоб забраться в объятья к июлю...
Так что я не приеду – приду!

Памяти отца Николая Плисткина

*Я глазом глиняным гляжу
На куст черёмухи с амбара...
Николай Плисткин*

Леплю портрет из глины голубой,
И сосны над горой шумят вершинами.
И ты передо мной – ещё живой
И смотришь на меня ты глазом глиняным.

Я глажу глину влажною рукой,
А под горой – поёт Чудское озеро.
И длинен день, и короток покой,
И дождь грибной ещё не пахнет осенью...

Не сохранился глиняный портрет,
Амбар сломали, дом теперь здесь каменный.
И на земле тебя уж больше нет...
И образ твой леплю из глины памяти...

В чёрном квадрате

*Я назвал код.
Квадрат открылся...
Андрей Вознесенский*

Не знаю, компьютер
Мне – враг или брат?
Включаю. Проваливаюсь
В чёрный квадрат.
Со всеми мыслями,
Златыми-синими
Ступеньками ссылок
Спускаюсь в ад
(Всё глубже и ниже
В туннель анфилад),
Чувствую –
Оставляют силы,
Не знаю, смогу ли,
Подняться назад?

Не знаю, Малевич
Нам – брат или враг?
На каждом столе
Его чёрный квадрат.
Помедлите
У виртуальных врат,
Не спешите кнопку
Нажать красивую,
Соберитесь с мыслями,
У себя спросите
(Прежде чем пасть
В черноту наугад):
Хватит ли силы
Покинуть ад?

* * *

Памяти Ивана Сергеевича Шмелёва

Придумывай себе Россию
На чужедальнем берегу,
У волн морских на камне сидя,
Где русской речи ни гу-гу.

Вообрази её святою,
Спасённую от многих бед –

И розовой, и золотою,
Где пыли нет и грязи нет.

Где нету места для безделья,
Земля родит из года в год.
Забыты всяческие зелья,
И Бог от скверны бережёт.

Не отрекайся от надежды –
Увидишь у чужой волны,
Что богомольцами, как прежде,
Тропинки пешие полны

И радость полная без меры
Не спорит с вечною тоской,
А стихотворцы в чудо верят.
И не поют за упокой...

Давай, поэт, на грязь не сетуй –
Тебе под силу волшебство!
Ты нарисуй Россию светлой,
И воплотится образ твой.

Татьяна Короткова

Татьяна Георгиевна Короткова родилась в Междуреченском районе Вологодской области. Окончила историко-филологический факультет Вологодского государственного педагогического института. Член Союза российских писателей. Автор сборников стихов, песен, статей.

* * *

А осины-то, осины выщербивают,
А поляны-то, поляны выкузнечивают!
Пауты,
Слепцы да мушки-суета
Так и жгут во всеудобные места,
Так и гонят-прогоняют со двора.
Кому – лето,
Кому – дикая жара.

Плавит крыши,
Плавит землю летний зной.
Перед дождиком, видать, –
Перед грозой!

Вдруг
Над лесом небеса заоблакивало,
Солнце, в мареве тускнея, заподдакивало.
Стало слышно у покотин и домов
Тар-ратайки с пер-рекатами гр-ромов!

Хрясь!
Небесный потолок –
Прикатил Илья-пророк!
Затрубили трубы!
Любо, ох, и любо!

Яблочко

Спилила яблоню –
Не больно старую,
А просто яблочки
На ней истаяли.

Хмелит цветением,
Хлопочет лиственно,
А нет хотения
Плоды замысливать.

Ах, знаю, знаю я:
Тому виновница
Всё суета моя,
Неугомонница.

В жарыщу-попымя
Поить бы дерево

И ствол бы вовремя
Хранить-подбеливать.

...На солнце жарилось
Крылечко старое.
Лежала-скалилась
Пила усталая.

Из листьев скрюченных –
С лихвой намучено –
Над чёрной грядочкой
Краснело яблочко...

* * *

Дом у нашей бабушки
Светел был и свят.
«Оудовела смолоду,
Шестёро робят:
Дюжиу во соудатушках –
Питерских «палатушках» –
Эстолькё годов...
Там не до балов.

Издила проведывать
На денёк-другой.
Озоботит разом, дак
Хошь реви, хошь пой.

Лишь вернуусё Мишенька,
Тифом заболеу...
Сиротам оставиу нас,
Свичкёю сгореу».

Не живала сладко.
В горечи прорух
Бабушка ослеpla,
Белый свет потух.

...Сколько похоронок
Пережить пришлось...
Не было на людях
Бабушкиных слёз.
«Не бывала сроду
К месным фершалам».
И огонь лампы глел по вечерам.

Тихий бабкин голос, пение молитв –
Словно с целым миром
Был тот голос слит.
И с колен
Иконе кланялась люто.
Выжила
Любовью, Верою, Христом.

Горькое

И.М.

1

Да, кого только лихо не торкало...
И на вас набрело горе-горькое.
Горе на век – на весь, до скончания.
И не вырвать из сердца отчаянья.
Не заснуть, не проснуться – с улыбкою.
Снег на сердце и снег за калиткою.

2

За калиткою – дорога,
Новогодья свежий снег.
Всё под Богом, все под Богом –
Снег, дорога, человек.

Человек!? Иль тень за елью...
Сна безжалостно лишат.
Не твоя ли, средь метели,
Зябнет бедная душа?

3

Все ли, всё ли нам от Бога,
Коль распят он на кресте?..
Испытания дорога,
Укрепи нас во Христе.

4

Рождество

Плен метельный на исходе.
В тучах – синь небесных гнёзд!
Над землею в час Господен –
Слышишь? – пенье тихих звёзд.

Три-птичье

1

Трубе продымившей даруя доверье,
Сидела ворона и чистила перья.
Проверила всё от подмышек до брюшка
И хвост опустила в трубу – на просушку.

И стихла.
И долго вороний комок
Тонюсеньким клювом глядел на восток.

А с ней – ни вблизи, ни вдали воронья.
Вот тут докопалась до истины я:
Уселась она, где тепло из трубы
Лечило ей спину от боли-стрельбы.

А что,
Наши меньшие братья
С немалым, однако, понятием.

2

Позвонила я приятельнице доброй,
Про ворону про свою читала бодро.
Отвечает мне, дослушав про землячку до конца, –
Так и видится улыбка погрузневшего лица:
«Ведь ворона – это я. О батарее
Спину старую свою сажу и грею!..»

3

На самой верхушке берёзовой кроны
Ерошили перья седые вороны.
Смотрели они с деревянных полатей
На даль горизонта в горящем закате,
Где к теплине зимних закатных небес
Тянулся вершинами лес.

В предчувствии ночи жестокоморозной
Продрогли и ели, и птицы с берёзой.
Никто не заметил, как месяц украдкой
Над ними склонился горячей лампадкой.

Летите, бедняги, ко мне поскорей –
Согрею
В тетради моей.

Как пошли наши подружки
На болото по морошку,
В лес по ягоду-морошку
И под кружевом рябин
Туески и набирушки
Заподбрасывали, – гли-ко!–
Заподкидывали с гиком
Всё – от вёдер до корзин.
Если чья-нибудь корзина
Упадёт на боковину,
Ягод ровно половину
Та корзина наберёт.
Кверху дном легла в перину –
Быть ей к вечеру разиней,
Дном на луговинушку –
Стало быть, княгинюшкой!

Мамина пашенка

*В тёмном лесе, в тёмном лесе...
За лесью, за лесью
Распашу ль я, распашу ль я...
Пашенку, пашенку.*

Русская народная песня

«В тёмном лесе, за лесью» –
Песню мамину пою.

Вовке стыдно за меня,
Что пою средь бела дня.

Он краснеет и шипит:
– Вот услышат, – говорит.

«Распашу ль я, распашу» –
Помоги, – его прошу.

Знаю, любит брат упрямый
Те же песни, что и мама:
Пашем, пашем –
С братом вместе

Запускаем в небо песню,
Полетела выше крыши.
Ма-ма!
Слышишь?

* * *

Берег у речки велик и крут,
Вёдра в дугу коромысло гнут.
Третье ведро я несу в руке,
Только душа налегке!

Даром, что ноша неженская,
Сила во мне – деревенская!
– Пей, загляденье сердечное,
Луковое,
Огуречное!
Да укрепляйся кореньями –
Не налюбуюсь растеньями!

Пламя заката поспелое
Тешит плечо загорелое.

Жизнью душа переполнена! –
Дома я,
Здесь моя родина,
Рядом
Малиновый самый
Рай
В огороде у мамы.

Нина Коршунова

Нина Ивановна Коршунова родилась в Вологде. Окончила студию при вологодском театре кукол «Теремок», Сокольское педагогическое училище по специальности музыкальный работник в дошкольном учреждении и Московский полиграфический техникум им. Ивана Фёдорова. Работала актрисой в Вологодском театре кукол, литсотрудником в газете Вологодского Молочного института «За кадры», техническим редактором в ЦНТИ, затем электромонтёром оперативно-выездной бригады в Вологодских электросетях. Ныне пенсионер.

Несбыточный сон

Глухая деревня мне снится:
Под берегом плотик, река
И лошадь, что по лугу мчится,
И в нежных цветах берега.

Душа всё тоскует, тоскует,
Ей так не хватает тепла,
А сон полуночный волнует:
Загадочный край не нашла.

Что ж, этому, видно, не сбыться,
Остались вдали берега...
Поэтому часто мне снится
И лошадь, и плот, и река.

Конь мой

На рассвете радостного дня
Из загона выпущу коня
Да краюшкой хлеба угощу
И на луг зелёный отпущу.
Выскочит игривый со всех ног,
Полетит полями без дорог.

А вернётся – сахара даю
И водою чистою пою,
Засыпаю доброго зерна
И гляжу в горячие глаза:
Конь мой сильный, друг мой вороной,
Не расстанусь никогда с тобой!

Кирики-Улиты

Чем знамениты Кирики-Улиты?
Здесь русский замечательный поэт
Читал стихи для юной Зинаиды
И улыбалась девушка в ответ.

Есенину понравилась церквушка,
Туда невесту под венец привёл.
Теперь стоит заросшая горушка.
Разрушен храм. Свершился произвол.

Поднялся ельник, тёмный и колючий,
Он святость мест поныне бережёт,
А родничок, прозрачный и певучий,
Народ ручьём Есенина зовёт.

Река Двина

Река Двина.
Не могу надивиться
Водиче чистой,
Волне искристой.
Береговая петляет линия,
Зовёт поплавать
Принцесса лилия.
Плыву русалкой
Средь лепестков.
Мне лилий жалко,
Не рву цветов.
Я их целую,
Я их ласкаю,
К тебе приду:
Краса какая!
Всё потому –
Вода святая.
Несу в ладонях
Воды прозрачность
И запах лилий,
И солнца ясность.

Дуб

Стоишь ты горделиво, не шумишь,
У всех деревьев вызывая зависть.
Кудрявый, величавый, ты молчишь
И слушаешь своих раздумий завязь.

Рубцов так много на твоей коре,
Скопившихся, как память боевая
О диких бурях, о жаре.
Без них дороги жизни не бывает.

Я глажу ствол твой, милый дуб,
Стою взволнованная под твоей листвою,
Прекрасен твой зелёный чуб!
Ты русский – стойкостью и красотою.

Озаренье

Я вижу небо голубое,
А были тучи чередой.
Они тянулись надо мною –
Бывает так перед грозой.

Но наступило озаренье,
Вокруг прекрасно и светло.
Смотри! Смотри! В одно мгновенье
Всё заискрилось, зацвело.

А ветра словно не бывало,
Вдруг наступила благодать.
И радость в сердце зазвучала,
И строчки вылились в тетрадь.

* * *

Только что бродила тихо осень –
И в глухой деревне уж зима.
Побелели лапы милых сосен,
Чуть присели баньки и дома.

И родник снежком припорошило,
И берёзы кружевом расшило,
За плетнём искрится серебро.
На душе спокойно и светло.

Зимний гость

Кто в дверь опять стучится?
Кому там не сидится
В доме под тёплой крышей?
Всё ярче солнце, выше.

Мороз стоит колючий,
Он с каждым днём всё круче.
Хозяйку стук тревожит:
Нежданный кто-то. Кто же?

Засунув ноги в валенки,
Засов открыла старенький...
Под крышей – друг-приятель:
Латает дырки дятел.

Встреча в деревне

У плетня я тебя повстречала.
Ты высокий и ладный такой,
Но ты смотришь (я всё замечала)
За деревню, за поле – с тоской.

Что же, что же тебе не по нраву?
И природа не радует глаз?

А ведь я прогуляться по травам,
Нарядившись, с тобой собралась.

Не сбылись мои тайные думы,
Не могла я тебя удержать.
Видно, ближе столичные шумы,
Видно, проще утаром дышать.

Обман

Туман берёзоньку окутал,
От любопытных заслонил.
А ты меня с другою спутал
И потому не проводил.

Туман рассеялся под утро,
И ты пришёл, потупив взгляд.
Сама судьба решила мудро:
Не виноват, не виноват.

У печки

У печки старушка
И эдак, и так
И плюет, и дует,
А пламя – никак.

Сырые дровишки
Лежат да шипят,
Сырые дровишки
Гореть не хотят.

Никак не взовьётся
Над крышей дымок,
И кошка сидит
У хозяйкиных ног.

И некому древней
Старушке помочь –
Одна на деревне
Да вьюга, да ночь.

Пламя

О, печка русская! Люблю смотреть на пламя.
Дрова пылают в пляске озорной.
Всё выше, ярче огненное знамя,
Как светлый дух в объятиях со мной.

Но вот спадает яростная сила,
Не удержать огонь обугленным дровам.
– Горите же, горите! – я просила.
Но нет ответа на мои слова.

Огонь потух, остался чёрный уголь,
На сердце грустно, не хватает слов.
Сгорела тайна, выброшена в угол.
До новых встреч, воспетая любовь!

Сентябрь

Сентябрь – и нет его светлей.
Весь в золоте и красках пёстрых.
Ну кто ещё нарядней и милей?
Искрятся травы в каплях росных.

И счастьем наполняется душа,
У радостного сердца нет тревоги.
Ах, осень! Как ты хороша!
Побудь ещё немного на пороге.

Ну кто ещё нарядней и милей?
Танцуют листья для прохожих.
Сентябрь – нет тебя светлей.
Сентябрь, ты на меня похожий!

Двое

Б. К.

Заблудимся в просторах листопада,
Замедлим шаг в дремотной тишине,
И ласкою сияющего взгляда
Навстречу ты потянешься ко мне,

Всю нежность отдавая без остатка
В той роскоши сентябрьской красоты,
Где сердцу и волнующе, и сладко,
В любви, где только двое – я и ты.

Тревожный сон

Б. К.

Отчего-то в небе потемнело,
Вдруг исчез последний лучик дня.
Я испуганно спросила: «Где мы?»
Не услышала ответа от тебя.

Замирает сердце. Ничего не вижу.
– Милый, где ты? Видишь ли меня? –
Нет ответа, только слышу:
Завивает нас дорожка в небеса.

Ничего, что нас уносит в небо,
Ничего, что под ногами нет земли, –
Улетаем мы с тобою в небыль.
Скажешь в небесах слова любви.

* * *

Посвящается мужу Александру

Как долго я тебя ждала
В тиши лесной реки.
«Невеста парню не мила» –
Судили старики.

Ждала, ждала – а ты не шёл,
Одна у той реки.
Тогда шиповник алый цвёл,
Роняя лепестки.

Потом рябиновая кисть
Краснела у реки,
Шепнула мне: «Его дождись
Всем слухам вопреки».

Теперь двойной наш лыжный след
Проложен вдоль реки.
С тобою мы немало лет.
А слухи? Пустяки!

* * *

Люблю я в деревне Печинки
Всё-всё до последней песчинки.
Стоит на высокой горюшке
Любимая мной деревушка.

Всего семь домишек осталось,
Витает над ними усталость.
Лишь дуб на просторе, на круче –
Развесистый, гордый, могучий.

Какие же добрые силы
Деревню мою сохранили?
Наверно, нет сторожа лучше,
Чем дуб – на просторе, на круче.

Мито Коцев Кръстев

Мито Коцев Кръстев родился в 1933 году в селе Крапец общины Мездра Врачанской области (Болгария). Окончил гимназию в городе Враца и Ленинградский финансово-экономический институт. По комсомольской путёвке в 1957 году осваивал целину трактористом в Казахстане и Коми АССР. Следом за любимой женой приехал жить в Вологду, где работал на предприятиях: «Сельхозхимия», «Вологдаснабсбыт» и в троллейбусном управлении. Ныне пенсионер.

Автор шести поэтических сборников на болгарском языке: «Златин дол», «Песен на капчука» (Песня капели), «Далеч от Искърските брегове», «Северни и южни мелодии», «Монтански зори», «Вечна пролет» (Вечная весна).

Дар небесный

– Стихи писать – не твой удел, –
Сказал мне критик некий, –
Уже давно ты поседел,
Ты стар для рифмы меткой.

– Годами, может быть, и стар,
И головою седя.
Но вот стихи есть божий дар,
Они слетают с неба.

Душа напевом полнится,
И рифмы в мяч играют.
И оживает молодость,
И старость не пугает.

Пока на свете есть любовь,
Мир красотою полон,
Я греюсь солнышками слов:
Пишу – и снова молод.

Завет

Мы знаем, что оставим этот свет.
Прочтите сердца горестный завет:

Не покидайте родины своей,
Не уходите от полей родимых –
И самая прекрасная чужбина
Не станет сердцу родины милей.

Гнездо родное зря не оставляй,
Хоть у мечты всегда раскрыты
крылья.
Земля чужая не воротит силы,
Где ты родился – только там твой
рай.

Дар небесен

Стих да пишеш – не е твоя работа,
На мен някой в критика казал.
Твоя мир не е на тоя като,
Ти за поет си вече стар.

На години може да съм стар
И покрит с бели коси,
Стихове да пиша божи дар,
Стихове падат на откоси.

В душата моя пролет пее,
Рими търся в безкрая.
С мен младостта вечно живее
И моя живот да чист се старая.

До като на света има любов
И мир пълен с красота,
Изгрева на слънцето е мой зов,
Живее поезията с младостта.

* * *

Дойдох на този свят
И някой ден ще си отида.
Но слушайте моя завет –
Да не останете в обида.

По никаква причина
Не оставяйте края Роден.
Неканен гост в чужбина,
Оставаш човек негоден.

Напуснеш ли гнездото родно
И литнеш ли далеко,
Дело просто не благородно.
Там няма да е леко.

* * *

Спи, Крапец. Храню в тиши ночной
Тихий колокольный голос твой.
Время ткёт года, судьбу верша,
О тебе грустит моя душа.

В памяти ишу твои следы,
В тишине ловимые с трудом.
Душу испытание студит
И уста сжигает мне огнём.

Сны мои сегодня прогони,
Пусть ко мне бессонница придёт
И, напомнив солнечные дни,
Веры мне хоть капельку вернёт.

Горечь рассказать – не хватит слов.
Закрываю я глаза свои:
Я хочу тебя увидеть вновь,
Песни слушать нежные твои.

Песня капели

Где-то очень весело струится,
То бежит по улице водица.
Капают сосульки – кап да кап,
И уже закапали весь трап.

Воробьишки возятся в ветвях,
Радуются – солнышко в гостях.
И, ступая тихо от ворот,
К воробьям легко крадётся кот.

Умирает, стаивает снег,
Лижет тропки тёплый ветер южный.
Мутная вода стекает в лужи,
Умывая улицы для всех.

Солнышко ласкает всё теплей,
Золотом лучей с небес струится.
Всё к теплу пришедшему стремится,
Да и сердцу с радостью светлей.

* * *

Спи, Крапец, възшебен съм
И глас чувам в тишината.
Носи се тих камбанен звън
Навява мъка в душата.

Чувам твоите леки стъпки,
Едва доловими в тишината.
По мен лаят студени тръпки
И огън пари на устата.

Ти сладък сон прогони,
В леглото целият трепера.
В дъжда нощта слъзи рони,
Останал без капка вера.

Главата боли, тежи олово.
Затварям очи в съм унесен...
Искам да те видя отново
И чуйа твойта нежна песен.

Песента на капчука

Навън някой чука.
Вода се стича по улука.
Висулки леко капят – кап.
Вода запълва завеян трап.

Врабци се боричкат в клонака,
Топло време ги радва.
Стъпва тихо, дебне котака,
Към врабците се прокрадва.

Снегът лански си отива,
Гони го вятърът южен.
Мътна вада улицата умива,
Отива си снегът ненужен.

Слънцето ласкаво Грее,
Ясно синьо е небето.
Сякаш и душата ми пее
И радост пълни сърцето.

Птица

Снег заморочил тропы
Колкою россыпью.
Раненая ворона
Бегала по снегу.

Ближе я подбежал –
Вся расщеперилась, бедная,
Испуганная, дрожала
И кровью кропила белое.
По снегу волочила
Сломанное крыло.
Птицу я спас от кончины,
Взял и унёс в тепло.
Печь поскорей натопил
Дачную жарко,
Нежностью окружил –
Птицу-то жалко!
Хлеб накрошил ей в плошку,
Самую малость,
Дал и воды немножко –
Глядь, оклемалась!
Сладко клевала хлебушек
Птица голодная.
Долго ли в царствии снеговом
Мёрзла, безлётная...

Осенний лес

Осенний лес, осенний лес,
Меня зовёшь ты в край чудес.
В лесах зари румянец розов,
Стоят царицами берёзы.
Там, на пригорке, бьёт родник,
Тут тропка к логовам звериным.
Увидел я грибы, и – прыг,
Стрекнул ушастый заяц мимо.

Да ты в корзины загляни-ка!
В одной – полным-полно черники,
В другой – красно от кислых бусин,
А в третьей – рыжики и грузди.

Друзья любимые мои,
Берите божии дары,
Пусть каждый понимает это:
Коль к лесу ты придёшь с добром,
Воздаст тебе сторицей он,
Приветной щедростью ответит.

Патица

Сняг с ледена корица
Пътеката навял.
Куца изплашена птица
Бяга по снега бял.

Подгоних я, тя крило разпери
И съска със уста.
От страх измръзнала трепери,
Опръскан снега от кръвта.
Сгушила се, краката и студени,
Строшено лявото крило.
Живяла дни неброени,
Спасих я от голямо зло.
Във вилата печката запалих –
Стана ми жално.
Топлинка и нежност подарих
На патето малко.
Натроших хляб в паничка –
Знаех, че е изгладняла.
Пийна зажадняла водичка –
Патицата стана смела.
Как сладко хляба кълве,
Личи, че е прегладняла.
Сама сред бели снегове –
Бедната много мръзнала.

Есенна гора

Есенна гора, есенна гора,
ти ме зовеш в страната на чудесата.
В гората прекрасно слънце и зора
в страна къде царица е брезата.
Ето под хълма бега поток,
ето пътека на тайни зверове.
Наседали гъби, седят се и скок
избега заек в тревии и слокове.

Погледни в кошенице ти:
едната пълна с боровинки
в другата брусника о, мечти
в третата гъби големи и мънинки.

Мои мили другари
събирайте божии дар.
Нека всеки разбере
човек отнася ли се добре,
гората обича добрите хора,
които я любят без умора.

Нива в Щербовце

Здесь детство моё протекло –
На сливе моя колыбель
Качалась – так, с маминых слов,
Я вижу далёкий тот день.

Здесь прятался в травах порой
И бегал мальчишкой босым –
У Бога под тёплым крылом,
Под звонкие песни косы.

Здесь мама пахала сама,
И за бороздой борозда
За плугом покорно текла,
Где должно зерну прорасти.

Один год пшеница росла,
И жали – звенели серпы.
Бывали мы – чем Бог послал –
Бобовой похлёбкой сыты.

В другой – кукурузу сажать
Спешили – был стебель высок...
Года утекли не спеша,
Зарос и любимый лужок.

Вдали отзвенели года,
Как осенью клин журавлей.
На Север судьба увела
Меня от родимых полей.

И к прошлому, как к маяку,
Я взглядом и сердцем тянусь.
Но горькие слёзы текут,
Мою размывая строку.

* * *

В день светлый, поминальный
Приехал я к родне.
Звучит напев печальный,
Что мама пела мне...
Как жалоба, он рвётся ввысь.
Над крышей вьёт кудрявый дым,
Знать, печку топят в доме.
Войду я и уткнусь лицом
В мамины ладони...
А память тихо говорит:
«Остановись...»

Нивата в Щербовец

Тук моето детство изтече
На джанката люлка ми била,
Така майка ми рече
Под сенката джанкова кърмила.

Като малък сам бегал бос
И събирал цветя по слога,
Слушал сам сладкопоен кос
Раснал под крилото на бога.

Мама беше голем орач
Редеше бразда след друга,
Държеше здраво плуга.
После ставаше копач.

Една година сеяхме пшеница,
Жънем с остър сърп.
На обед сърбахаме бобена чорбица
След много труд и скърб.

На другата година
Садохме кукуруз висок.
Времето отдавна мина
Исчезна и красивия слог.

Годините как птици отлетеха
Съдбата ме отнесе жестока,
Напуснах родната стреха
И взех северна посока.

Сега гледам гъст търнак
Междите и съседите зная,
При тебе съм нива пак
Слъзите напират,
Не мога да те позная.

* * *

В априлски ден печален,
Аз напуснах края роден.
И слушам напев неповторим,
Който в детството мама е пяла,
Напев мил и жален...
Над къщите се вие къдрав дим,
Изгрева е като кърпа бяла.
Чувам думи не разбрани,
Помня напуканите, мамини длани.
Глас ме моли: Остани...

Гляжу на жизнь – качаю головой.
 Как жить, уже не знаю я,
 Когда сам бессловесный Бог
 Измучен от неправды и бесправия.
 Вдыхает он над глупостью людской:
 «Война, конфликт, народные волнения.
 Сердца забиты вечной суетой...
 Но всяк от Бога ждёт благословения»

Вологодский болгарин

Сижу на даче в тишине ночной,
 И свет от лампы кругом на столе.
 Тоскую по Болгарии родной,
 Измучен рифмою на склоне лет.

О, Вологда, ты – старина и новь,
 Ты русских не устанешь обнимать.
 Готова ты дарить свою любовь
 Другим народам, как родная мать.

Я в бесконечную вхожу строку
 И попиваю сладкий русский чай,
 Чтоб заглушить душевную тоску...
 И буду долго думать и мечтать.

Пчела и муха

Однажды муха спросила у пчёлки:
 «А ну, отвечай-ка, подруга,
 За что вам, пчёлам, столько почёта,
 А нам лишь гоненье да ругань?»

И мухе докучной ответила пчёлка:
 «Наш мёд, как лекарство, полезен.
 От вас же, мух, – никакого толку,
 Разносите грязь да болезни».

Считает себя человек хорошим,
 Равняя с пчелиною маткой.
 А сам, отбирая у ближнего крошки,
 Живёт себе жирно да сладко.

Гледам на света – клатя глава...
 Какво още мога да направя?
 Кога сам Бог без слова
 Изморен от зло и безправия,

Изморен от глупости човешки
 Да гледа нашите войни...
 Сърдце се пълни с въздишки
 За благословия Божи недостойни.

Вологодски българин

Лампата свети в моята вила
 изпотен, измъчен търся рима.
 Българийо, за тебе тъгувам мила
 живот тежък, река неукротима.

Вологда, Вологда стара и нова
 прегърнала весели руснаци,
 раздаваш се с любов готова
 разни народи твои близнаци.

И аз вървя в тая безкрайна
 върволица
 и пия сладък руски чай,
 успокоявам моята изстрада
 душица,
 а главните мисли, разсъждава
 и гадай.

Пчела и муха

Веднъж мухата срещнала пчелата:
 «Почакай! – казала с яд. –
 Защо Вас пчелите така обичат?
 А нас убиват, гонят, ругаят».

Такъв отговор бил на пчелата:
 «Нашият мед – еликсир за душата,
 От вас нема полза, само вреда,
 Вие разносите болести и беда».

Случва се човек без страх
 Бръзо да сравни себе си с пчелата,
 За това криви си душата
 Живее да напълни своя стомах.

Мнение

Сошлись однажды Волк с Медведем
Поболтать
О том, о сём, шутили шутки.
А рядом бабочке-малютке
С цветка на цветик вздумалось

летать.

Летунью Мишка наш
Заметил у куста –
Наряд её струился белым шёлком.
– Гляди, сосед, какая красота!
– Где, где? – не понял удивлённый
волк.

– Да у тебя над головой, на ветке.
– Ничтожество, скажу тебе, соседко,
И даже малой похвалы не стоит,
Ну что есть в ней хорошего, скажи?
Вся состоит из наглости и лжи.
– Увы, она тебе не нравится, я вижу, –
Так Мишка отвечал,
Немного разобижен, –
Но погляди же, как она мила,
Легка, воздушна, белокрыла,
Какой узор изящный на крылах!
– В рисунке том красы не нахожу, –
Волк усмехнулся чуть надменно, –
Вот я вчера видал рогатого быка, –
И Волк кивнул, – глядится

Суперменом!

Твоя же «красота» пред ним мелка.
Вздыхнул Медведь и Волку отвечал:
– Нашёл ты, видно, свой, дружище,
Идеал...

Осень

Осень поздняя ходит по лесу,
Листья жёлтые шепчутся робко так,
И не слышно птичьего голоса –
Птицы стаями к югу торопятся.

Вся округа туманна-голенька,
И берёзы – с прозрачными лицами...
Что-то рыжее видел я промельком –
Может, Осень, а, может, лисицу?

Мнение

Разговаряли Мечок и Вълк
за това, за онова. А редом
пеперуда летела от цвет на цвет.
Видели пеперудите Мечока
в рокля нова:
– Погледни, каква красота, съсед.
– Къде? – попитал гладният Вълк.
– Да там, на клончето над твоята
глава.
– Нищожество, Мечо мълк
ни повече за нея слова.

Какво в нея хубаво? Мечо кажи,
пълна с наглост, завист и лъжи.
– Ти, не я харесваш нали,
но тя не върши бели.

Погледни, каква е лека белокрила
какви рисунки на критата мила.
– Лекота, рисунка нищо красиво! –
усмихнал се вълкът горделиво.
– Аз отдавна видех рогат, голем
овен! –
Вълчо заклатил глава, – Супер мен!
Това значи красота – роса!
Мечока: – Разбрах твоята класса.

Есен

В гората шета късна есен.
Шепнат пожълтели листа.
Не се чува звънка птича песен.
Птици на юг летят на ята.

Всичко наоколо замъглило,
запустело,
чист въздух, прозрачни леса.
Нещо ръждиво там се показало
може есен, а може лиса.

В поле

В поле я забрался –
Там кипела рожь,
Буря бушевала,
Пробирала дрожь.

Были сходны волны ржи
С морской волной,
А душа кружила
В паре с тишиной.

В поле заблудился –
Ветер там шумел.
Дождь весёлый лился
И гудел, как шмель.

Ясное светило
Выкатило в синь.
Птица гургулица
Пела вместе с ним.

Цвёл под небесами
Жаворонка глас,
Разглядеть певца бы –
Да не зорок глаз.

Дали засияли
Радугой большой.
Радостно стоял я
В обнимку с тишиной.

В полето

Излезах в полето
Там ръж се вълнува.
На мен под небето
Буря бушува.

Ръж се вълнува,
Как морска вълна.
Душата танцува
В поле тишина.

Отидох в полето
Там ветър шуми.
Натъжено небето
И дъжд ръмоли.

Червено слънце
Ясно изгрее.
Птица гургулица
В глог запее.

В небето чучулига
Пее песни.
Високо се издига
Гледки интересни.

Всичко в простора гори
В цвете на дъгата.
Аз стоя в ръжта
И радва се душата.

Тамара Лаврова

Тамара Николаевна Лаврова родилась в 1932 году на станции Явенга Вологодской области в семье кадрового офицера. Училась в Волжском политехническом институте, большую часть жизни работала на двух заводах: Волжском радиотехническом и Вологодском подшипниковом, на последнем в должности инженера-технолога. Ныне пенсионер. Автор стихотворного сборника «У неба на краю» (2008)

Сказка о пропавшем озере

*Не только в Вытегорье есть озёра,
Которые зависят от поноров*.*

То ли сказка, то ли быль:
Но в лесу живёт бобыль.
Не ленив: есть у него
Рыба, дичь, медок, зерно.

В нашем доме редкий гость,
Едет на коне сто вёрст,
Чтоб на ярмарке побыть,
У знакомых погостить.

...Посидел у камелька,
К чаю преподнёс медка,
А про нечисть, что в лесу,
Рассказал уже ко сну.

«Слышу шум на берегу,
Пробираюсь к ивняку.
Шабаш там у лешаков,
Я крещусь среди кустов.

Наблюдаю, в чём тут суть:
Карты каждому сдают,
А озёра на кону.
Замер даже, ну и ну!

Здешний леший проиграл –
Интерес к игре пропал.
Вместе с рыбою вода
Вмиг исчезла без следа.

Ил хорош. Посеял в срок,
Вырос долгунец-ленок.
И в деревню на коне
Урожай возил к родне.

Просушил в овине брат,
Очищали все подряд...

* Понор – поглощающее отверстие на дне карстовых воронок, через которые уходит вода под землю до водоупорного слоя.

Девы нитей нарядут,
А зимой холстов наткут.

До зимы успел домой.
И не верю, Боже мой!
Чудо – в озере вода,
А чиста – обзор до дна».

Знать, в поноры вод поток
Ухнул, до поры примолк.
Или верить бобылю?
Сказы с юности люблю.

Соломенная шляпка

Пусть немудрёную, но шутку
Проделал ветер надо мной:
Одолжив шляпку на минутку,
Понёс её по мостовой.

Небрежно бросил шляпку в лужу.
Нагнулась только я над ней,
Он вновь атаковал – о, ужас!
Глумясь, насмешник гнал быстрее.

Бойцовский дух уже проснулся:
Пусть пропаду, но догоню!
О-ёй, нос к шляпке прикоснулся...
У ветра обе мы в плену.

След болезни

Угнетают раздраженье, страх,
Редкие, но в памяти провалы:
В самых непредвиденных местах
Ленту памяти вдруг обрывает.

Связь теряю с прошлым – просто жуть!
Неуютно жить одним лишь днём.
Даже в зеркало боюсь взглянуть, .
Вдруг себя я не узнаю в нём...

Вновь нанизываются слова,
Воздух, как осенний, нынче мглист.
Вывалась из плена чуть жива.
Знать, далёк ещё мой белый лист!

Буран

*Из Питера в Архангельск я
По зову матери спешу*

1

У берега застыл паром,
И мимо шёл народ пешком.
Некрепок лёд – не для машин.
Я по Двине шла между льдин
По снегу в туфлях – смех один.

Окраина, почти село,
Людей встречала не тепло.
Метель шаталась над рекой,
Неслась по улице волной,
Большим вьюном чертя изгиб,
Медведицей касаясь изб,
О стены тёрлась на бегу,
Стремясь к простору на лугу.
А я нашла свою тропу,
Калитку, крытое крыльцо.
Вновь рядом мамино плечо.

2

Ночь. Зимний ветер донимал –
Тепло из дома выдувал.
В печурке уголь дотлевал,
А дров кончается запас.
Свет полыхнул и вмиг погас.
Выскакиваю налегке
(Дрова сложили во дворе),
К такому вряд ли кто привык:
За дверью ледяной язык,
Невидимый, лизнул в лицо.
Стремлюсь с охапкой на крыльцо.
Проваливаясь в темноту,
В сенях споткнулась на ходу.
Буран от злости сбился с ног:
Дом – вожделеннейший кусок.
Стоит уже немалый срок!
Но всё ещё не по зубам
Суровым зимам и ветрам.

Сергей Лапин

Сергей Александрович Лапин родился в 1941 году в деревне Голуби Междуреченского района Вологодской области. Окончил Вологодский политехнический институт. Ныне пенсионер.

Это родина моя

(поэма)

1

Уеду я за тишиной
На берег Сухоны-реки,
Где звуки темени ночной
Полны печали и тоски.

Злой ветер, душу не тревожь,
Не колоти доской по крыше,
Уймись немного и поймёшь –
Моя Россия еле дышит.

У нас двенадцать деревень
Пахали, сеяли и жали.
До солнышка встречали день,
В работе солнце провожали.

В глухой деревне сто домов,
На берегу реки – под триста.
Хватает пашен и лугов.
И сыты все, и мысли чисты.

2

Здесь любили строить дома –
Благолепные хоромы.
Кухня, горница и зало –
Всё блестело, всё сверкало.
В благородстве и тепле
Жили дружно на земле.

Свободный труд – здоровье исполина.
Густая рожь – в избе семейный лад.
Земля и хлеб – вторая Украина.
Животный мир – коровий зоосад.

Цветёт в саду душистая малина.
В реке гуляет щучий перелад.
У дедушки четыре крепких сына.
У бабушки коллекция внучат.

3

Пароход кричал: «Ту-ту!»
Увезу на Воркуту.
Собирайтесь, голубки,

Увезу на Соловки...»
Ты кулак и я кулак,
Собираемся в Гулаг.

Злой ветер нам беду занёс.
Жизнь покатилась под откос.

Дед долго кашу не варил,
Судьбе ворота отворил.
Коня впрягает в тарантас,
Сельскохозяйственный припас
На воз...
И сдал себя в колхоз.

Глух берег Сухоны-реки.
В почёте пляшут бедняки.

4

Я сорок первого дитя,
Тридцатый год судить не смею,
Но семь десятков лет спустя
Крупицу памяти имею.

Война. Потом голодный год,
Бесплатный труд, нужда, неволя.
Казалось, солнце не взойдёт,
Мы не увидим света боле.

Мать билась рыбою об лёд,
В слезах и горе задыхалась.
Но десять лет голодный год
Боролся с нею, не сдаваясь.

Страну кормила мать-земля,
Людские впитывая силы.
Пахали женщины поля,
Сушили грудь и рвали жилы.

5

Война деревню подкосила.
Без мужика – какая сила.
Но землю некому любить –
Она не стала хлеб родить.
На баб надеялись слегка.
Ведь баба нуль без мужика.

Мать нас одна на ноги ставила.
Отца война себе оставила.
Сосед и брат пришли из плена,
Отец не мог восстать из тлена,
Погиб за землю и семью,
Точней – за Родину свою.

Всё для фронта, грядущей Победы.
За дровами – быка не дадут.
В чунки впрягшись, колхозников дети
В лес по снегу босые бредут.

6

Сосед в тюрьме сидел не раз
И нам говаривал: «У вас
В колхозе пайка двести грамм
На четверых ржаного хлеба.
В тюрьме давали килограмм,
На одного буханка в день.
Работа тот же трудодень.
В тюрьме, как в армии родной.
Там голод я пересидел,
Себе устроил выходной
На восемь лет...»

7

На острие тех бед и зла
Семья погибшего жила.
Но обвинять во всём колхоз
Смешно и глупо.

Был выбран путь.
С него свернуть –
Свалиться в пропасть, под откос,
И вот летел наш паровоз
По жизни трудной.

Нас государство не забыло –
Меня медалью наградило,
Сестру двумя за честный труд,
Красней навесило на грудь
Награду брату.
Забыло мать?
У ней медаль за поросят
Времён войны.

«Гордись победами, страна!» –
 Благодарила мать сердечно.
 В колхозе пенсия скромна,
 Всего двенадцать
 Рублей, не долларов, конечно.

Но мать была верна земле,
 Лугам, реке, родному дому.
 Всему небесному, земному
 И тихой жизни на селе.

Зашумела Перестройка.
 Закачался белый свет.
 Деньги есть – кругом попойка.
 Денег нет – тушите свет.

Всё пропьём. Гармонь оставим.
 Денег нет – гармонь пропьём.
 Сундуки плясать заставим,
 На работу не пойдём.

В лесу и жизни так бывает –
 Верхи шумят, низы гуляют.

Президент издал Указ:
 Все колхозы и совхозы
 Из Советского Союза
 В новом теле, как занозы,
 Головная боль, обуза.

Я для вас сегодня пас.

Вам не счесть всего добра,
 Землю, лес – делите.
 Светит новая заря,
 В добрый путь, плывите.

Круто каша заварилась,
 Жизнь по-новому пошла.
 Да начальство обозлилось
 На старушек из села.
 «ООО» да «О-О-О»!
 Что такое ты, О-О?

Коллективно-долевое
Непонятное кино.

Бабки лишнее бурчали.
Вдруг колёса застучали,
Появился сам глава –
Земляная голова.

Десять хлопцев отобрал,
На собрании сказал:
«Перед вами мой колхоз».
Руки вверх. Решён вопрос.
Правит чёрт рогатый
Палкой суковатой.

12

Ё-моё да ё-моё.
Всё колхозное моё!
На бумаге всё в порядке –
Сто паёв лежат в тетрадке.

И печать нарисовал
Сам высокий генерал.

Участь хлопцев – вымирать.
Час пришёл, в огонь тетрадь!
Обижайтесь, дурачье.
Всё имущество ничье.

Из-за леса, из-за гор
Едет дядя мародёр.
«Ликвидирую колхоз,
Реорганизирую.
У меня деньжонок воз –
Дело образую».

13

Я преемник. Я в ответе.
Я о том пишу в газете.
Малограмотный народ,
Разевай пошире рот.

Всё имущество упёр
Добрый дядя мародёр.
Тошно, граждане, писать,
От стыда горит тетрадь,

Солнце красное пылает.
У деревни мёртвый вид.
Человек не обитает –
Выселяет геноцид.

Работник

А мужик-то кирилловский
Ломовой и стожилистый,
Мало спит, всё работает
На машине камазистой.
Возит горы высокие
Из песка золотистого
И окатного гравия.
Валит силу в болотину,
Глубину ненасытную.
Мало ест, экономится.
Надо дом разукрашивать
На завидки кирилловцам.
Девки в город уехали,
Вдоль по моде одетые.
Вот мужик и старается –
Род его продолжается.

Непогода

За окном зелёная сумятица
Разметала звёзды на снегу.
Не пойму – суббота или пятница,
Дни смешались в рыжую пургу.

Рыжая пурга прохохотала,
Пролетела пулей на излёт.
Ты любить меня, наверное, устала,
А мою любовь и пуля не берёт.

Говорят, что старые не любят,
Надо жить, и потому живут,
Мол, старик жену не приголубит..
Вы не верьте! Это люди врут.

Кутерьма плясала белой сечей,
Догорала бешеным огнём.
Я хочу с тобою в этот вечер
Токовать весенним глухарём.

Возле синей лампы в абажуре
Ясное тепло души живёт.

У меня сегодня всё в ажуре.
Плохо, если жить наоборот.

* * *

У меня сегодня праздник:
В гости друг ко мне приехал
На серебряной дюралю
По реке из синей глади,
Из села, что спит в тумане
И зовётся Междуречье.

Поднимайтесь плясом в гору,
Вихрем лестницы протяжной
Из лечебной синей глины,
Опалённой алым солнцем,
Проходите между грядок
К чурбанам столетней ели.

Если вас тоска съедает,
Льдисто сердце от обиды,
Мы тоску разгоним чаем,
Самогоном лёд растопим...
Разольётся речь-приволье,
Будто Сухона весной.

* * *

Весёлый дождь стучит в окно,
Прядёт косое полотно.
Смотрю вблизи, смотрю и вдаль –
Везде висит диагональ.

* * *

Через реку смотрит лес,
Мне родня, родня небес.
В ёлках солнышко гостит,
Погуляет – снова спит.
И чего с родней не жить,
Ночь не спать и всё тужить.

Нашу Сухону не выпить,
Наше солнышко не вылить
И болото не примять,
Море клюквы не собрать.
Разрешите доложить:
Неленивым можно жить.

Галина Макарова

Галина Васильевна Макарова родилась в 1945 году в Архангельской области. Окончила историко-филологический факультет Чувашского государственного университета. Несколько лет была редактором редакционно-издательского отдела при университете. С 1977 года живёт в Вологде. Работала корректором в редакциях различных газет. Ныне пенсионер. Автор трёх поэтических сборников «Моё лоскутное шитьё» (1998), «На семи ветрах» (2000), «Чистым вечером» (2004).

Сходство

Сновиденье – снотворенье,
Чем-то близкое стиху:
Оба лишь прикосновенье
Смутной тени на лету.

Паутину сновиденья
Я одно мгновение тку,
Но нужны пуды терпенья,
Чтоб из слов столпотворенья
Выкроить хотя б строку.

Из терпенья, из хотенья,
Слёз и боли головной
Выстроить стихотворенье
Или терем расписной.

Образ

*Вот мой лучший напарник,
Я разросся, как он
Александр Кушнер*

Шиповник или бересклет?..
На то имея право,
Себя с кустарником поэт
Сравнил, а не с дубравой.
Художник обобщил пейзаж,
Прикрыв туманцем дали,
А я, слуга покорный ваш,
Я падка на детали.
И, подперев щеку рукой,
Витая в эмпиреях,
Гадаю над его строкой:
Сирень или спирея?
Там в полдень пламя на ветвях
Незримо полыхает..
Нет, видно, я, увы и ах,
Отгадчица плохая.
И вдруг – да что ж это со мной? –
Ведь это куст терновый!
С неопалимой купиной
Поэт равняет слово.

Как живу? Да понемногу,
Без претензии на шик,
День прошёл и, слава Богу,
Лёг в копилку для души.
Чем-нибудь да он означен:
Снегопадом ли, звонком,
Смехом, безутешным плачем,
Просто видом за окном,
Где на яблоне-смуглянке,
Завораживая взгляд,
В белых маленьких тюбанах
Тихо яблоки висят.
И в мороз они висели,
И в метель, под ветра вой.
Смоет их дождём весенним
Перед новой листвою.
Перед чем-то небывалым,
Что придётся пережить,
Тем, чего недоставало,
Чтоб в копилку положить.

Ивушка

На канаве ивища
Ох, и разрослась:
У корней-то силища,
У ветвей-то вязь.
На ветру мотается –
Шумен листьев хор.
Дождь засобирается –
Вот вам и шатёр.
Не ровны те стволики,
Не один там пень –
Сели алкоголики
В ласковую тень.
Им какая разница,
Где приткнуться бы,
Веселятся пьяницы
На краю судьбы.
Рты беззубо улыбаются,
И глаза – пусты.
Этих сирых, ивушка,
Пожалей хоть ты.

В дороге

Тотьма, Тарнога, Камчуга, Коченьга...
Не названия – жемчуга.
Всю Россию увидеть хочется,
Да судьба моя недолга.
Недолга, не на то нацелена,
Ей не велено колесить.
Терема вы, российские ельники,
Вот бы рыжиков поносить!
Поклевать бы рыжей морошки бы,
Как клевали её журавли.
Разошлась я с лесными дорожками,
Обстоятельства развели.
Вандыш, Вожега, Вологда, Волошка –
Эту музыку разве забыть?
Вот бы взять и забить два колышка
Там, где станции Воля быть...

* * *

Карай меня, карай,
Но, Господи, и – милуй!
Ко мне всё ближе край,
Во мне всё меньше силы.
Я славлю небеса,
Их синь и беспросветность.
Во мне поют леса –
Я чую их древесность.
Они ещё шумят
И осыпают златом,
Но что до этих злат,
Когда я – виновата.
Пусть осень, пусть конец
Начала золотого,
Прости меня, Отец,
Дай знак, шепни мне слово
Заветнейшее: «Верь!»,
Шепни, Создатель милый.
Я вышагну за дверь
И залюбуюсь миром,
Уткнусь в его плечо
В последнем утешении.
Теперь всё нипочём,
В прощании – прощенье.

Верное средство

Верите, со дня вчерашнего
Я как будто не Макарова,
А Чихалкина да Кашлева,
Ознобишина да Жарова,
Высокотемпературова,
Аппетита-нет-не-евшина,
Сопленосова да Хмурова,
Словом, Жуткозаболевшина.

Вам бы хиханьки да хаханьки,
Ну, а мне-то не до шуточек.
Вирус вредный, хоть и махонький,
Наседает двое суток.

По такому ли по случаю
Эпиграмму сочиню,
Вирус виршами замучаю
И фамилию верну!

* * *

Словно два изгнанника из рая,
Мы бредём, укутаны в плащи.
А в полях от края и до края
Даже и крылатой нет души.
Мелкий липкий снег да ветер, ветер!
А дорога – глина, шаг не скор.
Мы уже напоминаем йети,
Ненароком выгнанных в простор.
Некому пугаться нас: ни встречных
Нет, ни догоняющих фигур.
Только травы в пелеринах млечных
Кланяются дерзости двух дур.
Позднюю дорогу мы осилим,
Сдабривая шуткой форс-мажор,
И потом за чаем с хлебом-сыром
Йети превратятся в двух обжор.
Наше путешествие, подруга,
Не изгнание, а скорей, побег.
С радостями нынче стало туго,
Разве только ветер, только снег.

Звено

Налюбуется ли бабушка
На кудрявого мальчонку,
Тот за тёплой оладушкой
Тянет тонкую ручонку.
Господи, что было пожито:
Ей рукой подать до старости.
А родись внучонок позже-то,
Вдруг не знала б этой радости.
Светит бабке дома солнышко,
Облака идут сторонкою.
И звенит-лопочет звёнышко
Между предками-потомками.
«Пусть вырастает в землю отчую
С папой, мамой, тётей, дядями», –
Размышляет бабка, потчужа
Своё солнышко оладьями.

Бы

Если б я прямой возник...
Борис Пастернак

Вот если б я была добрей,
Глупей или жесточе,
Умнее, зрением острей,
Удачливее прочих,
Людей была бы знатоком
(Зачем не знаточихой!),
Владела б лучше языком,
А говорила б тихо...

Дивуюсь на частицу «бы»
И думаю о чуде.
Что не произошло, то – бы,
Судьба – что есть и будет,
И исключительно моя.
Увы (ура!), я – только я.

Татьяне Коротковой

Нам любо имя Танечка
(Пол-Вологды Татьян!).
По будням и по праздникам
Не спит её баян.

Меха растянёт плавные –
Ты только позови –
Сыграет песни главные:
О жизни, о любви.

Те песни слаще пряника,
Так ласкова их власть.
Нет, не в сорочке – Танечка
С баяном родилась.

Певунья синеокая
Ступила на порог,
И вот плывёт, чуть окая,
Двиницкий говорок.

А загрустит мелодия,
Ты грусть её пойми,
Она о милой родине,
Покинутой людьми.

Такие песни Танины,
Что не любить нельзя:
Как первые проталины,
Как мамины глаза.

И гордая, и кроткая,
Шелковисто-груба,
Звенит щемящей нотой
Татьянина судьба.

Андрею Алексееву, автору книги «Сума любви»

Андрей Владимирович, здрасьте!
Вы – нежный сын своей страны:
Сума любви, авоська страсти
Недаром Вами рождены.
Вон у того – барсетка лжи,
У этого – баул обиды.
О Господи, зачем, скажи,
Неисправимы индивиды?
А если гнева чемодан
Родит какая-нибудь рожа,
Руки я роже не подам
И Вы, Андрей, с ней будьте строже.
Должно быть, счастлив тот, кто смог

Любовью жаждущих насытить.
Прошу, в мой скромный кошелек
Чуток симпатии насыпьте!

Родство

Позабудется ли родина,
Что в онежском далеке –
Тот лесной посёлок Кодино
На Кодине-реке?
В Каргополе корни дедовы,
Сёстры в Ерцеве живут.
Повидаться к сёстрам еду, и
Слёзы душу так и жгут.
Будто горяшком настигнута,
О своём наплачусь всласть.
Так дитя, из зыбки вынуто,
Ищет к матери припасть.
Вскормленной лесами нашими,
Грустью глиняных дорог,
И стихи-то мне вынашивать
Север-батюшка помог.
Впрочем, что родство нахваливать,
Грудь выпячивать – вот мы!
Лучше выйти в тёплых валенках
На тропиночки зимы.
Поглядеть на небо позднее
Да размолвиться с тоской –
Те же звёзды, что над Кодиной,
И над Вологодой-рекой.

Евгения Осипова

Евгения Вениаминовна Осипова родилась в посёлке Шексна Вологодской области в 1955 году. Окончила Сокольское дошкольное педагогическое училище и дошкольный факультет Череповецкого педагогического института. Больше тридцати лет посвятила работе с маленькими детьми, работала воспитателем в вологодском детском доме. Ныне пенсионер. Автор сборника стихов «Сон моей жизни» (2007).

* * *

Наконец-то вырвалась домой.
На родительской земле стою.
Милая Шексна передо мной,
Я с волнением на неё смотрю.

Как красиво! Глаз не отвести
От Шексны и Углы, и мостов,
От манящих белых теплоходов
И к воде спустившихся кустов.

К той воде и я не раз спускалась,
Чтоб развеять скуку и печаль,
А она у ног моих плескалась
И звала в непознанную даль...

* * *

Я сегодня видела тебя,
Значит, не напрасно прожит день,
Все дела вдруг сделала шутя,
Те, что было делать страшно лень.

Вспоминаю выражение глаз
И слова, что ты тогда сказал.
Очень жаль, что нашей встречи час
Робок, и беспомощен, и мал...

* * *

Мы, живя не в любви,
На печаль лишь себя обрекаем.
В чувства близких людей
По-серьёзному редко вникаем.
Ждём, чтоб выбрали нас –
Пошлых, грубых,
Бездарных, спесивых,
Ну а нам подавай только умных,
Свободных, красивых.

Как проблему решить?
Безлюбовье – опасная штука.
Научиться любить –
Это сложная очень наука.
Не осилишь её, коль с собой

Будешь только носиться.
Чтобы мир изменить,
Всем нам нужно
Друг в друга влюбиться!

Разговор с вороной

Ты – ворона, я – тоже ворона.
Птица ты, я – простой человек.
Ты свободна, легка, окрылённа,
Там, где хочешь,
Проводишь свой век.

Ну, а мне, проворонившей счастье,
Узкий угол отмерен судьбой:
Сквозь окно и в жару, и в ненастье
Наблюдать
За счастливой тобой.

Автопортрет

Мне говорили прямо, не таясь:
«Ты – дура!» – и крутили у виска,
В углях шептались, надо мной смеясь,
Глядели откровенно свысока...

Конечно, дура, хохотать люблю
И раздала все свои цветы.
Не кто-нибудь, сама себя гублю
И прыгаю со страшной высоты.

В своей квартире не могу я жить,
Там сын любимый поселил друзей.
Давно я перестала слёзы лить,
Без слёз оно намного веселей.

Возьму гитару и уйду в поля,
Чтобы соседей мне не раздражать.
Наверное, умней не стану я,
Да я и не хочу «умнее» стать.

Я – просто дура, дура – вот я кто,
Так много лет хожу в одном пальто.
Пишу стихи, как дура, их творю,
Что думаю, о том и говорю...

Воспоминания бессонной ночи

Не могу заснуть, в голове какая-то неразбериха, всплывают разные картинки из прожитой жизни. Встала, взяла ручку и лист бумаги, начала писать.

Имена героев своих воспоминаний я решила изменить, чтобы нечаянно не ранить чьё-то сердце. Восприятие происходящего одним человеком может отличаться от восприятия тех же событий другими людьми, у каждого своя правда.

Первое горе

Мне три года. Папа собирается в дорогу. Ему нужно ехать на учёбу в далёкий и красивый, по моим понятиям, город. На диване лежит раскрытый чемодан, наполовину заполненный вещами.

Ещё ни разу в своей жизни я не расставалась с папой надолго. Мне грустно и тревожно.

Намереваясь уехать вместе с ним, я робко кладу в чемодан своё платье, резинового крокодила и книжку про Буратино.

Папа, заметив это, смеётся. Успокоившись и решив, что вопрос о моём отъезде решён положительно, я ухожу в другую комнату и ложусь спать.

Утром просыпаюсь, бегаю по дому, ищу папу. Печь ещё не затоплена, босым ногам очень холодно. Подхожу к дивану, хочу на него взобраться. Протягиваю руку, пытаюсь ухватиться за обшивку. Мои пальцы соскальзывают, но успевают за что-то зацепиться.

Рассмотрев это «что-то» и узнав своё платье, я напряглась, предчувствуя беду.

Привстав на цыпочки, увидев книжку про Буратино и рядом с ней крокодила, я догадалась, что папа уехал, а меня не взял.

Всё моё существо мгновенно пронзило настоящее, большое детское горе. Захотелось рыдать, но по прошлому своему жизненному опыту я уже знала: «Слезами горю не поможешь...»

С большим трудом я вскарабкалась на диван, натянула на себя платье и легла, отвернувшись к стене. Когда мне стало легче, я обняла крокодила и шёпотом рассказала ему про своё горе.

Жаль, что праздник так быстро закончился

Перед Новым годом мама поставила на табуретку ёлку и нарядила её. Эта табуретка в доме была единственной. Влезая на неё, я уже научилась доставать разные предметы, которые находились выше моего роста.

На ёлке висели конфеты. Мне очень захотелось снять одну из них, но я не смогла до неё дотянуться. Вспомнив, что мне нужно встать на табуретку, я стала тащить её на себя. Ёлка закачалась и упала на пол, все игрушки разбились.

На шум прибежала мама с мокрой половой тряпкой в руках, она заканчивала уборку в доме.

Увидев меня среди ярких, блестящих, переливающихся осколков живую и невредимую, она прижалась к дверному косяку и тихо прошептала: «Жаль, что праздник так быстро закончился...»

Разбитое стекло

Меня коротко постригли и отвели в детский сад. Там был один мальчишка-хулиган. Воспитателей он не слушался.

Когда мы вернулись с прогулки и стали разуваться, он, лихо взмахнув ногой, сбросил валенок. Затем таким же образом сбросил и второй. Потом снова засунул ноги в валенки и опять их швырнул. Так он проделал это несколько раз. Его валенки летали по раздевалке, все дети смеялись. Мне тоже это показалось очень забавным.

Когда я вернулась из детского сада домой, то решила развеселить маму. Она была серьёзной, задумчивой и улыбалась очень редко.

Качнув ногой изо всех сил, я сбросила валенок, на котором была надетая тяжёлая резиновая галоша. Валенки, пролетев через комнату, разбили стекло в окне и застрял. В комнату ворвался мороз.

Помню испуганное мамино лицо. Она схватила с кровати подушку и заткнула отверстие в окне.

Я замерла на месте от стыда и страха. Чувство вины навалилось и давило всей своей тяжестью, несмотря на то, что мама меня не ругала. Она сбегала к соседям и попросила помощи. Стекло вставили.

Этот случай научил меня думать о последствиях своих поступков.

Лисёнок

Была весна, папа колол дрова. Я и моя старшая сестра Лена играли с лисёнком, который жил у нас дома. Вдруг Лена закричала от боли. Оказывается, она сунула палец в пасть лисёнку, и тот моментально вцепился в него своими острыми зубками.

Папа не смог разжать пасть, тогда он схватил полено и стукнул лисёнка по голове. Лисёнок взвизгнул, дёрнулся своим худеньким тельцем, разжал зубы и отпустил палец.

Палец остался цел, а лисёнка не стало...

Мы поняли, что с лисёнком нельзя было обращаться, как с игрушкой, ведь он погиб из-за нашей шалости. Нам было очень стыдно, мы сильно переживали и плакали.

Папа с нами не разговаривал, он молча взял лопату и закопал того лисёнка за огородом. Мы видели, что ему было тяжело, но не знали, как загладить свою вину. Лена ревела до позднего вечера. Перед сном папа подошёл к нам и сказал: «Это я виноват, что принёс лисёнка из леса».

На печке

Мама пошла на работу, а нас с сестрой закрыла на печке. Печь была обшита досками, чтобы мы с неё не сваливались на пол. Нам очень скоро надоело там сидеть, и мы начали предпринимать попытки покинуть место своего заточения.

Лена просунула руку в щель, дотянулась до деревянной вертушки, повернула её, и дверца к свободе моментально открылась. Мы наперегонки кубарем скатились на пол по крутой лесенке. Нам стало очень весело.

Лена старше меня почти на четыре года, ей тогда было около семи лет.

Она предложила мне поиграть «в гости». Сама залезла на печь и стала там устраивать комнату, а мне сказала, чтоб я собиралась к ней в гости.

Вспомнив, как папа собирается в поездки, я вытащила из-под кровати пыльный тяжёлый деревянный чемодан и заполнила его своими игрушками. Через некоторое время я решила, что уже пора отправляться в гости на печку. Мне было очень тяжело тащить огромный чемодан, но я мужественно преодолевала ступеньку за ступенькой. Когда осталось сделать последний шаг, чтобы оказаться рядом со старшей сестрой в тепле, я робко постучала кулачком по фанерной дверце и ласковым голосом спросила: «Можно к вам в гости?»

Услышав стук, Лена распахнула дверь и тем самым столкнула меня со ступенек. Пока я летела вместе с чемоданом на пол, она вслед мне кричала: «Не нужны нам никакие гости! Катитесь, откуда пришли! Нам и без вас тесно!» Вот так я и «погостила» на печи.

Я лежала на полу, вокруг меня валялись выпавшие из чемодана игрушки.

Я даже зареветь боялась, знала, что мамы рядом нет, а Ленку вряд ли могли в тот момент разжалобить мои слёзы.

Вскоре послышались звуки с улицы, это возвращалась мама.

Мы её боялись и слушались, так как она была строгой с нами.

Ленка быстро сориентировалась в ситуации, дала мне команду залезать на печь. Я поднялась по лесенке. Лена просунула руку в щель между досками и закрыла дверцу снаружи.

Мама вошла в комнату. Увидев на полу чемодан и игрушки, она догадалась, что мы нарушили её запрет. Сильно ругать нас мама не стала и больше уже никогда не закрывала на печке.

Крина-мосина

Идём с подружкой Таней по деревне. Вообще-то она не моя подруга, а моей старшей сестры, но мне очень приятно, что Таня общается со мной. У Тани есть младшая сестра, её зовут Марина. Мы с ней дружим. Таня иногда злится на сестрёнку и называет её Маринка-кринка или Крина-мосина.

Так вот шли мы с Таней по деревне и на крыльце одного из домов увидели оставленные кем-то кисти рябины. Ягоды были блестящими,

ярко-красными. Танька вдруг хитро заулыбалась и зашептала мне на ухо: «Давай Крину-мосину накормим рябиной, может, её понос проберёт». Мне было жаль подружку, но я не знала, как возразить старшему человеку.

Таня взяла ветку рябины, отщипнула одну ягоду и съела, потом отщипнула ещё одну и протянула мне. Я помнила, что мама не разрешала нам есть что-то поднятое с земли и всегда ругала нас за грязные руки.

Помедлив, я взяла протянутую ягоду рябины и разжевала. Ягода оказалась очень горькой, но я мужественно проглотила её, чем заслужила Танино одобрение.

Крину-мосину искать долго не пришлось, она шла нам навстречу. Пока мы бродили по деревне в поисках приключений, Марина успела выпасться и напиться свежего парного молока. Она была спокойной, приветливой, добродушной девочкой. Марина доверчиво смотрела на старшую сестру и не подозревала о наших коварных планах.

Таня протянула Марине кисть рябины и сказала: «Ешь, мы с Валькой уже много ягод съели». Марина взяла рябину и послушно начала жевать, к моему удивлению, она даже не поморщилась. Я посмотрела на Таню, она явно была удивлена тому факту, что Марина спокойно съела горькие ягоды. Нам стало неинтересно, я пошла домой, девочки тоже ушли.

К вечеру мне стало плохо, поднялась температура, затошнило. В это время к нам пришла тётя Тамара, мама Тани и Марины, за таблетками, оказывается, Таньке тоже стало плохо. Я спросила тётю Тамару о Марине, она ответила, что Марина здоровёхонька, а вот Таня лежит с температурой. В том, что мы специально накормили Марину рябиной, чтобы ей навредить, мы сознались, когда стали взрослыми. После этого случая до нас дошёл смысл народных пословиц: «Не рой другому яму, сам в неё попадёшь», «Бог шельму метит», «Как ниточка ни вейся, а конец будет».

Дыра

Сидим с Маринкой на лужайке и стрижем траву ножницами. Марина хвастается своим новым красивым платьем, которое ей привезли из Москвы. Я молча завидую. Когда яркий подол её платья оказался рядом со мной, я вырезала в нём дырку. Вскоре почувствовала, как моя зависть переходит в стыд.

Я не могла смотреть на Марину, боялась разоблачения. Пришли к Марине домой. Тётя Тома, обнаружив дырку на платье, спросила нас: «Опять на заборе сидели?» Рассмотрев дыру, добавила задумчиво: «Да нет, тут ножницы поработали». Я молчу, краснею, нахожу предлог и ухожу.

Совершённый подлый поступок не давал мне покоя, и однажды я узналась, что выстригла дыру. Мне было очень нелегко признаться в этом, но ещё труднее было смотреть в добрые и честные глаза своей подруги.

Марина меня простила, но я себя простить не могу, и, когда вспоминаю этот случай, мне становится не по себе. Я тогда поняла, что такое нравственные страдания и что такое грех на душе.

Гнилая, вонючая картошка

Приближался Новый год. В посёлке, в клубе, взрослые поставили ёлку и пригласили детей из посёлка на праздник. Мы, деревенские, катались на горке рядом с клубом. Услышав про детский праздник, мы тоже зашли в клуб. Все дети были нарядными и водили вокруг ёлки хоровод. Мы стояли в дверях и любовались чужим праздником. Вдруг к нам подошла Снегурочка и предложила раздеться и встать в круг. Старшие деревенские дети сразу после такого предложения убежали на улицу, остались только мы с Таней, подружкой моей старшей сестры.

Я знала, что мне лучше пальто не снимать. Платье на мне было не очень чистое, да ещё подол начал по шву отделяться от верхней части. На ногах были старые подшитые валенки, на пятках которых красовались огромные чёрные кожаные заплаты. Из-под платья виднелись тёплые коричневые шаровары, на которые прекрасно прилеплялся снег, когда я каталась с горы на заднем месте. Снег ещё до конца не растаял, отдельные комочки всё ещё висели на шароварах.

Мне очень приятно было внимание, которое оказывала мне, маленькой деревенской девочке, прекрасная волшебная Снегурочка. Я краснела и отказывалась снимать пальто, зная, что если покажусь в клубе в своём «наряде», то позор будет на всю деревню, а ещё больше – на весь посёлок, где все знали друг друга.

Снегурочка и слушать не хотела. Она сняла с меня пальто, взяла за руку и повела к ёлке. Я послушно пошла за ней. Мы оказались в центре большого, ярко освещённого зала в кругу нарядных детей. Взрослые зрители начали шептаться, выясняя, чья же это дочь. Я обошла вокруг ёлки два раза без всякой радости, демонстрируя всем свой «праздничный» наряд. Снегурочка поняла свою оплошность и так же решительно, как привела меня в круг, увела обратно.

Я оцепенела, не понимая, что со мной происходит.

Тут подключилась Таня, ей хотелось выручить меня и вместе со мной пережить весь ужас нашего общего деревенского позора. Она стала помогать мне застёгивать пуговицы на пальто.

В зале праздник подходил к концу. Дед Мороз начал по списку выдавать детям подарки. Танька тянула меня за руку, она знала, что нам подарков не дадут. Подарки давали только детям работников швейной фабрики, так как их профсоюз проводил эту ёлку. Мне не верилось, что Дед Мороз может не дать нам подарков. Ведь мы были детьми, а Снегурочка очень громко сказала: «А сейчас Дед Мороз вручит детям подарки».

Я видела, как уменьшается гора бумажных праздничных пакетов, на которых была нарисована зелёная ёлка. Назвали фамилию одной девочки, но её на празднике не было. Подарок отложили в сторону. Дед Мороз собрался уходить со сцены.

Не понимаю, как случилось то, о чём я расскажу дальше. Я вдруг подбежала к сцене и сказала: «Дедушка, а я ведь тоже ребёнок, ты не дашь мне подарка?» Я посмотрела в глаза Деду Морозу, он отвёл их в сторону и тихо ответил: «Извини, девочка, я тебе в другой раз подарок подарю, я не знал, что ты придёшь на праздник». Слёзы покатались по моим щекам как-то сами. Я знала, что плакать при народе стыдно и что-то просить для себя – тоже, но остановить неожиданно нахлынувших слёз я не смогла... все молчали и не знали, что можно сказать в утешение.

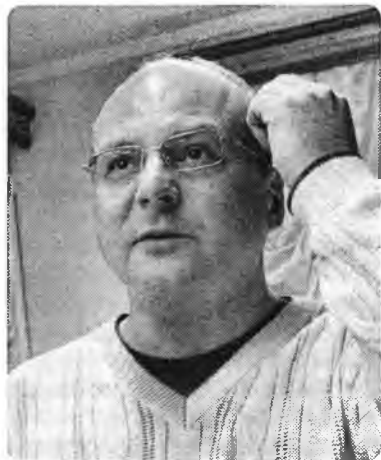
Ситуацию спасла Танька, она подбежала ко мне и сказала: «Валька, не реви!» и на ухо шепнула мне: «Ты знаешь, что Дед Мороз в мешки наложил вместо подарков? Гнилой, вонючей картошки!» Мы с Танькой выбежали из клуба, сели в сугроб и долго хохотали над тем, какие подарки приготовил детям Дед Мороз. Пока мы шли из посёлка в деревню, всю дорогу ругали праздник, Снегурочку, Деда Мороза, смеялись над подарками.

Вскоре моя новогодняя история облетела всю округу. Прошло недели три, я пришла в детский сад. Капитолина Сергеевна посадила детей на стульчики в кружок, а меня взяла за руку и вывела на середину группы. Я смутилась от всеобщего внимания. Воспитательница сказала детям о том, что Дед Мороз долго искал меня, чтобы вручить новогодний подарок. Он просит извинить его за то, что на празднике у него неожиданно закончились подарки.

Капитолина Сергеевна протянула мне большой бумажный пакет, такой же давали детям в клубе. В тот момент меня совсем не интересовало содержимое пакета. Ко мне вернулась вера в добро и справедливость. После этого случая дети в группе стали относиться ко мне с уважением.

Домой из детского сада я прилетела на крыльях восторга. Пакет открывать не хотелось, я же со слов старшей подружки знала, что там лежит. Потом любопытство взяло верх, и я заглянула внутрь. Такого изобилия красивых и вкусных вещей до этого я никогда не видела. Разнообразные маленькие вафли в красивых упаковках, шоколад, печенье разных сортов, много конфет, но наибольшее впечатление на меня произвёл мандарин. Название этого невиданного доселе заморского фрукта подсказала сестра Лена, она знала его по картинке из Букваря. Мандарин был маленьким, сморщенным, почти высохшим.

Когда я стала постарше, то догадалась, почему таким сморщенным оказался мандарин, просто его давно уже нужно было съесть. Но для того, чтобы он попал в подарок, мандарин долго везли и хранили. Вкус первой мандариновой дольки, съеденной мною, я помню и сейчас. Мандарин мы с Леной разделили и раздали своим подружкам. Конфеты, вафли и печенье тоже поделили по-братски. Танька разжевала конфету и, смеясь, произнесла: «Хорошо, что Дед Мороз не положил в подарок гнилой, вонючей картошки».

Константин Павлов

Константин Алексеевич Павлов родился в Вологде в 1968 году. Окончил факультет журналистики Санкт-Петербургского государственного университета. Работал в вологодских газетах. Член Союза журналистов России, член регионального Союза писателей-краеведов. Автор сборников стихов «Зеркалинки» (2003), «Тополиная дорога» (2005), «Излучина» (2007) и других.

* * *

С неба падали стихи
Чёрно-белыми снегами,
С неба падали стихи
И ложились под ногами.

Мы ходили между строк,
Друг на дружку непохожих,
Мы ходили между строк
В суете других прохожих.

От неподнятых стихов
Расплывались просто лужи,
От непонятых стихов
Торопились люди дружно!..

Ручейки из белых строк,
Строфы искренних проталин
Записать никто не смог,
И они немыми стали...

* * *

По веткам дремлющих раquit
Туман разлился над рекой,
Роса на мягких травах спит,
Повсюду дрема и покой...

Цветов прибрежных лепестки
Во сне свернулись в кулачок,
Спят лягушата у реки,
В бурьяне задремал сверчок.

Игривый ветерок устал
Рябить воды речную гладь,
Чуть-чуть над лугом полетал
И на валки улёгся спать.

В перинах сонных облаков
Лежит ленивая луна.
...Вот так в каком-то из веков
И появилась тишина.

Воробьиная ночь

Воробьиная ночь. Воет ветер с надрывом,
В блеске молний серебряных нитей обвал.
Воробьи жмутся в кучку под крышей над сливом,
Удивляясь, ну кто же её так назвал!..
Воробьиная ночь. Так промозгло и сыро,
И чуть-чуть даже страшно. Под грохот и рёв
Небо жмётся к земле. Неустроенность мира.
И душа у людей, как у тех воробьёв!..

* * *

Помню я простуженный вагон,
Долгие ночные разговоры,
И стаканов дребезжащий звон,
И соседей по купе укоры...

Помню я простуженный вагон,
На забытом слез я полустанке.
В сумке – недоеденный батон
Да консервы в поллитровой банке.

Изменилось многое с тех пор,
На судьбу пенять причины нету:
Чаще я выигрывал с ней спор,
Добывая звонкую монету.

Только не увлёл меня тот звон:
Жизнь взяла отсчёт от полустанка,
Где был дорог мне простой батон,
Банка пива и консервов банка.

Помню я простуженный вагон,
Эта память дорогого стоит..
У кого-то жизнь прошла, как звон,
Кто кроит её, а кто-то строит.

Верю, всем воздастся по делам,
По любви, с другими разделённой.
Пусть же нашей жизни поездам
Семафор всегда горит зелёный.

* * *

У меня есть сын и дочка,
Карандаш и три листочка,

Хлеб и масло есть к столу.
Самовар стоит в углу.

Есть кого на чай позвать,
С кем дружить и пировать,
Есть немножечко врагов,
Есть работа, тыл и кров.

Я люблю и дождь, и снег,
И жару без пыли...
Я – счастливый человек,
Что б ни говорили.

Папин кабинет

Для меня во всей квартире
И, наверно, даже в мире
Интересней места нет:
Это папин кабинет.

У него там скрепки, кнопки,
Ручки, краски и коробки
И, конечно, много книжек...
Подойду к нему поближе:
«Папа, дай мне карандаш...
А листочков мне не дашь?..
Папа, кнопочек штук пять
Я могу отсюда взять?..
Папа, красок мало...»

Папа всё готов отдать,
Лишь бы не мешала.

Божья коровка

У соседа кур не счесть,
Ну а мне неловко:
У меня в хозяйстве есть
Лишь одна коровка.

Ни телят, ни молока
От неё не будет.
Но она меня пока
С ранним солнцем будит:

Сядет на нос, проползёт,
Мелюзга вельможья.

Со скотиной не везёт,
Но коровка – божья.

* * *

А мы о любви всё, казалось бы, знаем,
А мы от любви всё бессмертия ждём...
Она тихо тает, когда мы скучаем,
О ней позабыв, оставаясь вдвоём.

Она тихо плачет, когда не нарядна,
Ломает её равнодушия вид,
А дома её добивает изрядно
Рутинный, простой, устоявшийся быт.

Проходят года, удивляются люди:
Куда делось то, с чего всё началось?..
...Любовь умерла, но она не осудит,
Иначе всех нас ей судить бы пришлось.

* * *

Над застывшей травой
Чай кипит костровой.
В нём заварены
Поздние травы.
Не спешу я домой,
Я сегодня с тобой.
Может, мы опять
Оба не правы?

Разольём на двоих
Этот жгучий настой.
Он по-своему терпок
И сладок.
Разольём на двоих
И вернёмся домой,
В угли выплеснув
Горький осадок.

* * *

Пусть говорят, любить не современно,
Не актуально слово «доброта»,
Исчезнет скоро жалость непременно,
И красота теперь уже не та!

От альтруизма очень мало прока,
А щедрость слишком часто не в чести,
От сострадания самому морока,
Без ближнего уверенней в пути!

...Идея «эго», в общем, не нова;
И пусть нас ждут любые перемены,
Пройдут века, но «вечные» слова
Как были – так и будут современны!

Бессонница

Не стучится, не звонится,
По натуре скромница,
На кровать впотьмах садится
Тихая бессонница.

Толстовата, белокура,
В общем, не красавица.
И сидит так, дура дурой,
Сколько ей понравится!

Смотрит в потолок часами,
Гонит думки разные,
Ни вздремнуть не ляжет с нами,
Ни рассвет отпраздновать.

Не люблю я эту тётку,
И, чтоб с ней не видеться,
Пригласил к себе молодку:
Пусть навек обидится!

* * *

*Моему прадеду – Дмитрию Ивановичу Башмакову
посвящается...*

Читаю дневник, что оставил в наследство мой прадед,
И вижу, бараки стоят в паутине «ежей»,
«Колючкой» опутанный верх на высокой ограде,
За ней измождённые лица каких-то людей.
На днях ожидали серьёзный приезд прокурора,
И «кум» подсчитал, что «балласт» - пятьдесят человек.
Начальство решило исход щекотливого спора:
Политзаклужённых «пустили» в последний побег.

Вчера была «чистка», ведь места на всех не хватало.
...Я плачу – я деда ищу, я срываюсь на крик.
...«Не спится, сынок», – мать поправит рукой одеяло,
Убрав в шифоньер пожелтевший – с годами – дневник...

* * *

Мой шумный двор заметно постарел:
В нём нет теперь песочниц и игрушек,
Снесли качели как-то между дел,
Поставили скамейку для старушек.

Оградки нет – никто не лезет в сад
Озорничать, для «пулек» рвать рябину.
Но, видит Бог, я этому не рад.
...Промозглый ветер задувает в спину,

Понуро всё, безлюдно, тишина,
К земле кренятся старые сарайки;
И жизнь в нём как-то стала не видна,
Лишь на балконах выцветшие майки

Висят то тут, то там, как некий знак...
Как будто после долгого сраженья
Мой двор устал от жизненных атак
И признаёт сегодня... поражение.

* * *

Не избежал я диалога:
«А что есть пьянство на Руси? –
Спросил меня попутчик строго, –
А как же вера в разум, в Бога,
Коль пьют, хоть тёплых выноси?...»

Длинна была у нас дорога,
Заговорили мы про быт,
Про то, что в нём изъядов много
И жизнь трудна, и судит строго:
Мой друг погиб, его – сидит.

Про то, что с каждым днём всё туже,
Когда лишь деньги правят бал.
...Попутчик мой забыл про ужин,
Он был ему уже не нужен.
Он за бутылкой побежал.

Россия, Русь... Тоска в душе и грусть:
Ну что в России русского осталось?..
К избе безлюдной давящая жалость,
Коса за печкой, что совсем сломалась,
Молитвы, что не знаем наизусть?..

Забывтый и людьми, и Богом храм,
Разграбленный прилюдно в прошлом веке?..
Зато осталась в русском человеке
К дуэлям тяга, к матерным словам!

На пожелтевшем фото смотрят вдаль
Другого века дамы, кавалеры,
Не предавшие ни царя, ни веры,
И им, наверно, нас немного жаль...

Излучина

В прекрасном месте есть одна излучина,
Там, где встречаются реки течения,
Водоворотами она измучена.
Но я о ней совсем другого мнения.

Там берега реки всегда раскрашены
Цветами пёстрыми и травы свежие.
Но, где то место, ты меня не спрашивай:
Его храню я, будто тайну, бережно.

В укромном месте есть реки излучина,
Где пришлый люд тебе никак не встретится.
И по причине, не совсем изученной,
Там не цветёт вода, а солнцем светится.

Надежда Плетнёва

Надежда Дмитриевна Плетнёва родилась в 1944 году в Вологде. Окончила Ленинградский финансово-экономический институт. Работала финансистом в Ленинграде и Вологде. Ныне пенсионер. Автор поэтического сборника «Вдали от невских берегов» (2009).

* * *

Я теперь, как отшельница,
О былом не тужу.
Целый день, словно мельница,
В огороде кружу.
Я дела огородные
Не спешу завершать,
И легко здесь, и радостно
Полной грудью дышать.

Я теперь, как отшельница,
О былом не тужу,
На красоты окрестные
С обожаньем гляжу.
Наслаждаюсь безлюдием –
Тишина и покой.
А бывшее – прелюдия
К благодати такой.

Дедов дом

1

В доме старом ни полов, ни печи,
Не дозваться мастеров, хоть кричи.
Окна настежь, разгулялся сквозняк,
Не оставить этот дом мне никак.

В доме старом нет икон, образов.
Дверь рассохлась, не закрыть на засов.
Пауки плетут свои «образа»,
На разруху не глядели б глаза.

Лучше выйду я под своды небес.
Упаси меня, Господь, оставь, бес.
Не молюсь я святым образам,
Нивам русским поклонюсь и лесам!

2

Я спешу на встречу с домом,
Он годами был изломан.
Сыновья решили дружно,
Что помочь домишке нужно.

Вот уже совсем он рядом,
Я ищу домушку взглядом.

Только нет былой домушки,
Дом сверкает, как игрушка.

Дом небесно-голубой,
Флаг российский над трубой.
Окна белизной сияют,
Сыновья меня встречают.

Ай да братцы-ленинградцы,
Как сумели постараться!
Дом теперь стоит отлично
На фундаменте кирпичном.

Им нельзя не любоваться,
Силе вашей – удивляться.
Сняли вы с души оковы,
Возродили к жизни новой.

Вы не дачу починили,
Дедов дом восстановили.
Отмечал бы нынче дед
Ровно девяносто лет.

Вот зачем вы так спешили:
Деда помнили и чтили.
Ай да братцы-ленинградцы,
Как же мне не любоваться!

* * *

«Бабуля! Где ты? Я проснулся,
Бросай дела, иди ко мне!»
Мир зазвенел и распахнулся,
Мой Свет – кукушкой в окне.

Дела бросаю, умиляясь...
Давно ль из этого окна
Сынок мой так же, просыпаясь,
Бабулю звал, как внук меня.

Всё повторяется в природе,
Не повторится этот миг.
Не потому ли мне так дорог
Из прошлого знакомый крик.

* * *

Просыпаюсь – звон в ушах,
Поднимаюсь – хруст в костях.
В зеркало гляжусь – не я,
Вроде бабушка моя.

Отраженью подивлюсь,
Потихоньку разомнусь.
Чаем душу окачу,
Над собой похохочу.

Ну, пора и в огород,
Дела там невпроворот.
Там накрутишь от души
Между грядок виражи.

А погодка – благодать!
Вот бы лечь да загорать.
Не стоять бы над грядой
В позе этакой-такой.

Может, чтобы не страдать,
Гряды к лешему послать?
И погодка шепчет: «Что ж,
С лежака вот и пошлешь».

* * *

Черноплодную рябину
Собирать я вышла.
Нынче ягода завидна,
Крупная, как вишня.

Черноплодная рябина
На морозе стынет.
Стала ягода отныне
Слаще спелой дыни.

Я возьму себе лишь малость,
Соберу чуть-чуть.
Я оставлю эту радость
Для лесных пичуг!

День рожденья – это ли не праздник!
Пусть на день в душе затихнет боль.
Жизнь, она такой бывает разной:
Плюсы, минусы и... ноль.

Градус жизни скачет ошалело:
Радость, огорченья, боль утрат.
Дорогая, как бы я хотела
Скорбь твою безмерную унять.

Горе извиняться не умеет,
Горе настигает, в сердце бьёт.
Горе утешенья не имеет,
Разве что когда-то всё пройдёт.

Всё пройдёт, с годами станет легче,
Боль затихнет, сердце отболит.
Может быть, и вправду время лечит,
Жаль, конечно, что не молодит.

Сомнения

1

«На свете счастья нет,
Но есть покой и воля».
Простит ли дерзость мне
Великий наш Пиит?!
Мой опыт жизненный
Иное говорит.
Что счастья нет,
Согласна я с поэтом.
Покой и воля?
Есть сомненья в этом.
В плену любви своей
Живу я много лет,
Покой и воля – то,
Чего при этом нет.

2

«И вечный бой,
Покой нам только снится».
Другого гения
Грохочет колесница.

А я с бессонницей
Веду извечный бой,
И верить хочется,
Что прав поэт другой,
Во сне увидевший покой.
Но вот не спится...
Что вечный бой,
Согласна я с поэтом,
Не снится только
Мне покой при этом.

* * *

Ко мне, охотничий мой пёс,
Влезай в ошейник, чуткий нос.
Я поведу тебя к реке,
Ты у меня на поводке.

В лесу ты вольно бегать рад,
Твоей свободе нет преград.
А здесь – иди, куда веду,
Ты у меня на поводу.

Охотник мой рванул к реке,
А я за ним на поводке,
Соображая на ходу,
Кто у кого на поводу.

Привечальная

Молодухой ты пришла
Иль молодушкой?
Соколицей залетела
Иль лебёдушкой?
Привела тебя любовь,
Добро пожаловать!
Буду дочкой называть,
Стану баловать.

Ты своих будешь любить
Пуще прежнего,
Если даже и свекровь
С тобой нежная.
И какой бы ни была
Свекровь лапушкой,
Не заменит никогда
Родной матушки.

Ты меня не бойся,
Доченька чужая.
Это только в сказках –
Раз свекровь,
То злая.
Ты меня не бойся,
Девочка, не трусь.
Я свекровь, конечно,
Но сама боюсь.

* * *

Крылья в полёте мне были послушны,
Крепко, надёжно держала штурвал.
Радость полёта, а что ещё нужно!
Время бы вспять, чтоб мотор не устал.

Глохнет мотор, зато крылья в полёте,
Держат надёжно меня на излёте.
Жизнь моя, гордость моя и судьба.
Крылья надежды – мои сыновья!

Римма Рожина

Римма Анатольевна Рожина родилась в Вологде в 1963 году. Окончила Вологодский железнодорожный техникум. Училась на филологическом факультете Вологодского государственного педагогического университета. Живёт в Вологде. Автор двух поэтических сборников: «Мёд полынный» и «Белая дороженька в рай». Член регионального Союза писателей-краеведов.

Проданная душа

(поэма)

В лесном краю, где жили предки,
Гуляю берегом реки,
Смотрю, как из рыбацкой сетки
Топорщат жабры окуньки,
Цветы июльские срываю,
Плету нехитрые венки,
И, будто в детстве, нагоняю
Волну в калёные пески.

А вечерами вместе с бабушкой
Пью золотистый мятный чай,
И утешаю плюшкой сладкой
Душе не нужную печаль.
Там под шипенье самовара
И запах рыбных пирогов
Я сказку жуткую спускаю
С воспоминаний стариков.

- 1 -

Когда-то Каменка-деревня
 Богата избами была,
 Сцеплялись изгородей звенья,
 До крыш черемуха цвела,
 В хлевах топтались овцы, куры,
 Игралось кони у ручья,
 Травили дёготь смолокуры,
 Валяли пимы каталя,
 Кузнец ковал плуги и гвозди,
 Печник старался у печи,
 А за деревнею заводик
 Лил для округи кирпичи.
 И в Кострому, и в Междуречье
 Дороги правили отцы,
 По божьим дням сжигали свечи
 И не плевались на святцы.
 В лесах водились зверь и птица,
 Трава рябила от грибов,
 Там, где болотная водица,
 Мох оседал от короков
 Брусничных, клюквенных,

МОРШНЫХ -

Так изобиловала гать.
И никаких гостей всполошнных,
Разбойных было не видать.
С болотных ширей каменистый,
С водой тринадцати ключей,
От рыбьей молодежи искристый
Бежал за банями ручей.

И даже в лютые морозы
Не застывал его поток,
И там, где он сливался с Монзой,
Обманно тонок был ледок –
Уж как легка полёвка-птичка,
И то пером помала тор...
То место с именем Устричка
Стерёг таинственный бугор.
Зима. Кругом снега белеют,
А на бугре земля да лёд,
Три камня круглые темнеют,
Как два зрачка и третий – рот.
Ни жизни, ни тепла земного
Не сыщешь в каменных глазах:
Посмотришь – сумрачно и строго,
Пройдешь – волнение да страх.
И, будь семи чертей смелее,
Прохожий остужал свой пыл
И даже с праздничного хмеля
Бугор сторонкой обходил.
Шептались, будто взгорок

лысый

В вечерних сумерках речист,
Что не один удильщик слышал
Не то напев, не то насвист.
И только бабка Пелагея,
Знаток по травам и цветам,
На холм взбиралась, не робея,
И что-то всё искала там.

– 2 –

Вот как-то с зимнего извоза,
Клубя в углы седую пыль,
В избу заезжую с мороза

Ввалился парень-богатырь.
С ним мать-старуха и усталый
Мужик – погонщик лошадей,

Вот, мол, грязнуля и неряха,
Мол, весь в побелке и пыли,
Быстрее сиять заставишь бляху,
Чем Митьку выдрать из земли.
А мы муку-то как ценили,
На День Великий берегли!
Стерпел, что бедность осрамили,
Но хлеб...
И вы бы не смогли
Стерпеть поигрыванье хлебом.
Он руку ей перехватил –
А слабаком парнишка не был –
И по-за спину заломил.
От боли охнула поповна,
В опилки ткнулась головой:
«А не играй, деваха, словно
Не хлеб, а грязь перед тобой».
Остолбенел народ глазастый,
И по толпе прошел смешок:
«Да нашей Любе языкастой
Такой и нужен женишок».
Любаша свеклой покраснела,
Смолчала. Стала у ворот
И долго-долго так глядела,
Как Митя выкладку ведёт.
Уж я не знаю, как случилось,
Кого из них винить-бранить,
Но сердце девушки смутилось
И парню скучно стало жить.
Прошла весна. Трава поспела.
Роса искрилась по лугам,
«Пора косить!» полёвка спела,
В деревне стихли шум и гам.
Хлеб косаря от пота горький,
Да губы Любушки, что мёд...
Сынок с косой на обе зорьки,
А чуть звезда – она идёт,
День на виду, а в ночь скрывались.
Но, сколь судьбе ни прекословь,
Бабёнки скоро догадались
Про их запретную любовь.
Красива девушка, румяна,
Да вот беда, не ровня нам –
У нас – заросшая поляна,
У них – доходный Божий храм.
Да Митрий мой, как очумелый,

В тоске по ней не спит, не ест,
Худой, понурый, кожей белый,
Как будто нет других невест.
Я гляну, мне еще тоскливей,
И жаль, и надо отводить.
Одно – а будут ли счастливей,
Коль их разводом остудить?
Ах, знать бы, как смела девица –
К венчанью тайному зовёт,
И день нашёлся им сокрыться,
Да выдал тайное народ.
Связали Митю, так побили,
Что и не чаяла поднять...
Уж коль не ровню полюбили,
Не лучше ль ту любовь унять?
С неделю втихомолку выла
Над искалеченной спиной,
Водой святой, травой лечила,
Но в ранах все копился гной.
Вот как-то вечером поповна
Влетает – дикие глаза,
И на постель крестится, словно
Не человек там – образа.
Потом как вскрикнет, как зайдётся,
Как опрокинется назад...!
Я к ней – а сердце и не бьётся,
Зову – а губы-то молчат.
Очнулся Митя, огляделся,
Увидел, ну ей ворот рвать –
Больной дурман куда и делся –
Устроил девку на кровать,
Целует тоненькие руки,
Косицу гладит на груди...
Я не несла сыновней муки,
Сбежала, Господи, прости,
Попа позвала с попадьёю,
Кто ж виноват – не упасли.
Дождавшись ночи, по задворью
Они бедняжку унесли,
А нам велели убираться.
И с глаз долой – из сердца вон.
С тех пор приходится скитаться...
Был сын еще раз удручён.
Однажды осенью глубокой
Остановились ночевать
В избушке тесной, кособокой –

– Да так ли, Марья? Что за весть!
Настал конец моим страданиям,
Приют попросим, станем жить,
А добрым словом да стараньем
И честь недолго заслужить.

— 3 —

Дней пять иль шесть как
на задворках,
В бесхозной брошенной избе
Горит огонь. На хлебных корках
Опара дышит с отрубей,
Бурлит в чугунике картошка,
Песком надраены полы,
И паутинкой у окошка
Кружатся мизерки золы.
Меланья думает, что сыну
Её указ на сердце пал –
Но он всё сам решил и спину
Дня два у старосты ломал
И упросил помочь страдальцам.
«Ну, раз вам по сердцу края
И негде больше основаться...
Избушку видишь? Всё – твоя».
Митяй нашёл занятие вскоре –
Дубить овчины скорнякам,
И разомлело сердце вдовье,
Поплыл румянец по щекам.
Но вот воспрявший духом парень
Стал исчезать по вечерам.
«Не хороводится ли в паре?
Не навлечёт ли новый срам? –
В душе надеется Меланья
На золотой сыновний ум:
«Добром бы кончились свиданья,
Уж, всяко, впрок поповский шум».
Так перед сном, зевая сладко,
О сыне думает она,
И для него в углу лампадка
В благословенье зажжена.

Идёт на убыль день колючий,
Ворчит на оттепель мороз,
У ивняка под снежной кучей
Прогнулись пряди жидких кос,
Полощет ёлка рукавами
И гонит лис из-под полы...

Меланья, отложив вязанье,
Воздела руки для хвалы.
На этом кончилось сказанье
Про тяжбу счастья и хулы.

По Монзе розвальни с дровами
Сминают снежные валы.
– Ату-ату! – кричат возницы, –
Хватай, лови её за хвост! –
И машут вслед лисицам вицей,
И гонят бедных на откос.
Два мужика в тулупах длинных
Переезжают за реку,
Притихли. От картин пустынных
Неловко даже смельчаку:
То куст от сумерек диковен,
То полынья раззявит зев,
А то полено рухнет с дровен,
Не виноватый лёд огрев.
Что днём подтаяло, под вечер
Застыло хрусткой колеёй,
И конь до щиколод иссечен,
И наст залётный под шлейёй.
Опасный путь у мели грозной
Серпами выгнула река,
И сразу сделались серьёзны
Два мужика-весельчака:
– Храни, Господь, не кануть в яме,
Легко Устричку обогнуть.
И тут как раз между ветвями
Мелькнула каменная жуть
И звук, похожий на напевы,
Прервал тревожный разговор:
«На-шөөёл я вааас,
Я виии-жууу гдеее вы...»
– Сынок, скорее! Слышь – бугор...!
И холодок змеиной искрой
Пополз по шее, по спине.
Тут ездоки с испуга быстро
На берег вздёрнули коней...
Затихли крик и скрип полозьев,
Улёгся с шумом взбитый снег,
И показался на извозе
Из-за сугроба человек –

Рот перекошен, чуб лохматый,
Настороже подлобный взгляд,
В одной руке лом да лопата,
Другой прижат тулуп до пят.
Подходит он к камням бугорным,
Ладони жаркие кладет
И смотрит, как течёт по чёрным
Глазницам вытаявший пот.
Вдруг валуны зашевелились,
Бугор очнулся, задрожал,
И – будто выплюнул – скатились
Три камня... Под ногой – провал.
Могильным холодом дохнуло
Нутро зловещего бугра,
И горькой серой потянуло
Из растворённого нутра.
Лопату взял мужик, вонзился
В застылый грунт расширить лаз,
Копнул разок и провалился,
Ушибся, но вскочил тотчас.
И что же видит: свод пещерный,
Как в лунных сумерках, синё,
Сквозняк под запах горько-серный
К горячей коже липко льнёт,
А посреди широкой залы
Пластиной ровною гранит,
Сундук, что истинно ковали
Не в здешней кузнице. Гремит,
Едва заденешь, цепь литая,
На ней увесистый замок.
Всё паутина оплетает,
И пауки шуршат у ног.
У Митьки дрогнули коленки
(А это он в проём шагнул),
Лишь тень задрыгалась по стенке,
Да от шагов по сводам гул.
Вот он сундук обнял в волнение,
Не может дрожь в руках унять,
Но победило предвкушенье,
Принялся крепы открывать.
Да, видно, силы маловато,
Не открывается замок.
Сподручней, он решил, лопатой
И замахнулся на рывок.
Весь заступ смял – всё неудача:
Висит охранник сундука.

С досады парень чуть не плачет.
Как цепь избавить от замка?
И от отчаянья и злости
Он по-звериному рычит,
Что кудри остаются в горсти,
Не замечает, не глядит.
Побагровевший – разум в гневе –
Пинает цепи, бьёт сундук
И волком воет:
– Как мне..., где мне
Найти отмычкууу!?
Слышит звук
Из глубины пещеры странный,
Как будто кто от сна зевнул.
Застыл мужик, как оловянный,
И в плечи голову втянул.
О своды эхо застучало
И приумножило зевок,
И ровно света больше стало,
Зашевелился ветерок.
– Ты кто такой, зачем тревожишь,
Пришёл незванный и кричишь?
Рукой замок открыть не можешь,
Так разве криком подсобишь?
Откуда ты узнал про чудо,
Кем на поступок научён?
Да отвечай же – кто, откуда
И как решился на урон?
Митяй едва собрался с духом,
Дрожа, поведал всё, как есть,
Про смугляков и про старуху,
Про их безбожную ересь,
Про то, как деньги рассыпали,
Просили выбор показать,
Петлёй догадку проверяли
И на лоб ставили печать.
Как он узнал? С печатью знанье
Вошло в глубины головы.

Он холм искал, но заклинанье
Таил от матери-вдовы.
Тут собеседник необычный
Спросил:
– А так ли нужен клад?
Что ты, к богатству непривычный,
С ним делать будешь? Путь назад,

Пока еще не поздно, выправь.
За правду, верь мне, пощажу.
– Ну, нет! Дорогу эту выбрав,
Я на тебя не погляжу!
Мы жили с матерью не сладко,
Наш труд успеха не давал,
Немудрено, что я достатка
И лучшей доли возжелал.
Не знаешь ты, как тошно было
Нейти до вечера домой,
Чтоб мать довольню посолила
Похлёбку вдовьею слезой.
Мои товарищи хмельные
Кружились с девками в лугах,
А мне забредшие портные
Латали дыры на портах.
Но я стерпел не только это,
А и обиду за любовь.
Хочу потребовать ответа
За унижение и кровь.
И ей, любви, принёс страданье –
Не утерпел, с корней сорвал,
Но сердце ноет в оправданье:
«Моя любовь, своё и брал».
Я много думал – ей родиться
Случилось в тереме попа,
А мне в избе. Но чаровница –
И жизнь, и смерть моя – судьба.
Люблю и знаю, что безумен!
В глазах – цветастый хоровод,
В ушах – в побег зовущий бубен
Не просто манит – душу рвёт!
Люблю и, небо проклиная,
Часы считаю за года,

И, коль себя не испытаю,
Не буду с нею никогда.
Скажи, хозяин, как не верить,
Что деньги счастье принесут,
Что бедняку откроют двери?
Решай, к тебе иду на суд.
В ответ на исповедь – молчанье.
Митяй уныло приутих,
Невольно слушая шуршанье
Слепых и липких паучих,
Что по камням, по рыхлым стенам

Таскали юрких паучат.
Он чуял – кровь бурлит по венам
Да в сердце молоты стучат.
Но вот раздался тихий голос,
Митяй напрягся и затих,
Не шевельнулся даже волос,
На локонах полусырых.
– Не так-то просто всё, бедовый,
Печать на лбу – особый след,
И ты не пряничек медовый,
Чтоб взять и скушать на обед.
Отдам я клад, владей, старайся,
Взамен немного спрошу,
Не обману, не сомневайся,
Тебя надежды не лишу.
– Но я бедняк, с отчизны изгнан,
Что предложить взамен могу?
Единый раз даётся жизнь нам,
Отдам тебе. Иль как слугу
Найми, пока я телом крепок,
Прикажешь – горы сворочу,
Но, славен будь, избавь от скрепок
Сундук. Счастливым быть хочу!
– Отдашь себя?
– Отдам, спаситель,
Клянусь, отдамся всей душой!
– Так всей душою?
– ... Лишь бы сытым
Проснуться. Я устал с сумой...
– Ну что ж, ты сам назначил цену,
Сейчас подпишем договор,
И всё твоё. Ты рад обмену
Иль наш не кончен разговор?
– Я рад! Я счастлив до безумья!
Что там душа, коль вот он – клад.
Благословенна будь, колдунья,
И ты, спаситель мой. Я рад.
– Челом своим коснись запора –
Печать на лбу и есть твой ключ,
Владей сокровищем и скоро
Ты станешь славен и могуч,
Что пересуды-кривотолки
В ворота влезут – не беда.
Но помни: век бывает долгим,
Но бесконечным – никогда.
И тут пещера задрожала,

Забился ветер о гранит,
Тьма чёрным пологом упала
На тайный нечестивый скит,
Пургой колючей ослепило,
Пыль заворочалась клубком,
Скрутило Митьку, подхватило,
Рвануло вместе с сундуком...
...Всплеснула мать руками:
– Ах ты,
Да где ж ты был? Да с чем пришёл?
– Мама, мы теперь богаты,
Я клад, ты слышишь, клад нашёл!
Но никому о том ни слова,
Никто про то не должен знать,

Иначе нам с тобою снова
Нужду придётся испытать.
Коснулся лбом замка – о, чудо! –
Сорвалась дужка, цепь сползла,
Открылась крышка – груды, груды
Монет, алмазам нет числа,
И золотые украшения,
И блюд серебряная чернь,
И, ворогам на устрашение,
Клинков неслыханная звень,
И жемчуга, и малахиты,
И янтарей заморский блеск...
– Ну, мать, отныне будем сыты,
Не обманул пещерный бес.

— 4 —

Мир удивляет ловкий малый:
Высокий дом, земельный куш,
Корова, свиньи, конь удалый,
Сам стал удал и телом дюж.
К Покрову дню на водокрутах
Поставил мельничный заплот,
Зерна полно во всех закутах,
К зерну копейка дюже льнёт.
День ото дня доход крепчает,
Забот в дому невпроворот.
Но мать всё чаще замечает,
Что избегает их народ.
Ещё недавно шли соседи
Помочь страдальцам, кто чем мог,
А нынче Прохор мимо едет
И Марья прячется за стог.
Тревога у Петровны в сердце.
Сынок не чувствует тоски,
Уже успел он запереться
От посельчан на все замки.
Вот мать за ужином с вопросом
К нему – да как бы не спугнуть.
– Когда ходил простоволосым,
За твой удел болела грудь.
Желала я, как мать любая,
Достатка, счастья и любви...
– Была любовь, воронья стая
Склевала счастье.
– Не криви
Передо мной, как будто нету

Другой любви. Найди жену
Светлей весны, теплее лета,
С косою – золото по льну.
И – в дом покой,
И – радость в душу,
И – внуков мне, пока жива,
А то, гляжу, ты хмур и скучен,
Хоть и в картузе голова.
Ответь, сынок, ясна ль причина
Мамаше глупой, не таись?
Ты не в себе, а мне кручина,
Что не на радость сыну жизнь.
– Быть может, так, я сам не знаю,
Утех любви не жажду я,
В моей душе ветра гуляют,
С дождями встречу праздную.
Одни меня согреют губы,
Одни глаза мне – свет в пути.
Родней и ближе прежней Любы
Я не смогу жены найти.
А коли так, собирай подарки,
За ней поеду, чую – ждёт.
Жива любовь! Горячей чаркой
Вольётся и растопит лёд.
Вздохнула мать, не стала спорить,
Подарки сыну собрала:
Поп не его оценит – корысть,
Была бы ставка не мала.
Коней ретивых скачет тройка,
Звенят подковы, снег пуржит,

Ямщик весёлый – дружка бойкий,
Задорно «й-йех-хая» визжит,
И любопытные бабёнки,
Задрав подолаы, вслед бегут:
«К хоромам иль к простой избёнке
Чужие сваты завернут?».
Девичьи шали встрепенулись
От голосистых бубенцов...
Сгрузились сваты, отряхнулись,
Вошли в поповское крыльцо,
Остановили суматоху
Поклоном, медленным крестом.
Поп разглядел вошедших, охнул,
Застыл неструганным пестом.
– Гостям любезнейшим мы рады,
Да что толочиться в кути,
Хоть и не ведали парада,
Прошу до горницы пройти.
– А мы не просто так, по делу
К вам заглянули на светец:
У вас товар – Любава-дева,
У нас Димитрий – свет-купец.
Когда на стол легли подарки,
Поп изумлённо обомлел:
Шкатулки, бусы, полушалки,
Копилки для церковных дел –
И всё резное, расписное,
Под позолотой, в серебре.
Глаза расплавились от зноя,
Испепелились на добре.
– Сынок, а я тебя и раньше
За труд и честность уважал
(А голос масляный от фальши),
Уж ты прости, что забижал,
Но верил в то, что выйдешь в люди,
И домочадцам говорил,
Мол, всем хорош жених у Любы.
Господь иначе рассудил,
Он дал вам срок проверить чувства,
Разлуки боль перенести,
Утихомириться от буйства,
Зачин достатку дать в чести...

И поп зашёл в такие дали
В своих премудростных речах,
Что сваты вечер прозевали

И торговались при свечах.
«Купца» за хваткий ум хвалили,
При всех подсчитывая куш,
И попадье дородной льстили,
Мол, доброй дочке – добрый муж.
– Ну что же, Димитрий свет-Иваныч,
Приятен мне такой почёт.
Но поздно. Вам постелют на ночь,
Печь широка, кирпич печёт,
А утром дочь себя хозяйкой
Покажет. День назначим мы,
И жги гармошкой-балалайкой
Нетерпеливые умы.
Пока дружок домашних девок
Смущал бесстыдным баловством,
Пока звенело от запевок
Стекло под звонким сватовством,
Сидела в девичьей Любава,
Не смея выйти напоказ.
Но вот игры иссякла чаша,
Пришёл её решенья час.
Ждала ль она, хранила ль верность,
Закрыв молве дурную пасть?
Ждала. А что ж на сердце скверно?
Того ли Митю дождалась?
Вот он сидит – нарядный, важный,
Скромно ест, не лишка пьёт,
Сел основательно, вальяжно,
Но лоб-то хмур,
А взгляд-то – лёд.
О барышах зайдёт беседа,
Он оживлён и говорлив,
А лишь коснутся дел соседа,
Он замолчал,
А рот-то – крив.
Не узнаёт его, но шепчет:
«Не нагнетай. Устал. Пройдёт.
А мне в разлуке было легче?
Приехал. Помнит же. Берёт».
Вошла к гостям стыдливо-красна,
Отец мигает: «Чем не зять?»,
– Димитрий, друг мой, я согласна
Женой тебе покорной стать.
А в свой черёд и день веселья
Приладил свадебный венец...
Увёз жену на новоселье
Наш Богом признанный «купец».

Весна. Умылось небо синью,
Встряхнулся юный тополёк,
Над бороздой по-заовинью
Порхает первый мотылёк.
Митяй, дородный и довольный,
Глядит, как потный оратай
За миску щей и хлеб застольный
Его земельный холит край.
Конь ждал подачки, но хозяин
Круп даже пальцем не задел,
Межи не выровнял с закраин,
Над бороздой не обрадел.
Идёт на мельницу – крылами
Она далёко шлёт трезвон –
И там грызут за жерновами
Свой хлеб наймиты, а не он.
В товарный ряд спешат подводы,
Села никак не обойти –
Кому, как не ему в угоду,
Купец с товаром на пути.
Он, словно куклу, наряжает
Жену в шелка и кашемир,
По-барски важно выезжает
И в Божий храм, и в званный пир,
Всегда тугой кошель с собою.
О чём ещё ему мечтать?
Но вдруг бояться стал разбоя
И по ночам тревожно спать.
Без счёта раз замки проверит,
Все закуточки обойдёт,
Руками выщупает двери,
Но крепко так и не уснёт.
И молодой хозяйке странно
Супруга видеть маету:
«Не опоил ли кто дурманом
На свадьбе с зависти чету?»
Но дни за днями плыли мирно,
Дом богател, плодился скот,
Муж успокоился и чинно
Пред сном подсчитывал доход.
Вот как-то раз дела Митяя
В уезд направили, и он,
Жену хозяйкой оставляя,
Уехал. День пошёл на склон.
Меланья к бабам наострилась,

Любаша села пряжу прясть,
Да в скорых сумерках схватилась,
Что шерсти мало: «Вот напасть».
Заггла свечу, пошла в чуланку,
Да по дороге закуток
Её привлёк – тряпье да дранка
Свились в бесформенный клубок.
Спихнула ветошь, видит – ящик,
Да нет, не ящик, а ларец,
Открыла верх, а там блестящих
Монеток, брошей да колец
Не счесть! Сияет камень, жемчуг,
Янтарь... Несметное число!
«С каких таких заслуг отмечен
Митяй, иль с чудом повезло?
А может, он в глуши дремучей
С ножом повозки сторожил,
Купцов пугал, а то и мучил,
Ларец трофеем заложил?
Как знать, а вдруг да за геройство
Мой муж по-царски награждён?»
Сдавило душу беспокойство, –
«Какой казной владеет он?»
Застыла Любушка над златом,
В висках стучит тревожно кровь:
«Спросить Петровну? Да куда-то
Запропастилася свекровь.
Иль нет, её пытать не стоит.
Приедет муж, расскажет сам».
А тайна пот холодный гонит
По разболевшимся вискам.
И страшно бледной молодежи
От мысли, что любимый – вор:
«Вот почему ему не спится,
И высотой в сосну забор».
Сундук опять укрыла дранкой,
В избе прибавила огонь,
Но не сидится ей за прялкой,
Шерстинки липнут на ладонь.
Пришла Меланья, сели к чаю,
Та, было, новость начала,
Да из-за пара замечает –
Невестка личиком бела.
– Глаза в тенях, не заболела?
Что ослабела, что с тобой?

– Нутро свербит – грибков поела,
 Да всё назад – живот больной.
 – Попей травы, почисти чрево.
 А...может...дело не в грибах,
 Ведь ты – жена, не божья дева?
 Чего ухмылка на губах?
 – Догада, матушка, ты. Чую,
 Что ладный сын и добрый внук
 К весне родится. И хочу я,
 Чтоб он не знал отцовых мук.
 Пусть будет и красив, и статен,
 С богопочтительной душой,
 Трудом и честью своей знатен,
 Любовью к ближнему святой.
 – Любаша, свет мой, как я рада,
 Внучок ли, внучка – всё одно!
 И мне господняя награда
 Под старость стукнула в окно.
 И, видя, как старуха млеет
 От счастья, Люба не смогла
 Сказать, что смрадом диким веет
 Из потаённого угла.
 Вернулся Дмитрий: кони в мыле,
 Корзины, полные даров,
 В охапке. Дверь – ногой навывлет...
 – Не пьян ли?
 – Трезвый, жив-здоров!
 Встречай, жена! Встречай, маманя!
 Летел домой, что сизокрыл...
 А ну-ка, нараспашку ставни...
 Я зе-емли Ка-аменки-и куп-и-и-л!
 Река и лес, луга, дороги,
 Ручей, бугор – вся наша. Вся!
 Кто долго спит – тому уроки.
 Застряла кость – откашляйся!
 Теперь поставлю на колени
 Весь край! О, как я легкокрыл!
 Все годы тягостных мучений
 Печатью гербовой накрыл.

 Давай кричи, вопи, беснуйся,
 Сапожник, пекарь, смолокур,
 «Откуда счёт?» – интересуйся.
 А я скажу: «С дублёных шкур,
 С худых локтей, до крови стёртых,

С ногтей, от щёлочи кривых,
 С коростных плеч, со шрамов
 чёрных,
 С колен в мозолях кровавых.
 Казна моя с косой избушки,
 С печи пустой, с амбарных крыс,
 С гнилой соломенной подушки,
 С похлёбки постной, с бабьих
 «брысь».
 Я свой доход слезой накапал
 И никому не уступлю,
 Кто слово против – мордой на пол
 И растопчу, и раздавлю...
 И столько было желчи в слове,
 Досады, горечи, обид,
 Что запеклось сознание вдовье:
 «В уме ли он, как говорит?»
 – Ты что, сынок, кому грозишь ты?
 Купил, так будь умней других,
 И ангел в гневе неказистый,
 А ты во злобе вовсе лих.
 И те, кого ты так поганишь,
 Не унижали в свой черёд,
 А помогали. Не избавишь
 От стужи душу – знай хлопот,
 Хозяйствуй с помощью на совесть,
 Чтоб славе Каменки не пасть.
 Да и у нас такая новость,
 Что вся твоя померкнет страсть.
 – У вас-то, я пока в отъезде,
 Что здесь могло произойти,
 Уж не беда ль? Так нынче есть где
 Себя от случая спасти...
 – Ты слушай! Люба скоро сына
 Тебе подарит, выйдет срок –
 Вот этот дар дороже клина,
 Дороже всех земель, сынок.
 Ждала жена улыбки мужа,
 Смотрела преданно в глаза,
 А он кивком лишь удосужил
 И мельком глянул в образа.
 В смятенье Люба не решилась
 Спросить про тайный сундучок,
 И долго Господу молилась,
 Чтоб от беды их дом берёг.

Дымит-усердствует заводик,
Дух земляной парит окрест,
В печах не хлеб – кирпич доходит,
На тесте глиняном замес.
Гуртом от нивы плодородной
Снопы последнего зерна
Певуњи-бабы в ситце модном
Везут до общего гумна.
Скрипят подводы у заплота,
Кто разгрузился, отъезжай!
Кипит на мельнице работа.
Богатый нынче урожай.
Спокоен сон селян крещёных,
И хоровод не помешал,
Никто свидания влюблённых
На радостях не запрещал.
И парни с девками гуляли,
Освободившись от забот,
В наиве юности гадали,
Кого какое счастье ждёт.
Среди спокойствия ночного
Одни собаки начеку:
Там выдры с берега другого
За рыбой прыгают в реку,
Там выбивает сельский сторож
Протезом реденькую дробь,
Там хрипло твякает, как свора
Лисиц, прикаменная топь,
Там голубь уркает довольно,
Там петь готовится петух...
И всюду грядочный, подпольный,
Ржаной, льняной, молочный дух.
Митяй ещё до свету вышел,
Хозяйским глазом оглядел
Сараи, бани, окна, крыши...
Туман осенний поредел,
У горизонта лес румянит –
Ещё по стёклам не горит.
«Не слишком ль долго спят селяне?
Пожалуй, будет лодырь бит».
Но где-то скрипнула калитка,
Взвилась колодезная цепь...
А тут и солнечная нитка
Прошила пахотную степь...
– Добро ли спал, хозяин честный?

– Благослови, Господь, ваш дом...
– Поклон тебе...
И Митьке лестно,
Что пригибаются гуртом
Его наймиты, работники,
Мастеровые, батраки.
Шуршат потёртые сермяги,
Скребут гвоздями башмаки.
– На что вам знать, как почивал я?
Гляжу, ленивых что-то тьма,
Полдня валяетесь, что свалья,
На труд ни силы, ни ума.
Ещё увижу – солнце яро,
А мой завод без трубачей,
Такую вам устрою свару,
На склеп не хватит кирпичей!
И, погрозив кнутом плетёным,
Пошел Устричку сторожить –
Не догляди, лозняк зелёный
Скотина примется крушить,
А там, глядишь, бугор заденет,
Копытом камень сковырнёт,
И все поймут, где столько денег
Хозяин каменный берёт.
Побрел в завод мужик угрюмый
Хозяйский множить капитал
И меж собой:
– Сказал, прибью, мол.
– Да это он со зла сказал.
– А что серчать, ему ль не ведать,
Как ест глаза горячий пот.
– Неужто он меня, соседа,
Что хлеб и кров давал, прибьёт?
– Когда то было! Нынче пряник
В гостинец дай, он не возьмёт –
Так непочтителен. А дряни
В речах, аж оторопь берёт.
– Из наших он. Да где-то, видно,
Нашёл деньгу. Обманом влез
В доверье к нам. И то обидно,
Казался – ангел, вышло – бес.
– Послушай, Прохор, ты про беса
Спроста сказал аль знаешь что?
Я как-то раз иду из леса
Устричкой, – было пить грешно, –

Гляжу, кажись, огонь плутает
По склону. Братцы, я не трус,
Но и меня рога пугают,
Присел я, эдак-то крадусь...
– И кто с огнём? Неужто нечисть?
– Один затылок разглядел,
Но кудри знатные, по плечи,
А после он треух надел.

Я вот к чему – его волосья,
Как спину вижу – он был, он!
Нечист душой, оттуда злость вся.
– Умён-то в меру, да жадён...
– Про те огни молчи покамест,
Трепло у баб, а ты мужик –
Ещё не то увидит зависть,
И, вторя ей, соврёт язык.

— 7 —

Раз перед новым годом Прохор
За хлеборобов бить челом
Пришёл. От тяжких дум иссох он –
Всё заграбастал веролом.
Любаша тут же к самовару –
Не часты гости в их избе.
– Не хлопочи, чай мне даром,
Поговорить бы по дружбе.
К тебе с поклоном, Дмитр Иваныч,
Ты – голова, тебе решать...
Что ни мужик – то голодранец,
Что ни семья – то нищих рать.
Хлеб в закромах твоих, хозяин,
Со спросом сено и овёс,
Вот и прошу тебя, нельзя ли,
Чтоб мужичок не выл, как пёс?
Вой с голодухи: в избах пусто.
Не то, что зиму, дня не снести,
Пока – картоха да капуста,
Ну, а потом что будем есть?
Издохнет конь, падёт коровка,
Нам без скотины – в тот же путь.
Ты ж сам сказал, в цене сноровка,
А как голодному тянуть?
Сильна двужилностью терпимость,
Но ты без меры не довлей,
Отдай людское, сделай милость,
Детей да жёнок пожайлей.
– Что? Вам отдать мои запасы,
А самому опять с сумой?
Твои слезливые рассказы
Не для меня! Ступай домой.
Жрать до отвала, спать до полдня,
Куски канючить у ворот
Все мастера! Удача-сводня
К Митяю-дурню приведёт,

А он простой, а он не жадный,
Он и последнее отдаст...
Так вот, проситель ненаглядный,
Я щедр, да только не для вас.
Ты сам – рачительный работник?
Каков в трудах – таков доход.
Нет, до чужих хлебов охотник,
Сутяга, лодырь, пьяный мот.

– Я думал, это бабьи слухи
Про твой характер нелюдской...
Забыл, как сам приполз на брюхе,
Как сухари грыз в мастерской?
А нёс тебе бадью картохи,
Шматочек сала, куль крупы
Тот самый мот и лодырь. Крохи,
Но от души. Мы не скупы.
Секрет, как ты богатство нажил,
Узнаем. Уж навряд ли свят.
Находка это или кража,
В казённом доме уяснят.
Я вспомнил, как порой морозной
Мы с сыном ехали рекой,
Нас напугал у мели грозной
Довольный выкрик. Глас-то... твой.
Не больно сказкам разным верю,
Но соберу-ка мужиков,
Копну бугор-от, вдруг да двери...
Узнаем, твой секрет каков.
Слыхал и я парнишкой байки
Про эти чёртовы места.
Жить откровенно, без утайки
Тот может, чья душа чиста.
А посему, прощай, хозяин.
Иконы в золото одел
И в церкви милуешь, как барин,

А у Христа не обрадел.
 Ушёл сосед. Молчит Любаша,
 На голбце мать прогнала сон,
 И гадко им. Но Мите гаже,
 Что в самом тайном уличён.
 Пугают мысли: «Что он знает?
 Какой-то крик... Не пьян ли был?
 А вдруг и вправду разболтает,
 Обыщут, скажут – утаил.
 И не видать добычи честной,
 Я ж сам старался, не украл...
 Идти, пока не всем известно,
 К нему и...в горлышко кинжал».
 Смурна декабрьская погода,
 Пороша ль, изморось – ни зги.
 На скользких колях огорода
 Ворон поникшие комки,
 Собаки тощие, как палки,
 Без толку тычутся в кусты,
 Но с глаз упрятанные свалки
 Давно без крошева пусты,
 И псы голодные не лают,
 Им больше глотка не нужна.
 Иная, мертвомерно больная
 По тропкам бродит тишина.
 По-воровски сгибая шею
 И озираясь на ворон,
 Спешит укрыть за галдарею
 Димитрий чёрный капюшон.
 Рабочий день окончен. Прохор
 Устало шлёпает домой,
 Задумчив, голоден и мокр он.
 Вдруг оклик:
 – Стой, Михалыч, стой!
 Поговорить бы, Прохор, надо
 Про нужды наших посельчан, –
 Митяй, кивая из засады,
 За угол манит, где бурьян.
 – Поговорить? Идём-ка в хату,
 В тепле сподручней толковать.
 – Я ж без свидетелей, как брату,

Хочу всю правду рассказать.
 Идёт за ним наивный Прохор,
 Не сознавая, что к чему,
 Спиной не чувствуя подвоха,
 Усталый разум, как в дыму...
 Вот жалко твякнула собака,
 Вот крыса спряталась в кустах...
 И вдруг по темени с размаха –
 Удар! Не слабый был размах.
 Упал мужик, сломил колени,
 В бурьян уткнулся бородой.
 – Вот так мы лечимся от лени
 И от болтливости хмельной. –
 Принаклонился Митька к жертве, –
 Живой ли, нет? – запястье сжал,
 И тут же, будто дичь на вертел,
 Нанизал горло на кинжал.
 Последний раз несчастный хрипнул,
 Из-под ресниц стекла слеза...
 Убийца нож безразлично выпнул
 В сугроб – и, крадучись, назад.
 Обмыл лицо и руки в луже,
 Очистил глину с каблуков
 И преспокойно сел за ужин
 Из материнских пирогов.
 Искали Прошу. День на третий
 Решили – с горя загулял.
 Но как-то раз играли дети
 За тем углом, бурьян привял,
 И обнажился ворох странный,
 Мальчишки ближе – Бог ты мой! –
 Лежит и вправду, будто пьяный,
 А развернули – неживой.
 Слушок пополз по краю мерзкий,
 Что есть-де в Каменке злодей,
 Под мышкой прячет нож турецкий
 И нападает на людей.
 Властям, что розыск проводили,
 Попался Ваня-дурачок,
 Его и взяли. Осудили,
 В Сибирь сослали – и молчок.

— 8 —

День еле слышным отголоском
 Растаял в рыхлых облаках.
 От пустоты во взгляде жёстком

Одолевает Любу страх:
 «А ну как муж и есть убийца,
 Сама с рубахи смыла кровь?»

Пелёнку шьёт, спросить боится –
Грозна насуспенная бровь.
Митяй молчание заметил,
Но по себе истолковал:

«И свет в окошке ей не светел,
Совсем, видать, избаловал».
– Ты что сера, как чайный сахар?
Занемогла, давай к врачу
Свезу, пускай учёный знахарь
Недуг поправит – заплачу.
– Спасибо, Митенька, не стоит.
Рожу, хвороба заживёт,
Меня ж младенчик беспокоит,
Пинает ножками в живот.
– Уж береги мне сына, Люба,
Я сам за домом догляжу.
Обидит кто хоть словом грубым,
Будь сам Господь – не пощажу.
Иголка выпала у бабы:
С такою яростью сказал,
Что рот его скривился набок,
Звериный выказав оскал.
– Ну что ты злишься, друг
сердечный,
Меня никто не колыхнёт.
Всё по душе – и край заречный,
И рассудительный народ,
Глупец, и тот не мыслит худа,
И ты за камнем не тянись.
Не оттого ль твоя остуда,
Что Жаден-ключ питает мысль?
– Как ты смело заговорила!
Упрёк престранный – жаден стал.
А не за бедность ли – забыла? –
Меня народ твой исхлестал,
Не я ль у ног поповских ползал
В слезах бессильных да в крови,
В такой источник был устосан,
Что делай лодку да плыви?
Разбогател, родитель ручку
Мне пожимал и целовал,
Свалил на божью волю взбучку,
А сам на деньги уповал:
Раз без богатства – без поповны.
А я другой-то не хотел.

– Тогда ответь, трудяга скромный,
С каких ты дел разбогател?
– О том молчи! Одно ответчу:
Не грабил я, не убивал.
Печатью тайной был отмечен
И в страхе деньги добывал.
Напрасно грудь сверлишь упрёком,
Что скуп, неласков, нелюдим,
Сама ж не скажешь полнамёка,
Что и желанен, и любим...
– Ну что ты, я с тобой, мой бедный.
Боль уберу, сомну печаль.
Но... всё же... пусть родник
скаредный
Иссохнет на сердце – не жаль.
Любя супруга и жалая,
Подозревая чёрным сглаз,
К ведунье, бабке Пелагее,
Украдкой Люба собралась.
Жила знахарка на отшибе,
Куда зимой забродит волк,
В жуках, грибах, чешуйках рыбьих,
Каменьях, травах знала толк.
Пропахла сирая избушка
Сенной трухой, дымком седым.
Старалась мудрая старушка
Помочь несчастным и больным.
Вот к ней, что к матушке родимой,
Пришла молодка рассказать
Про то, как мается любимый,
Как по ночам не может спать.
Рассказ послушала знахарка
И покачала головой:
– Мне не его, голубка, жалко –
Тебя. Доскою гробовой
Накрыт ваш дом. И смерть витает,
И точит косу ...по тебе.
Конец печальный наступает
Твоей безрадостной судьбе.
Я знаю всё об этом парне:
В утробе лысого бугра
От глаз людских в глубокой тайне
Сундук нечистого добра
Хранился. Митя то проведаль,
Нашёл и в каменной глуши
За обладанье кладом предал

И святость, и тепло души,
Став ледяным и бессердечным,
Пошёл неправедным путём.
Он обречён в страдание вечном
Гореть мучительным огнём.
Я чую запах страшной смуты,
Ответит скоро сын вдовы,
Всё туже дьявольские пути
Вокруг бедовой головы.
И над тобой проклятье кружит –
Рождён не будет твой сынок:
Иль сердце хрупкое не сдюжит,
Иль поглотит тебя поток.
Ты слушай – это доля правды,
Вся правда в том, что твой супруг
Убивец лютей, злобонравней,
И Прохор – дело его рук!
Захолонуло сердце Любы:
– Не может быть...не может быть!
Согласна, златом душу губит,
Но чтоб товарища убить...?
– Тогда зачем пришла ко мне ты
В надежде, что не знаю я,
Как ты кровавые приметы
Стирала с мужнина белья?
Помочь? Но я помочь не в силах.
Тебе ж один совет – беги,
А вдруг спасёшься от могилы...
Дитё хотя б побереги...
Слезой застывшей на дорожку
Упало Любино кольцо,
Сухой репей схватил за ногу,
Осина плюнула в лицо,
За косы ветер ухватился,
Рванул, на темя сыпнул снег:
«О, Боже, мальчик мой забился,
Побег? Какой уж мне побег».
С репьями в платье, в потной влаге
Она на мельницу спешит,
Полна отчаянной отваги
Сомненья страшные решить.
Едва вбежала, что же видит:
Сечёт мучную пыль змея –
Нагайка хлесткая у Мити
В руках поднята для битья –
Подсторожив мужичью спину,

Впилась в худые позвонки,
И кровь, что ягоды рябины,
Упала гроздью на мешки.
Всклип мужичка в ладони ткнулся,
Но не опомнился тиран,
Безумной пеной захлебнулся
Оскал его от вида ран.
– Опомнись, Митя, брось нагайку,
И без того несносен гнёт!
На громкий окрик молодаяки
Сбежался мельничный народ.
Суровы лица, взгляды хмуры,
Стоят стеной к плечу плечо.
– Я вас не звал! У бабы-дуры
По языку вода течёт,
Что ни увидит – располощет,
Что ни услышит – растрясёт.
А этот плут-святые мощи
Ленив, с мешком едва ползёт.
– Хозяин, ты не трожь Ивана,
Вчера он жёнку схоронил.
Мы все здесь поздно или рано
Падём от голода без сил.
Такой урок, что ты назначил,
Нам не нацепит ордена,
Тебе – почёт, а нам – задача:
В живых застанет ли весна?
Был год – дород, замок пудовый
Хранит наш труд и горький пот,
Но ты, чинам служить готовый,
Всех уморишь, не сдашь оплот.
– Корить, смутьяны, сучьи дети?
Прошу с укорами не лезть!
Что есть у вас, язык да ветер...
– У нас, хозяин, души есть!
Упала Люба перед мужем:
– Отдай им, Бога не гневи,
И хлеб, и корм скоту. Натружен
Мужик. Спасение яви.
Ответь себе, чего ты хочешь?
Безмерный твой сундук открыт,
Бери...
– И ты сейчас схлопочешь!
– Не человек ты, а гранит,
Непробиваем. В месте гиблом
В обмен на душу взял заём,

Не обо мне ты думал, милый,
 О славолюбии своём.
 И сына нет в твоём сознание,
 Одни слова!...одни слова!
 За что казнишь? За что изгнание?
 Прости, я тоже неправа:
 Тогда бы мне тебя утешить,
 Бежать за тридевять земель
 И, как коня лихого, спешить
 Твою обиду. А теперь...
 Противно жить в глухих хоромах,
 Касаться хлеба и питья –
 Мертвец глядит из захорона,
 В углу мерещится петля...
 – Молчи, жена, поповья стерва,
 Меня поносишь, баба-дрянь,
 Разуй глаза, я, может, первый
 Кому печать досталась! Встань!
 За то, что ты при жалком сброде
 Посмела жизнь мою судить,
 Тебя на ближнем огороде
 Велю распять и осквернить.
 И будто молотом кузнечным
 Жену ударил кулаком,
 В припадке гнева бессердечном
 Отпнул гадливо сапогом
 И удалился, хлопнув дверью.
 Метнулись к Любе мужики:
 – Беги, родная, зверь он, зверь он,
 Потом не слижешь синяки.
 – Где муж?
 – Ушёл.
 – Подняться дайте,
 Найти его, догнать должна.
 Меня собой не заслоняйте,

С его грехов и я грешна.
 Какой ни есть, у аналая
 Я клятву верности дала,
 Блюла, покуда был в героях,
 А как низвергли – предала.
 Шатаюсь, выползла вдогонку,
 Нашла – стоит он у плотин,
 На ледяную глядя корку
 Воды. Один. Совсем один...
 Услышал шорох, оглянулся:
 – Расцеловалась с мужичьём. –
 Вдруг живота рукой коснулся, –
 – А ну признайся, это – чьё?
 – Ты что, Митяй, я шла мириться...
 – А я с тобой не воевал,
 Тебе в покое не сидится. –
 И снова пенится оскал.
 – Прости, коль что не так сказала,
 Прости, – и кинулась на грудь.
 Он оттолкнул. Шатаюсь, встала.
 – Не загораживай мне путь,
 Уйди, пока ещё держусь я! –
 Опять толкнул жену в живот.
 Переломив перилец брусью,
 Упала Люба на заплот,
 Не зацепилась, покатила,
 Сползла, скользая, под колесо...
 И под водой кипучей скрылась
 Коса – винновый поясок.
 Метнулся Митька по заплоту:
 – Эй, кто-нибудь, скорей сюда! –
 Но опоздал. Свою работу
 Мгновенно сделала вода.
 За гробом всё село тянулось,
 И не жалели люди слёз...

— 9 —

Дороги с вечера коснулась
 Метель, а утром пал мороз.

Меланья грустно у окошка
 На чистородный снег глядит,
 Над нею луковая мошка
 Тоской занудною дрожит.
 От Рождества второй ли, пятый
 Проходит день – ей всё равно:

Не ткёт судьбы паук треклятый
 На белый саван полотно.
 Слезой приправленную горесть
 Хлебают бывшая свекровь,
 Стараясь вытравить иль совесть,
 Иль материнскую любовь.
 Не ждёт она ничьей подмоги,
 Её беда, и ей решать –
 Иль Ваньку глупого в остроге

Своим родительским судом.
 Забыл о Прохоре, о Любе,
 О нерождённом сыне, им
 Желанно ли в сосновом срубе?
 Тебе же ускользнуть, налим?
 – Зато оставили в покое.
 И ты заткнись иль не моргну,
 Сейчас вот этой вот рукою
 Башку, как курице, сверну...
 Рычит, глаза остекленели,
 Слюна пузырится, течёт.
 – Убил бы всех... так надоели,
 Прижал бы... всех... наперечёт.
 И, растопырив пальцы, тянет
 К Меланье страшную ладонь...
 – О, Боже! Неужель суда нет
 На сына-изверга? Не тронь!
 Но он, безумьем распалённый,

Пугая почерневшим ртом,
 На прядях, горем убелённых,
 Сплёл пальцы мертвенным жгутом.
 Глаза старухи закатились,
 Побагровела кожа щёк,

Лишь звуки хриплые пробились
 Сквозь зубы: «Про-кли-на-ю...
 прок...».

Безумец долго с наслаждением
 Мать бездыханную терзал,
 Устав, с брезгливым отвращеньем
 Навозом тело закидал.
 А ночью, не вина, не хая
 Себя, пред образом стоял:
 – Не я злодей...она плохая...
 Я ж не убил... я ж наказал.

— 10 —

Митяй в углы глаза таращит,
 Играет связкою ключей.
 Из темноты запечной тащит
 Подземным духом кирпичей,
 Давно не гретых, неуютных.
 Сквозняк в нетопленной избе,
 Лишь грязный лёд на стёклах
 мутных

Да снег, скользкий по трубе.
 Открыт сундук. В горсти камня,
 Монеты звякают об пол,
 Хозяин злата на коленях
 Сбирает жизнь свою в подол,
 Считает, снова высыпает,
 Кидаёт в угол медяки...
 Не смотрит в зеркало, не знает,
 Что в белом инее виски.
 И каждый шорох у порога
 Его бросает в жаркий пот:
 – Ворота закрыты, дорога
 Чужих сюда не заведёт.
 Близуйте, маленькие солнца,
 Мои калёные рубли,
 До вас никто не доберётся –
 Ни мать, ни рать со всей земли.
 Мои красавицы морские,

Царицы солевых глубин,
 Мои осколки колдовские
 Хрустально-каменных вершин,

Мои сапфиры и гранаты,
 Потомки солнца и луны,
 Вам достославные палаты,
 А не хлева мои нужны.
 Я вас люблю и не желаю
 Какой другой любви без вас,
 Я с отвращеньем вспоминаю
 И нищеты, и боли час.
 Вы молчаливы, бессловесны
 И этим други и родня,
 И даже сам Отец небесный
 Вас не отнимет у меня.
 Пусть подойдёт к моей утехе,
 Пусть только руку обнажит,
 Я, как червяк в гнилом орехе,
 Что ест и тут же сторожит,
 Не дам и Богу злато-пищу.
 Пусть без моих друзей живёт,
 Пусть для себя забаву ищет
 Тем, что вращает небосвод.
 Да что мне Бог! Я эту землю,
 Коль захочу, так всю куплю!

Рыдания? Их я не приемлю.
Упреки? Их я не люблю.
А власть? Я знаю, как мне править –
Вот мой министр,
Вот мой закон –
Они правление прославят
Так, что свернётся Божий трон...
Но тут неясное волнение
Прервало выпретенную речь,
Митяй застыл в оцепененье,
Уставясь на пустую печь.
Там, в темноте сырого зева,
Мелькнули жёлтые огни,
И кто-то чёрный, как из чрева,
Из цела высунул ступни.
Раздался стук, затем ещё раз...
И перед носом мужика
Не чугуны, не жжёный хворост –
Два чужака сползли с шестка.

Переглянулись, отряхнулись
И улынулись мужику:
– Ну, здравствуй, мы к тебе
вернулись.

И тут же взоры к сундуку.
– А покажи своё раденье:
Что уберёг, а что растряс?
У нас такое подозренье,
Что ты умножил наш запас.
– Не ваш, а мой! Моё богатство!
Я вас не звал! Я...вас... не ...ждал...
– Да так ли? А кому ты в рабство
Отдать себя пообещал?
И так уж истово трудился,
Так кровь людскую проливал,
Что трижды кладёц обновился
И приумножил капитал,
Но мы свои пределы знаем,
Пора рассчитывать, друг.
– Прочь! Вы своим бесовским лаем
Меня не взяли на испуг.
Да чтобы я чертям паршивым
Давал за золото ответ?
Ни сундука и ни души вам!
– А у тебя души и нет.
– ..?

– Да ты себе, должно быть,
снишься,
Не веришь нам. Так бей же, бей
По сердцу – всё не достучишься
До дна, где нет души твоей.
Митяй опешил: он бездушен?
Он из прислуги сатаны?
Ведь он и сыном был и мужем...
Не сны ли были? Нет, не сны.
– Ну, не отчаивайся, братец,
Утешься цепью золотой,
Надень бриллиантишко на палец,
Возьми заколку с бирюзой.
Ах, видно, ты устал, бедняга,
От пересудов и молвы,
Что вдруг – казённая бумага,
И – не доносишь головы.
Враги придут сюда, узнают,
Чем ты владеешь, и тогда
Не мы, а «лодыри» залают
И закусаят без труда.
– И что мне делать, как сберечься,
Как ускользнуть из-под суда?
От драгоценностей отречься,
Когда они придут сюда,
Отдать, позволить хapaть вволю,
Смотреть на пир со стороны?
О, повелитель, не позволю!
Войны, я требую войны!
– Давай, громи, круши христовых,
Гони их, смейся, обвиняй,
Топи в земле в гробах сосновых,
Но брать своё не позволяй!
Ты можешь всё, но вот задача:
Их много, трудно одному.
Мы первый признак неудачи
Уже нашли в твоём доме –
Грязь, запустенье, лютый холод.
Об этом ты тогда мечтал?
А ты ещё силен и молод
И яркой жизни не видал,
Ещё не царствовал, не правил,
Не пресыщался остротой,
Тебя ещё поэт не славил,
Приподнимая над толпой,
Ты не плясал, не веселился

Среди бесстыдных ворожей.
– Но я же был женат.
– Женился
На этой дурочке своей,
И что она дала? Усладу?
Забвеньё? Негу? Ни-че-го!
– Чтоб жить так, надо ближе к аду,
Он под ногой, да далеко.
– Вот-вот, а ты о нас подумал?
Рискуем, можем и попасть
Да с треском, да с проклятым
шумом

Псу-волкодаву прямо в пасть.
Толпу-собаку не удержит
Ни крюк дверной, ни загород,
Едва в селе рассвет забрезжит,
Найдёт твои грехи народ,
Тут на пощаду не надейся –
Кто у крыльца в снегу лежит?
– Да, как верёвочка ни вейся...
– Не весь клубочек-то разлит.
Опреди толпу, не мешкай,
Не будет милости – казнят!
А ты им дулю – и с усмешкой
Клубочком да на волю, в ад.
– В ад?
– Только там, в земных глубинах,
Ты сможешь барствовать опять,
На ненавистных грешных спинах
Кнутом картины рисовать,
Зорить бездельников до нитки
За то, что им работать лень,
И не муку считать, а слитки
В мешках без устали весь день.
А мы уж с краю – оборона,
Чтоб не мутилось бытие.
Там будет скипетр и корона,
Держава – царствие твоё!
Перехватило дух у Митьки,
Руки дрожащей не сдержать:
– И правда, жизнь – одни убытки,
То тем, то этим дай...Бежать!
Они вползут, а Митьки нету...
Они туда-сюда... Где он?
Валяй, ищи меня по свету,
А я в аду и за столом!

Уж попадись тогда мне в руки
Печник и плотник, и кузнец,
Уж я тогда, не зная скуки,
Себя потешу наконец.
Уж я тогда...а где тут было...
Я всё изладил...ха-ха-ха,
Все говорят, поможет мыло...
И он, не осознав греха,
Захлопотал, засуетился,
Прикрыл сундук, на крышку влез...
И сам на белый лоб свалился
Аркан.

Откуда бы? А бес
Пеньку на прочность опроверил,
Длину поправил, ширину
И отошёл.
Другой у двери
От нетерпения – в струну.
Ждут.
У несчастного Митяя
Своё спасенье на уме:
«Останусь – будто негодяя
Сгноят в завшивленной тюрьме.
Припомнят всё: и матку-дуру,
И слабоумную жену,
И Прошки язвенную шкуру,
Что я так вовремя проткнул.
Мои старанья и страданья
Растащат по гнилым дворам...
Ну, нет! Себя на поруганье
Я этой голи не отдам!
И с думой, что петлёй исправит
Свою дорогу без труда,
Безумец резко шею давит
И затихает навсегда.
Вот так, в своей, казалось, воле
Ушёл преступник от тюрьмы.
Всю ночь метель кружила в поле,
Ровняя доли и холмы,
Пугая диким завываньем
И непроглядностью густой.
А утром снег, что новотканье,
У стен обители святой.
Холсты заметили сельчане:
«Господь сподобил – чистота!
Уж не покрыты ли страданья,

Уж мы не снова ль у Христа?». В снегу по ворот зипунишки – Спешат дорожки протоптать Нетерпеливые парнишки – Из-за сугробов не видать. На том конце, где Митька-пришлый Шугал играющих мальцов, Смех оборвался:
– Дом-то, ишь ты,

Смердит как десять мертвецов.
– Ворота настезь...дверь открыта...
– С петлями ставни на снегу...
– А там, у конского корыта, Как будто кто лежит... Бегу Я за отцом! – Сорвался парень И что есть духу побежал: Там, во дворе, попав под ставень, Меланьи-бабки труп лежал.

Эпилог

Весна!
И трудно, и отрадно
Вступать в весеннюю страду.
Ещё вчера щипало стадо
Гусей камышинки в пруду,
А нынче травы в полный выпас –
И пожевать, и поклевать.
И даже дряхлый старец выполз
На тёплый воздух погулять.
Просторы солнышком умылись,
Пшеничка добрая взошла...
Всё ладно. Только не забылись
Зимы ужасные дела.

И на Васильевском погосте,
Где голубям да галкам пир,
Где с поминаньем «ходят в гости»
Ко всем, кто в благи почил,
Покрылись первой чередой
Два неухоженных холма –
Свекровь бок о бок со снохою.
Лишь проходящая сума
По наущению Господню
Кусочек хлебный раскрошит,
Плевком помянет преисподнюю
И к ранней службе заспешит.

Всё рассказала, что узнала.
А я ведь видела тот холм –
Он нынче съёжился устало,
Просел, закрылся ивняком.
И не подумаешь, что злато
Когда-то было под землёй,
Так неприметно, небогато
Здесь нарастал за слоем слой.
Зимою снежная рубаха
Уже не тает без причин,
И старики не помнят страха,
Что навевал бугор в ночи.

Но вот что странно: под горою
Ни лещ, ни щука не живёт,
А землю ни кроты не роют,
Ни расплодившийся енот.
Ни разу заячьего следа
Никто не видел на горе,
И ни один охотник ведать
Лыжню не выложил к дыре.
Кто знает, что внутри творилось.
Легенда – правда или ложь?
Была ли смерть как Божья милость
Иль всё же гибель ни за грош?

Алла Седова

Алла Александровна Седова родилась в 1938 году в Костроме, детство и юность прошли в городе Тотьма Вологодской области. Окончила Тотемское педагогическое училище и историко-филологический факультет Вологодского педагогического института. Работала в Кипеловской школе, Доме пионеров, на Вологодском судоремонтном заводе, в ЦНТИ, в партийных и советских органах. Ныне пенсионер. Автор двух поэтических сборников «Стихи для друзей» (2007) и «Солнце и дождик» (2010).

Дети войны

Эвакуация

Когда началась война, мне не было и трёх лет. Жили мы в военном городке города Молодечно в Западной Белоруссии. Отец – офицер, старший лейтенант, мама – учительница. Брату Эдику – три года девять месяцев.

По словам мамы, папа выступил в бой в первые часы, а мы – мама, брат и я – срочно эвакуировались. Ехали в переполненном поезде, в теплячьих вагонах под бомбёжкой. Близ станции Вилейка состав загорелся от попавшей в него бомбы. Как маме удалось довести нас до места, трудно сказать, но мы спаслись, хотя все пожитки потеряли.

Новое место

Прибыли в Тотьму Вологодской области, на родину моих родителей. Маленький городок на реке Сухоне был наполнен эвакуированными из Украины, Белоруссии, Прибалтики, Ленинграда и других городов. Поселились в доме у бабушки Елены, папиной мамы, где жила и сестра папы Анна Константиновна с мужем и двумя маленькими детьми, сёстрами Диной и Таней.

Дом стоял на окраине города и в то же время в центре его, в небольшом переулке, который отделял центральную площадь от речки Песья Деньга. Это был необычный дом; дед в своё время был членом городской Земской Управы, и семья была не из бедных. Опушённый, на каменном фундаменте, дом стоял под железной крышей, у него был балкон, парадное крыльцо и второе, выходящее во двор. Внутри было пять комнат и кухня, высокие потолки, большие окна и старинная мебель.

Во дворе стоял огромный утеплённый сарай, где в былые времена жили лошадь и корова, а также прочая живность. Наверху – сеновал, внизу – ледник. Дом был крайним и стоял на высоком берегу. Отсюда открывался вид на речку Песья Деньга, заливные поля до самой Зелени и полуразрушенную Троицкую церковь в устье реки. Казалось, природа специально подарила такой удивительный уголок для детских развлечений.

Сам переулок разделял овраг. Здесь протекал к реке Петухов ручей. Нам освободили угловую комнату в три окна, одно из которых выходило во двор, а два других на дорожку в переулке и на ручей. Здесь, на противоположной стороне оврага, напротив наших окон находился военкомат, огромное деревянное здание почти во весь переулок.

Отсюда уходили на фронт

В такие дни с утра собирався народ. Играли гармошки, звучали ча-стушки, раздавались на всю округу мелодии духового оркестра. Сколько щемящей грусти было в его звуках! Начинали обычно с мощного призыва песни Александрова «Вставай, страна огромная», её сменяли

грустные вальсы «Берёзка» и «На сопках Манчжурии» и наконец «Прощание славянки». Мужчины с котомками садились в машины и уезжали. Женщины и дети с плачем бежали следом и махали платками и руками. Со многими, ещё живыми, прощались навсегда. Эти картины до сих пор стоят перед глазами.

Детский сад

Себя помню с трёх лет, когда мама меня привела в детский сад, в малышовую группу. Я была наголо подстрижена и в костюмчике брата. Вероятно, он вырос из него, а у меня ничего не было.

Дети подходили ко мне, разглядывали и говорили друг другу: «Новенький мальчик пришёл».

Детский сад №1 был лучшим из всех. Он занимал большую территорию – целый квартал, заросший огромными деревьями – соснами, елями, берёзами, липами, рябинами, а по границе, вдоль оврага с противоположной стороны густели заросли черёмух. Мы боялись спускаться к ручью на дне оврага – берега были очень крутые, да нам и не разрешали воспитатели.

Для игр на территории сада стоял маленький домик с крылечком, настоящей дверцей и окнами, со столом и скамеечками внутри. Здесь мы любили проводить время. Оставляли от еды немножко хлеба, приносили из дома у кого что было: морковь, горох, сушёный картофель и готовили угощения на листочках подорожника. Однажды подготовили «концерт» и пригласили нашу воспитательницу Анну Александровну и заведующую Екатерину Ивановну. Угостили их своим «ужином». После этого по просьбе Екатерины Ивановны нам для игры всегда оставляли на кухне кусочек хлеба. Мы были очень довольны.

В детском саду давали на завтрак 50 грамм хлеба с маргарином и чай, на обед – суп, чаще гороховый или овсяный, кашу и сладкий (на сахарине) чай. На ужин каша и хлеб с маргарином, чай. В праздники вместо каши за обедом – омлет из яичного порошка или оладьи.

В саду нас учили читать, считать, рисовать, вышивать, лепить и заниматься физкультурой. Читать я научилась в пять лет и самостоятельно прочла «Красную шапочку», «Три поросёнка» и «Забавные сказки». Книжки мне приносила мама из школьной библиотеки.

Мы все любили музыкальные занятия. Их вела Сенковская Мария Михайловна. Она работала в педучилище и два раза в неделю приходила в садик. Со мной она занималась отдельно. Учила танцевать. Первый танец, с которым я выступала на утреннике, был танец с куклой. Кукла была совершенно необыкновенная. Она могла закрывать глаза и издавала звуки, похожие на слово «мама».

В садике таких кукол не было. Её приносили лишь для выступления. Ради этой куклы я готова была танцевать сколько угодно. Мария

Михайловна, грузинка по национальности, научила меня танцевать «Лезгинку», «Кабардинку», украинский «Гопак», татарский «Хайтарму», русскую «Кадриль» и другие танцы. Позже, в педучилище, когда я проходила педагогическую практику, мне в руки попало «Личное дело» Поповой Аллы, я прочитала: «На вопрос «кем хочет быть?», неизменно отвечала: «Марией Михайловной»».

Детский сад оставил в моей памяти много хорошего. Первые минуты счастья я испытала в раннем детстве, выступая на праздничных концертах. Меня включали в программу концертов для партийных конференций. Они проходили в педучилище (это было тогда лучшее здание, с большим актовым залом) в торжественной обстановке, сопровождалось необычным обедом. На столах было столько вкусного, чего не было ни в одном магазине, что мы, маленькие артисты, стояли, не веря своим глазам, глядя на нарезанную колбасу, сыр, конфеты, безе.

После выступления каждому из нас давали настоящую плитку шоколада, которую мы даже боялись есть и только вдыхали необыкновенный запах.

Чужие взрослые дяди брали меня на руки и говорили: «Она сама ещё кукла».

Маленькая артистка

Брат мамы, дядя Миша, после ранения приезжал на несколько дней в отпуск. Он приходил к нам в белом полушубке, перетянутом широким ремнём по талии, в белых бурках, шапке-ушанке с красной звёздочкой и с неизменной гармошкой.

Комната сразу наполнялась незнакомым запахом одеколона и махорки. Дядя Миша усаживался на широкую лавку на кухне и начинал играть на гармошке, тихонько напевая. Это были песни военных лет, задушевные и грустные: «Огонёк», «Три танкиста», «Сады-садочки», «В лесу прифронтовом», «Идёт состав за составом» и другие.

Мы, дети, слушали и подпевали, так как знали все песни наизусть. Потом он просил меня сплясать «Кабардинку». Я с удовольствием плясала под музыку его гармошки, а он стучал в такт ногой и выкрикивал «Асса!». Все дружно хлопали в ладоши и просили сплясать ещё. Потом пели мы с братом песни, которые учили в детском саду.

Эдик начинал:

Бабуся, бабуся, зачем тебя ночью
В отряд занесло к нам сюда?

Я отвечала:

По делу, сыночек,
По делу, родимый,
Я шла, не жалея труда.

Потом меня ставили на табуретку, и я громко читала:

Он прилетел на истребители,
Чтобы попасть на ёлку в срок,
Ребята из окошка видели
Его красивый «ястребок».
Он обнял дочку: «Здравствуй, Галенька!»
А та его не узнаёт.
Она с отцом рассталась маленькой,
А он воюет третий год...

Дядя Миша называл меня «маленькой актрисой» и однажды принёс мне билет на ёлку, которую устроили на его работе. Эта ёлка мне запомнилась на всю жизнь. Там я и пела, и плясала, и читала стихи – одним словом, развлекала публику, как могла, а дядя Миша играл на своей гармошке. Все были довольны и, чтобы отблагодарить меня, кроме подарка с гостинцами, мне предложили выбрать любую игрушку с ёлки. Я давно приглядела маленького конькобежца. Он был в белом костюмчике, а на ножках блестящих совсем как настоящие конёчки. Я, не задумываясь, указала на него, и, хотя игрушка висела довольно высоко, мне сняли её с ёлки. Счастье переполняло меня, и я расплакалась. Маленький конькобежец украшал все мои ёлки до последних лет и напоминал мне ту, где называли меня «маленькой актрисой».

Мама и бабушка

Маму мы видели редко. Она работала в школе заведующей и вела уроки сразу в двух классах. Школа находилась на другом конце города. Это была первомайская начальная школа (двухкомплектная). После занятий мама готовилась к урокам, затем обучала грамоте взрослых и ходила по деревням, подписывая население на заём.

Воспитывали нас бабушки. Больше всех занималась с нами бабушка Елена, так мы её называли. Это была уникальная женщина. Она заменяла нам и родителей, и учителей. Бабушка играла с нами во все детские игры. Особенно нам нравилась игра в жмурки.

В тёмном чулане хранилась великолепная маска льва, сделанная из папье-маше. Густая грива льва состояла из многочисленных ленточек – серпантина, из раскрытой пасти торчали острые зубы. Бабушка надевала эту маску и, наводя на нас ужас, двигалась широко раскрыв руки. Мы с дикими воплями и визгом разбегались, стараясь увернуться от её ловких рук.

А когда играли в прятки, бабушка искала нас, приговаривая: «Скрылы, скрылы, скрылы, на липовой ноге, на берёзовом сучке...». Мы забивались под старый диван и сидели там, затаив дыхание и боясь пошевелиться.

Вечерами бабушка усаживала нас на диван и читала наизусть басни Крылова, сказки Пушкина, поэмы Некрасова, стихи Есенина, Лермонтова. Это повторялось так часто, что очень скоро мы знали наизусть «Генерала Топтыгина», «Сказку о рыбаке и рыбке», «Бородино», «Мужичка с ноготок» и все басни Крылова, которые знала бабушка.

На день рождения бабушка всегда пекла пирог для именинника. Это была обычная булочка из чёрной муки, сверху посыпанная крупкой и со сметаной.

Вечерами все жильцы дома собирались в большой комнате, чтобы услышать сводку Совинформбюро. После знакомых позывных звучал торжественный голос Левитана: «Внимание! Внимание! Говорит Москва. Передаём сообщение...» и так далее. Когда наши войска освобождали очередной город, все кричали «Ура!». Мы прыгали, смеялись, а взрослые утирали слёзы.

Однажды мама пришла домой раньше обычного и сказала, что на праздник будут давать американские подарки. Я очень обрадовалась, так как сразу представила красивую куклу, о которой всегда мечтала. Вместо куклы мама принесла костюм для брата. Тёмно-синяя курточка с голубой отделкой, вся в замочках и карманчиках на молнии, и бежевые брючки с металлическими кнопками. Эдик в нём был как на картинке. Куклы не было. И вообще для меня ничего не было. Я горько заплакала.

На другой день мама откуда-то принесла мне куклу с отбитым носом. Бабушка сшила ей платье и на ножки связала маленькие носочки. Не о такой кукле я мечтала, но пришлось смириться. Хорошей куклы у меня так и не появилось. Может быть, поэтому я покупала самые красивые куклы своей дочке.

Наше голодное житьё-бытьё

Жили мы в бедности. Это я поняла позже, а тогда казалось, что все так живут. Весной бабушка перекапывала поля, на которых росла картошка, и потом из серой вонючей массы жарила оладьи. Я не могла их есть, хотя и была голодна. Очень хотелось сладкого, но вместо сахара бабушка делала повидло из свёклы и подавала к чаю. Любимым кушаньем был колоб или жмых из льняного семени.

Бабушка умела гадать. К ней приходили даже цыгане. Приносили или сухарь, или сушёный картофель. Бабушка всё это складывала в плетёную корзину, которая висела высоко на стене над её кроватью. Она доставала свои запасы, когда совсем нечего было есть.

Помню, как к нам в гости пришёл мамин брат. После госпиталя ему дали отпуск на несколько дней. Он принёс с собой немного квашеной капусты. Когда мама вышла из комнаты, я набросилась на капусту, стала хватать её руками и есть. Дядя Миша ничего не сказал, а маме

было очень стыдно за меня, и она заставила меня извиниться за своё поведение.

Я была очень худой, и мама, боясь за моё здоровье, стала хлопотать, чтобы мне дали путёвку в санаторий, где лечили детей (я думаю, дистрофиков). В санатории мне было грустно и одиноко. От еды дурно пахло, и в ней я замечала каких-то чёрных жучков. Я не могла это есть. Воспитательница пугала меня боженькой, который унесёт меня на небо, если я буду плакать и ничего не буду есть. Я забиралась под кровать, прячась от боженьки, и сидела там, укрывшись одеялом.

Мой внешний вид беспокоил воспитателей и врача, и в один из дней мне принесли маленькую куколку, у которой крутились ручки и ножки, и целый сундучок приданого: можно было переодевать куколку. Я ожила и играла с ней, когда внезапно приехала мама. Взглянув на меня, она не раздумывая забрала меня домой. С куколкой пришлось расстаться. Позже я всё время вспоминала эту игрушку.

С тех пор мама каждое утро заставляла меня пить парное козье молоко и давала чайную ложку ненавистного мне рыбьего жира. В шесть лет я весила одиннадцать килограмм.

Хлеб давали по карточкам. Каждое утро, чуть свет, бабушка уходила занимать очередь за хлебом. Магазин открывался в 7 часов, и к завтраку она возвращалась с караваем хлеба. Он был очень ароматный и вкусный.

Однажды на бабушку напал какой-то голодный мужчина, но бабушка не отдала ему хлеб. Она кричала и всеми силами прижимала к себе хлеб, чтобы его не мог отобрать бандит. Не ожидая такого сопротивления, мужчина скрылся, как только увидел бегущих на выручку людей. Бабушка была героем этого дня.

Папа

В начале войны мама получила «похоронку» на папу. Было указано место гибели – река Березина и где захоронен папа.

Мама плакала, а бабушка, раскинув карты, твёрдо сказала: «Он жив».

Но маме назначили пособие на нас, и постепенно она свыклась с мыслью, что папа погиб. Бабушка же время от времени гадала и всегда говорила, что папа жив.

Мой папа Александр Попов воевал в составе дивизии генерала Галицкого, которая попала в окружение в первые дни войны. Папа был контужен и попал в плен к немцам.

Его освободили в 1944 году и сразу отправили на передовую. Он дошёл до Берлина и остался жив. Позже вспоминал, что был словно заколдован, пули обходили его. Мама хранила книжку военного корреспондента А. Полякова «В тылу врага», где написано, как дивизия

генерала выходила из окружения. Там есть эпизод о моём отце. Вот описание боя:

«26 июля наши передовые отряды столкнулись с фашистами. Этот день нельзя забыть. Перед моими глазами развернулась грандиозная картина встречного боя. На нас напоролась средняя колонна фашистской танковой армейской группы во главе с 19-й панцирной дивизией. Генерал Галицкий действовал решительно. Он немедленно ввёл в бой все силы. Наша часть полностью вступила в сражение, имея перед собой фронт в 30 км.

Закованные в железо и сталь, фашистские бандиты ведут наступление в направлении города М. Впереди меня в 300-х метрах батарея Попова. У неё самая жаркая работа, она на дороге. К ней мчится 30 танков.

– Беглый! Прямой наводкой! – еле успевает командовать Попов. Орудия заглушили его команду...

На батарею Попова прорвалось около двух десятков танков. Они прочёсывают огневую позицию Попова, и Попов прочёсывает их. Батареи ворочают орудия, бьют в упор.

Прибегаю к ребятам сразу после схватки с танками. Несколько человек ранено, убит наводчик Галкин. Остальные бойцы, закопчённые дымом, опалённые огнём, с запёкшейся кровью на лицах, стоят среди настоящего кладбища танков. 18 чёрных сожжённых танковых скелетов валяются между орудиями.

– Чья это работа? Кто сколько сбил? – спрашиваю у Попова. Старший лейтенант не спускает глаз с дальней опушки леса, откуда должна выскочить очередная группа фашистских танков. Его смуглое лицо горит возбуждением боя.

– Счёт у нас равный, – не оборачиваясь, отвечает Попов... Два дня шёл этот бой».

Не ждали?

Однажды, когда мама мыла пол на кухне (мыли все по очереди), зашла почтальонка и положила на стол несколько писем-треугольников. Мама поинтересовалась, кому адресованы письма, и вдруг увидела знакомый почерк... письмо было адресовано бабушке Елене. Мама закричала: «Жив он, жив, жив!» Почтальонка, услышав крик, вернулась и узнала радостную новость.

В письме было несколько строк: «Мама, сообщи, живы ли моя жена и дети. Меня освободили... Сейчас на передовой. Может, и выживу. Очень жду ответ».

Ответ был написан в тот же день. Но папа не получил его, не получил и следующее подробное письмо, так как их часть быстро двигалась на запад и почта не успевала за ней.

А когда он получил от нас первую весточку, бойцы качали его и кричали «Ура!».

С тех пор мы получали письма с весёлыми картинками. Папа рисовал отдельно мне и брату. Его письма мы носили в детский сад, и все радовались вместе с нами.

В мае 1945-го года город моментально облетела весть: «Победа!». Было солнечное прохладное утро. По радио звучали марши. Но никто не сидел дома, все бежали на площадь, где народ плясал и плакал, обнимался и пел. Потом играл духовой оркестр. Радость переполняла всех.

Отец вернулся в декабре 1945-го года. От Вологды он шёл пешком 247 км. Зимним утром мы сидели за завтраком. Ели картошку с хлебом, когда дверь распахнулась и в дверях появился обросший солдат с мешком за спиной. «Не ждали?» – сказал он. Мама бросилась к нему со слезами радости. Брат с криком «Папа приехал!» моментально повис у него на шее, я же равнодушно доедала свою картошину. Незнакомый мужчина, совсем не похожий на моего отца (с фотокарточки) не вызывал у меня никаких эмоций. Мама подошла ко мне и сказала, чтобы я поздоровалась с папой. Но папа, скинув шинель, сам схватил меня на руки и прижал к своей колючей щеке. Мне было семь лет.

Стихи для детей

* * *

Наш дом – в стороне
Стоит на горе,
У дома собака
Сидит в конуре.
Она охраняет
Большие ворота,
Но их воровать
Никому неохота.

* * *

Я такой гостеприимный –
В гости каждый день хожу
К бабушке и брату Диме
Потому, что с ним дружу.
А вчера зашёл к Марине
Посмотреть, каких котят
Кошка принесла в корзине...
Но они всё время спят.
Завтра снова к ним пойду,
Потому что на котёнков,
Таких маленьких ребёнков,
Наглядеться не могу.

* * *

Утром меня разбудил воробей,
Громко чирикал над крышей моей.
Я принесла ему хлебные крошки
И набросала крупы на дорожку.

Тут же слетелась дружная стайка,
Вмиг появились ворона и галка.
Быстро склевали и улетели,
Даже «спасибо» сказать не успели.

* * *

Дождик весело стучал
Молоточками по крыше,
Но к обеду перестал:
Видно, очень он устал.

* * *

На дворе большая лужа,
Как огромная река,
В этой луже, как по небу,
Проплывают облака.
Я боюсь ступить ногой,
Вдруг живёт там водяной?

Татьяна Синицо

Татьяна Алексеевна Синицо родилась в 1942 году в посёлке Воронино Усть-Кубинского района Вологодской области. Окончила физико-математический факультет Вологодского педагогического института. Работала в системе УВД. Автор поэтического сборника «Татьянин день».

Просто сено

Взмахнёшь косою по росе,
И вот легли на полосе:
И колокольчик луговой,
Поникнув синей головой,
А тут ромашка полевая
Стыдливо лепестки роняет,
И василёк, и одуванчик,
Отбросив пышный свой тюрбанчик.
«Коси, коса, пока роса.
Передо мной земли краса.
Лежит трава так пышно, пенно,
А получилось... просто сено.

Дудкино

Видите? Высокий косогор
И широкий луг, тесовый двор.
Здесь теперь нашла я свой приют.
А деревню Дудкино зовут.
В ивах коростель скрипит старухой,
Бьёт родник
С названьем странным Шлюха.
Тут духмяно-сочная трава,
Как вдохнёшь – так кругом голова.
На траве алмазная роса,
Где её не тронула коса.
Рано утром солнышко встаёт
И петух заливчато поёт.
А кругом такая тишина,
Что букашка каждая слышна.
Прожужжит
Мохнатый толстый шмель,
Липой густо пахнет, зреет хмель.
А малинник рядышком в лесу,
В тарке с внуком ягоды несусь.
Собираю там цветы, коренья
И варю пахучее варенье.
Яблоков нарву я короб полный
И вино поставлю в погреб тёмный.
Тут грибы я собираю с дочкой
И солю их в старой крепкой бочке.
Отдыхаю я душой и телом,
Хоть и не сию я тут без дела.
С внуками играю и пою,

С утренней зарёю говорю.
Вечерами летом так светло:
И луна, и солнце за окном.
У крыльца присядем на скамью,
Внуки сказку слушают мою.
Тишина. Комар пищит над ухом,
Отцветает липа под окном.
Спит деревня. Тишину я слушаю.
Всё укрыто тёплым, мягким сном.
А когда совсем я утомлюсь,
Я тихонько Богу помолюсь.
 Попрошу покоя и тепла,
Чтоб спокойно спать мне до утра.

Чудо-агрегат

Среди горницы большой
Агрегат стоит огромный.
Спереди он расписной,
Из кирпичной кладки ровной.
Вспомни нужное словечко.
Ну, конечно, это... печка.
Кормилица, поилица,
Сушильница и мыльница.
Как устроен агрегат?
Мы рассмотрим всё подряд.
Здесь у печки есть шесток,
А над ним в трубе дымок.
Устье – это в печку вход,
А за устьем – это... под.
Под, а над широким подом
Развернулась печка сводом.
Есть у печки рычаги.
Ты назвать их помоги.
У неё одна нога,
Да ведь это... кочерга.
Этот – с круглыми рогами
Подружиться хочет с вами.
Чугуны он ставит в печь
Суп варить, картошку печь.
Кочерге родной он брат.
Называется... ухват.
Сбоку тут печурка есть,
Помогает наверх влезть.
Зимой, мне надо не забыть,
В них можно варежки сушить.

Печь работает непросто.
Вот в руках у нас берёста –
Для растопки лучше нет.
Есть ещё один секрет.
Для работы агрегата
Мы на под кладём дрова.
Ну-ка, лучшие какие?
О каких идёт молва?
Вот о них я говорю,
Их везли в Москву царю.
Из ольхи готовят их, не ленятся,
Складывают в длинные поленницы.
Открывай трубу и вьюшку –
И работай, печь-старушка.
Хочешь пироги испечь –
Прокали получше печь.
Под прогрей углём калёным:
Жёлтым, синим и зелёным.
Закрывай не бойко жар,
А то получится угар.
Начинку с тестом приготовь заранее,
На противни – и с жаром на свидание.
Заслонкой печку закрывай,
Жар из неё не выпускай.
Хороши из русской печки
Щи, жаркое, каша гречка.
Но скажу, конечно, откровенно я,
Пироги прекрасные, отменные.
Пышки, кренделя и куличи,
Калитки, рыбники на стол мечи.
Ум отъешь,
Язык проглотишь, говорят.
Вот какой у русских агрегат.
Никакому гамбургеру, пицце
С русским пирогом и не сравниться.
Говорят, что всё от печки.
Очень верно говорят!
Стой и грей нас печка вечно,
Русский чудо-агрегат.

* * *

Маме рыбку я дарю золотую.
Но заранее я с ней потолкую.
Рыбке этой золотой дам задание,
Пусть исполнит мои три желания:
Чтоб работу ты нашла поскорее

И любила бы меня посильнее.
Ну, а третье я тебе оставляю,
Загадай, чего сама пожелаешь.

Но желанья не сбылись, точно знаю.
И грустит за стеклом
Рыбка золотая.

Тоска

Беспричинная тоска –
Хоть ты тресни!
Словно кто-то мне принёс
Плохие вести.
Обуяла, обнесла, охватила.
Забрала меня в тиски
Злая сила!
Злюсь на всех, на вся, на всё,
Как собака.
Но держусь, молюсь, креплюсь,
Чтоб не плакать.
Перемою, перетру, оклемаюсь!
Но и дурой на бобах
Не останусь!

Баня

Чтоб исправить настроенье
Или взять себя в узду,
Собираюсь и, конечно,
В баню с веником иду.
В горле лёгкое першение,
Поясницу гнёт в дугу –
Собираюсь, без сомненья,
В баню с веником бегу.
Поддаю я жару круто,
На полочк взбираюсь ввысь.
Паром, жаром, жаром, паром –
Ну, Татьянушка, держись!
Поддадим ещё разочек.
Ох! И Ах! И тут же Ай!
Сбрызнем чуть и хлещем сочно,
И душа помчалась в рай.
Вот уж кайф! Какая нега!
Мил берёзовый парок.
Разотрუსь у бани снегом,

Да и снова... на полок.
Веник пляшет так и эдак!
Ну-ка, жару поддавай!
После бани к самовару –
И горячий, крепкий чай.

Деревенька моя

Деревенька моя, деревушка.
Вновь приехала в эти края.
Речка, мост и косая избушка,
Но теперь уж, увы, не моя.
Деревенька моя, деревушка.
Ты такая на свете одна.
Я иду к тебе, даже макушка
Из высокой травы не видна.
Вот пастух гонит стадо лениво,
И корова мычит в тишине.
Всё приветно, и мило, и дивно,
Нежно душу царапает мне.
Вижу лес, что зовётся дремучий,
Всходит солнце над Березиной,
И – как прыгает солнечный лучик
По волне, что бежит за волной.
Не хочу уезжать я отсюда.
Сердце сжалось в тяжёлый комок.
Жду какого-то странного чуда...
Но уже под окошком гудок.

Мамины калитки

Помню в детстве поутру
Дивилась я немало,
Когда мама солнышки
Из печки доставала.
Подросла немного я,
Маму попросила:
«Как же солнышки испечь?»
Вот как она учила.
По присказке бабушки Матрёны,
Требуют восьмёрки калиточки калёны:
Тут мука ржаная, вода и простокваша.
Масло, соль, сметана да начинка ваша.
Тоненькие сочни
Скалкой раскатаю.
Испеку калитки к щам,

А можно к чаю.
Маленькие солнышки
Выпекаю в плитке.
С картошкой, гречей и пшеном
Я пеку калитки.
Много ела пирогов,
Но нет милее пытки –
Есть с холодным молоком
Горячие калитки.
Мамы нет уже давно,
И о том грущу я.
Печь калитки всё равно
Внучку научу я.
И на масленой неделе
За столом сидит семья,
А калитки нам выносит
Алина – внученька моя.

* * *

Восход, закат ли,
Да небо сине.
Любуюсь этой
Моей Россией.
Леса и горы,
Озёра сини.
Всё это вместе –
Моя Россия.
Грязь по колено,
Весь тракт
В трясилах.
Увы, и это –
Моя Россия.
Дворцов палаты,
А люди сиры,
И это горько –
Моя Россия.
Войны давно уже
Нет в помине,
А люди гибнут
По всей России.
Отец и матери
От пьяни сини,
А дети в приютах
По всей России.
Встряхнись, опомнись,

Пока мы живы,
Да набирайся
Поболе силы.
Сбрось всю ты нечисть,
Встань прямо, гордо.
Ты возродишься!!!
Я знаю твёрдо.

Тебе

Как тяжело мне бывает порой –
Не понимает близкий мой!
Что я устала, совсем нет силы...
Ну, подойди же поближе, милый!
А подойдёт он, ладонь положит,
И пропадёт всё, что сердце гложет.
Возьмёт сомнений он половину –
И разбежались печаль, кручина.
Как хорошо, что пока могу я
Тебя в минуту позвать любую.
С тобою мне не страшны преграды.
И дай нам Бог
Быть подольше рядом!

Александр Черницкий

Александр Александрович Черницкий родился в Вологде в 1963 году. Всё своё детство прожил в Туле, куда вскоре после его рождения переехала семья. Судьба вновь привела в Вологду. Работает наладчиком автоматических линий на Вологодском подшипниковом заводе.

* * *

День Победы в девяносто пятом.
Гражданин небритый и помятый
Тянет пиво у железного ларька.
Грустный взгляд седого ветерана.
Чей-то голос раздаётся пьяный.
Я шагаю с сыном утром рано
И не вижу праздника пока.

Славя жизнь и поминая павших,
Заиграют бравурные марши.
И начальники, традицию храня,
Прочитают клятвенные речи.
В храмах будут тихо таять свечи,
Затрясутся старческие плечи
На ступенях Вечного огня.

Поцелуи ветра

Заболела девочка в июле,
Это ж надо – в середине лета!
Озорного ветра поцелуи
Загорелись изумрудным цветом.

Ходит мама целый день с зелёнкой,
Ставит мама градусник под мышку.
Мама, как наседка над цыплёнком,
А цыплёнок изучает книжку.

Ну а что ей остаётся делать?
Ведь теперь нельзя ни то, ни это.
И за ветром больше не побегать
Под слезами пасмурного лета.

Словно кустик, Аня зеленеет.
Слышишь, мама, перестань ругаться!
Твоя дочь тихонечко взрослеет,
Ей же надо с кем-то целоваться.

Ностальгия

У нас за Вологодой-рекой
Седые дремлют волокни

И дым над северной избой
Клубится белым облаком.
Леса в морозном полусне
Застыли в ожидании,
Когда сойдёт последний снег,
Вернув земле сознание.

И жизнь затопит берега
Крутыми половодьями,
И месяц жёлтые рога
Раскинет над угодьями.
Исчезнут белые холсты
В глуши моей обители.
А где-то к югу от Москвы
Живут мои родители.

Там течёт река Ока
И буква «о» звучит, как «а»,
А здесь у нас, под Вологдой,
Всё только «о» да «ой».

Во граде древних мастеров
Ковалась слава русская.
От залпов пушечных стволов
Бежала рать французская,
И бургер не сумел вкусить
Чай твои да пряники.
Здесь зареклись на Русь ходить
Монгольские начальники.

На крест старинного кремля
Роняет солнце золото.
Благословенная земля,
Ты снова машешь молотом.
Ты снова ставишь самовар,
Готовишь чаепитие,
И я спешу, как на пожар,
Спешу к своим родителям.

А где-то там, под Вологдой,
Старушки бродят по воду.
А здесь, за плёсами Оки,
В саду отцовском яблоки.

Дворник

Утро свет опрокинуло ломкий
На мой снегом укрытый дворик.
Я молил, чтобы снег был лёгкий,
Так как я в этом дворике – дворник.
Но по чьей-то недоброй воле
Снег разбух от дождей, словно вата,
И скрипела, и гнулась лопата
От такой непосильной доли.

Я сжимал кулаки в бессилии,
Проклиная в сердцах непогоду.
Я бы сжёг тому ангелу крылья,
Что снега променял на воду.
А сегодня вдруг стало тихо,
Бродит месяц по звёздной сыпи,
И от снега мой двор искрится,
Словно кто серебра насыпал.

Ты прости меня, брат крылатый,
Что слова мои злыми стали.
Слишком долго махал лопатой,
Вот и крылья мои устали.
Я по сути своей затворник,
Закрываюсь порой на сутки.
Это с виду я грубый дворник,
А внутри очень даже хрупкий.

И встаю по утрам покорно,
Оставляю своё жилище.
Вам сказать, почему я дворник?
Чтобы Мир этот сделать чище.

Деревья

Простынка снега стынет поутру,
Деревья непривычно неподвижны.
Когда их раздевали на ветру,
Лишая чувств, они тянулись к жизни.
А после, молча, вдоль обочин трасс
Они стояли, согнуты печалью,
И словно ждали помощи от нас.

А люди шли и их не замечали.

Прохожая

С каждым рассветом,
С упорством старателя,
Я убираю с асфальтовой скатерти.
Утро погожее,
Жду я прохожую,
Ту, что совсем на других не похожая.
А люди проходят и проезжают,
И труд мой не каждый из них уважает.
Но я упорно сметаю печали,
Чтоб каблучки её звонче стучали.

А вот и она!
Как всё просто и мудро
В моём переулке являет мне утро.
И я растворяюсь в лучах её света
И снова себя ощущаю поэтом.

А как её имя?
А нужно ли это?
Раз с нею светло,
То пускай будет Света!
Лишь вслед погляжу,
Как на чудо захожее,
На самую лучшую в мире прохожую.

* * *

Дороги лёгкие удачи не приносят,
И птицу счастья с рук не покормить.
Лишь на краю скалистого утёса
Ты понимаешь, как прекрасно жить.

Когда ветра глядят на нас с укором
И по домам пытаются вернуть,
У родника, с гитарным перебором,
Ты понимаешь, как прекрасен путь.

Жить для себя – какая это скука!
Живи и созывай весь мир на пир!
И над кроватькой будущего внука
Ты осознаешь, как прекрасен мир.

Шапкина Юлия

Юлия Николаевна Шапкина родилась в 1983 году в посёлке Ломоватка Великоустюгского района Вологодской области. Училась на факультете иностранных языков в Вологодском государственном педагогическом университете. Работает в ИП Попова Л.Х. (диспетчерская служба «Блюз») диспетчером, живёт в Вологде.

О весне

Я люблю весну.
И раннюю, и позднюю.
Гололёд люблю и грязь дорог.
Я люблю её – такую несерьёзную
И такую, как придумал её Бог.
Пенье птиц и утренники ранние,
Набухающие почки и цветы.
Первое весеннее свидание,
На которое опаздываешь ты.
Пусть всё сложно и не так, как хочется,
И ответов на вопросы не найти.
Пусть замучило и гложет одиночество
От душевной и нелепой пустоты.
Я люблю весну! И города весенние!
Запах улиц, булочных, вина.
Необычное душевное волнение
Это ты навеяла, весна.

* * *

Куда убежало моё босоное детство
С той девочкой Юлей,
Играющей в фантики, куклы?..
И кто там живёт с ней теперь по соседству?
Попасть бы в тот мир мне хотя б на минутку.
Проникнуть бы в прошлое то
И зайти в гости к бабушке,
Поесть пирогов, самых вкусных, горячих и с луком.
В песочке порыться
С соседским мальчишкой лопатками,
До ночи носиться с подружкой Анютой...
Тот дом на Лесной навсегда мне запомнится,
И в снах своих вижу его постоянно.
Как всё-таки время по жизни проносится –
Мы сделали бабушкой милую маму..
Куда убежало моё босоное детство
С той девочкой Юлей,
Играющей в фантики, куклы?..

* * *

Разреши мне быть твоей улыбкой,
По утрам с тобою просыпаться.
Дай от сердца своего волшебный ключик,
Чтоб без спроса заходить и оставаться.

Разреши быть радостью и счастьем,
Теплотою глаз твоих зелёных...
Мне немного в этой жизни нужно –
Лишь бы быть в тебя всегда влюблённой.
Разреши быть сном твоим волшебным,
В самых ярких и красивых красках.
Солнцем быть твоим в открытом небе,
Согревать тебя теплом своим и лаской.
Разреши мне рядом быть с тобою...

Ломоватка

Я, как всегда, по осени приеду
В родную даль с непроходимыми лесами,
Где, как родные, добрые соседи,
Где ждут меня давно отец и мама...

Там, на краю двух областей,
Среди болот, где тучи куропаток,
Живёт посёлок, скромный, без затей,
С загадочным названием Ломоватка.
Приеду я сюда, в родимый край,
Где детство поселилось уж другое,
Без телефонного звонка и телеграмм,
Чтобы два сердца радостью наполнить...
Как будто в детстве, я расхлопну дверь
И крикну: «Мама!!!» – прямо из прихожей,
И на душе вдруг станет веселей,
Забудутся заботы дней тревожных.
Всё так же в моей комнате уют,
Как будто никуда не уезжала.
К портретам на стене я подойду –
Я в детстве ещё лучше рисовала...
И тихо мама тронет за плечо,
Обнимет, с лаской к сердцу прижимая:
«Пойдём, Юляшка, стынет чай...»
Люблю, когда она меня так называет.
Отец у печки старенький совсем,
Хотя и делает он вид, что всё, как прежде, –
Года берут своё, и мы стареем все, –
В рабочей, с детства памятной одежде...

Наш старый самовар, широкий стол,
И всё давно накрыто уж к обеду.
Начнём семейный тёплый разговор.

Когда теперь ещё к родителям приеду...

СОДЕРЖАНИЕ

«Хоть один пиит», вступительное слово О. Фокиной	3
АЛЕКСАНДРОВА ГАЛИНА	
В деревне	5
Мастрадия	7
Как сороки кота обидели	9
АЛЕКСАНДРОВА ОЛЬГА	
«Снова я у родимого дома»	13
Летом на реке	14
«Рухнул старый забор»	14
«В церковный купол, всем на диво»	14
В церкви	14
«Кто ада стоит, а кто рая»	15
В пору цветения одуванчиков	15
Ничья	16
На городском кладбище	16
Качели детства	16
«Не кличет птица птицу. Тишина»	17
««Как дела?», бывает, просят»	17
АЛЕКСЕЕВ АНДРЕЙ	
«Наберу слова в пригоршни»	19
Зеркало («Круглый стол, скрипучий стул»)	19
Родине («Бродить по улицам вечерним»)	20
Незабудки.	20
Вера.	21
«Снилось, что иду домой»	21
Герой труда («Лебеда на трактор давит»)	22
«Я сегодня прославляю зиму»	23
«Как часто на погостах здешних»	23
«Ползимы уж отмотали»	24
У костра («Огоньком согрею вечер»)	25
«Когда январские морозы»	26
ВЕРТОСЕЛЬГА ТАТЬЯНА	
Stand up!	28
Бабкин секрет	32
ГОРДЕЕВА НАДЕЖДА	
«Я землю чувствую душой»	37
Зеркало («В нашем доме зеркала»).	37
В Сизьме.	38
Пионы	39
Нина	39
Дочки-матери	40
Послание («Вышел парень из подъезда»)	41
Бабушка и внук	41
«Проходит жизнь. Забыты страсти»	42
Всем миром.	42
«Дождик. Вода. Лужи. Трава.»	43

ЗАГОСКИНА ТАТЬЯНА

«Стихи – как дети, нелюбимых нет»	45
«Девчонка-соседка влюбилась»	45
«Надела лыжи. Славно!»	45
«На душе грустинка»	46
«И снег и вечер. Ты и я»	46
Девятое мая	47
«Как прекрасна земля с высоты»	47
Вера, Надежда, Любовь	48

ИВАНОВА ЛАРИСА

«Стихи как исповедь нужны поэту»	51
Литобъединение «Среда»	51
Кубенское озеро	52
Село Воскресенское	52
Памяти Николая Рубцова	53
Ветеранам Великой Отечественной	53
«Вашу звёздочку в сиянии млечном» (Пахмутовой)	54
Звёзды	54
Осень жизни	55
Ах, апрель! («Так случается между людьми»)	56
Ёжик кот	56
Смысл существования	57

КАЛИНА ОЛЬГА

Моя строка («Не так уж гениальна та строка»).	59
Мой город («В нашем маленьком городе тесно казалось»).	59
Дедушке Степану Морозову	60
Поцелуй	61
Осенины	61
«Жизнь, как под гору бегом»	62
Осень («По аллеикам не спеша»)	62
Милая моя... («Милая моя доченька»)	62
«Есть правда на свете»	63
Средство от хандры	63
«Ты параллельно мне живёшь»	64
Волшебный смычок	64

КАЛУГИН ВИТАЛИЙ

Как у меня рождаются стихи	66
Встреча («Как-то в ресторане Север»).	66
Случайная встреча	70
Кукушка	71
Ночная зарисовка	71
Весеннее («Я смотрю на своё окно»).	71
Признание («Взгляд твой нежностью струится»).	72

КОРИЧЕВА ВЕРА

Понедельник	74
«Взрасти высоким сугробом»	74
«Февральская лазурь» Игоря Грабаря	75
«О, синий тёрн»	75
«Господи, нарисуй мне облако»	76
«Осенние дожди. Пушкин» Виктора Попкова	76
«Москва для москвичей и иностранцев»	76

«Не приеду я, нет, не приеду»	77
Памяти отца Николая Плисткина.	78
В чёрном квадрате	79
«Придумывай себе Россию».	79
КОРОТКОВА ТАТЬЯНА	
«А осины-то, осины выщебечивают»	82
Яблочко	82
«Дом у нашей бабушки»	83
Горькое	84
Три-птичье	85
«Как пошли наши подружки»	86
Мамина пашенка	86
«Берег у речки велик и крут».	87
КОРШУНОВА НИНА	
Несбыточный сон («Глухая деревня мне снится»)	89
Конь мой	89
Кирики-Улиты.	89
Река Двиница	90
Дуб	90
Озаренье.	90
«Только что бродила тихо осень»	91
Зимний гость	91
Встреча в деревне («За рекой я тебя повстречала»)	91
Обман («Туман берёзоньку окутал»).	92
У печки.	92
Пламя («О, печка русская! Люблю смотреть на пламя»).	92
Сентябрь	93
Двое («Заблудимся в просторах листопада»)	93
Тревожный сон («Отчего-то в небе потемнело»)	93
«Как долго я тебя ждала»	94
«Люблю я в деревне Печинки»	94
КРЪСТЕВ МИТО	
Дар небесный (перевод Веры Коричевой).	96
Завет (перевод Галины Нечаевой)	96
«Спи, Крапец, храню в тиши ночной» (перевод Галины Нечаевой)	97
Песня капли (перевод Галины Нечаевой)	97
Птица (перевод Веры Коричевой)	98
Осенний лес (перевод Веры Коричевой)	98
Нива в Щербовце (перевод Веры Коричевой).	99
«В день светлый, поминальный» (перевод Татьяны Сеницы)	99
«Гляжу на жизнь – качаю головой» (перевод Татьяны Сеницы).	100
Вологодский болгарин («Сижу на даче...») (перевод Веры Коричевой)	100
Муха и пчела (перевод Веры Коричевой).	100
Мнение (перевод Веры Коричевой)	101
Осень («Осень поздняя ходит по лесу») (перевод Веры Коричевой)	101
В поле (перевод Веры Коричевой)	102
ЛАВРОВА ТАМАРА	
Сказка о пропавшем озере.	104
Соломенная шляпка.	105

След болезни.	105
Буран.	106
ЛАПИН СЕРГЕЙ	
Это родина моя (поэма)	108
Работник («А мужик-то кирилловский»).	113
Непогода («За окном зелёная сумятица»).	113
«У меня сегодня праздник».	114
«Весёлый дождь стучит в окно».	114
«Через реку смотрит лес»	114
МАКАРОВА ГАЛИНА	
Сходство («Сновиденье – снотворенье»)	116
Образ («Шиповник или бересклет»).	116
«Как живу? Да понемногу»	117
Ивушка.	117
В дороге («Тотьма, Тарнога, Камчуга, Коченьга...»)	118
«Карай меня, карай, но, Господи, и милуй»	118
Верное средство («Верите, со дня вчерашнего»)	119
«Словно два изгнанника из рая»	119
Звено («Налюбуется ли бабушка»)	120
Бы	120
Татьяне Коротковой.	120
«Андрей Владимирович, Здравсьте!»	121
Родство («Позабудется ли родина»)	122
ОСИПОВА ЕВГЕНИЯ	
«Наконец-то вырвалась домой».	124
«Я сегодня видела тебя».	124
«Мы, живя не в любви».	124
Разговор с вороной	125
Автопортрет («Мне говорили прямо, не таясь»).	125
Воспоминания бессонной ночи	126
Первое горе.	126
Жаль, что праздник так быстро закончился	126
Разбитое стекло.	127
Лисёнок	127
На печке.	128
Крина-мосина	128
Дыра	129
Гнилая, вонючая картошка	130
ПАВЛОВ КОНСТАНТИН	
«С неба падали стихи»	133
«По веткам дремлющих раки»	133
Воробьиная ночь	134
«Помню я простуженный вагон»	134
«У меня есть сын и дочка».	134
Папин кабинет	135
Божья коровка.	135
«А мы о любви всё, казалось бы, знаем»	136
«Над застывшей травой»	136
«Пусть говорят: любить несовременно»	136
Бессонница.	137
Моему прадеду Дмитрию Ивановичу Башмакову	137

«Мой шумный двор заметно постарел»	138
«Не избежал я диалога»	138
«Россия, Русь. Тоска в душе и грусть.»	139
Излучина	139
ПЛЕТНЁВА НАДЕЖДА	
«Я теперь как отшельница»	141
«В доме старом ни полов, ни печи»	141
«Я спешу на встречу с домом»	141
«Бабуля, где ты? Я проснулся!»	142
«Просыпаюсь, звон в ушах»	143
«Черноплодную рябину»	143
«День рождения, это ли не праздник»	144
Сомнения	144
«Ко мне, охотничий мой пёс»	145
Привечальная	145
«Крылья в полёте мне были послушны»	146
РОЖИНА РИММА	
Проданная душа (поэма).	148
СЕДОВА АЛЛА	
Дети войны.	171
«Наш дом – в стороне»	178
«Я такой гостеприимный»	178
«Утром меня разбудил воробей»	179
«Дождик весело стучал»	179
«На дворе большая лужа»	179
СИНИЦО ТАТАЬЯНА	
Просто сено.	181
Дудкино	181
Чудо-агрегат	182
«Маме рыбку я дарю золотую»	183
Тоска («Беспричинная тоска»)	184
Баня.	184
«Деревенька моя, деревушка»	185
Мамины калитки.	185
«Восход, закат ли, да небо сине».	186
Тебе («Как тяжело мне бывает порой»)	187
ЧЕРНИЦКИЙ АЛЕКСАНДР	
«День победы в девяносто пятом»	189
Поцелуй ветра.	189
Ностальгия («У нас за Вологдой-рекой»).	189
Дворник	191
Деревья	191
Прохожая	192
«Дороги лёгкие удачи не приносят»	192
ШАПКИНА ЮЛИЯ	
О весне («Я люблю весну»)	194
«Куда убежало моё босоное детство».	194
«Разрешите мне быть твоей улыбкой».	194
Ломоватка	195

